Годъ 9-й. Кн. XXXIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗДАНІЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897. № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Типо-лит. Н. Ф. Александрова, Арбатъ, близъ Арбатскихъ вор., домъ Платонова.
1897.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Опечатка: стр. 113, строка 3 снизу, вм. рвóда слѣдуетъ читать: рóвда.

ОЧЕРКИ ОБЫЧНАГО СЕМЕЙСТВЕННАГО ПРАВА КРЕСТЬЯНЪ МИНСКОЙ ГУБ.

III *).

Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ о раздѣлахъ, наслѣдованіи и опекѣ. Эти отдѣлы обычнаго права настолько важны, что они могли бы составить предметъ особой работы. Мы, впрочемъ, остановимся на нихъ лишь настолько, сколько это необходимо для полноты обзора обычнаго права семьи.

Незачѣмъ говорить о причинахъ раздѣловъ. Въ Бѣлоруссіи эти причины тѣ-же, что и въ остальной Россіи, и онѣ очень хорошо извѣстны. Обѣднѣніе семьи, малоземельность, неурожаи, часто бывшіе въ послѣднее время, трудность найти заработки, и между тѣмъ довольно значительныя подати, обременяющія хозяйственный бюджетъ крестьянина,—вотъ общія причины, вызывающія раздѣлы. Слѣдствія раздѣловъ не менѣе хорошо извѣстны. Старшіе члены семьи, выдѣлившіеся уже съ взрослыми сыновьями, еще перебиваются кое-какъ; но младшіе, обремененные подростками, падаютъ, безсилѣютъ подъ тяжестью труда, въ концѣ концовъ бросаются на посторонніе заработки, сплавъ, и все хозяйство приходитъ въ упадокъ. Внѣшнія причины, вызывающія, по объясненіямъ крестьянъ, раздѣлъ, выражаются ссорами среди членовъ семейства. Ивану кажется, что Степанъ лѣнивъ, что онъ могъ-бы въ одинъ день скосить сѣнокосъ, да затянулъ на другой, а тутъ пошли дожди и сѣно пропало; а Степану въ свою очередь кажется, что по винѣ Ивана пала кобыла, цѣлый годъ кормившаяся соломой съ крышъ, и т. д. до

*) См. XXXII кн. „Этногр. Обозрѣнія".

безконечности. Всякому кажется, что если бы онъ самъ косилъ, не полагаясь на брата, то дождь не сгноилъ-бы сѣна, да и кобыла хоть безъ сѣна, а жила бы и т. д. Братья еще кое-какъ терпятъ, младшій уступаетъ старшему, и тотъ и другой понимаютъ тяжелое положеніе хозяина—одиночки. Но женщины сживаются съ большимъ трудомъ. Онѣ ссорятся другъ съ другомъ изъ-за дѣтей, работы и пр., и если самъ хозяинъ не пользуется достаточнымъ авторитетомъ, не прикрикнетъ во́-время, то эти ссоры ведутъ къ раздѣлу: жены пользуются всякимъ случаемъ, чтобы возбудить враждебныя отношенія между мужьями. Въ рѣшеніяхъ суда мы постоянно встрѣчаемъ указанія на то, что причина раздѣловъ—женскія ссоры; судъ наказываетъ иногда виновныхъ, но это мало помогаетъ дѣлу и только отсрочиваетъ раздѣлъ.

Что касается до отношенія крестьянъ къ раздѣламъ, то въ общемъ сочувствіе массы не на сторонѣ раздѣла, не исключая даже и тѣхъ, которые сами подѣлились. Они очень хорошо знаютъ всѣ невыгодныя стороны раздѣловъ, но жизнь всетаки дѣлаетъ свое, и раздѣлы увеличиваются.

Въ бытовомъ отношеніи интересно привести нѣсколько указаній на причины раздѣла. При отрицательномъ взглядѣ на раздѣлъ, судъ, слѣдуя общественному мнѣнію, въ каждомъ данномъ случаѣ старается установить наличность такихъ причинъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее совмѣстное существованіе семействъ. На судѣ, напр., констатировано, что одинъ изъ братьевъ „отвыкъ отъ работы", скитаясь на службѣ по чужимъ дворамъ; понятно, что семьѣ мало пользы отъ такого отбившагося члена, и судъ даетъ братьямъ раздѣлъ (Бобр.). Изъ другого дѣла выясняется неприглядное положеніе младшаго брата въ семьѣ старшаго, и суду приходится раздѣлить ихъ (Бобр.). Или, наконецъ, члены семьи не выполняютъ всѣхъ условій общей жизни и заставить ихъ исполнять эти условія невозможно, напр. „стали сами себѣ зарабатывать деньги и употреблять ихъ на себя" (ib.), или жена одного изъ братьевъ „задорная женщина и на спокойствіе въ семьѣ нѣтъ надежды" и т. п.— и судъ постановляетъ раздѣлъ. За то съ другой стороны,

судъ не разрѣшаетъ раздѣла, разъ есть надежда на то, что семейныя дѣла пойдутъ гладко. Въ одномъ интересномъ дѣлѣ между родными братьями приводится содержаніе трехъ предыдущихъ рѣшеній суда: всѣми ими запрещалось братьямъ дѣлиться, но, наконецъ, раздѣлъ фактически произошелъ помимо суда, какъ видно изъ дѣла, по невозможности братьямъ сжиться (Бобр.). Въ другихъ случаяхъ иногда приводятся и аргументы, почему раздѣлъ воспрещается: „семьи малы, чтобы жить отдѣльно", говоритъ одно дѣло, мотивируя отказъ. Но у суда есть еще одинъ важный аргументъ для отказа въ раздѣлѣ: нежеланіе раздѣла со стороны старшаго въ семьѣ—отца, брата, примака и пр., вообще „хозяина"—служитъ самою вѣскою причиною для отказа; судъ въ такихъ случаяхъ не только отказываетъ зачинщикамъ раздѣла, но и наказываетъ ихъ за неповиновеніе „старшему въ домѣ". Такого рода факты настолько многочисленны, что нѣтъ нужды приводить отдѣльныхъ примѣровъ; слѣдуетъ только отмѣтить, что въ южной полосѣ Минскойгуб. и случаевъ отказа встрѣчается больше, и мотивировка, только что указанная, встрѣчается чаще. Только выясненіе полной невозможности дальнѣйшаго существованія семьи нераздѣльно, или выясненіе неодобрительныхъ поступковъ хозяина по отношенію къ младшимъ членамъ семьи, можетъ побудить судъ необратить вниманія на протесты представителя семьи.

Стремясь предупреждать раздѣлы, судъ иногда прибѣгаетъ къ средней мѣрѣ, въ практичности которой можно усомниться: онъ предписываетъ раздѣлиться движимымъ имуществомъ, жить въ отдѣльныхъ избахъ, но владѣть землею сообща. (Пин.). Въ одномъ случаѣ, судъ потребовалъ такого общаго владѣнія землею отъ братьевъ, раньше раздѣлившихся (Бобр.). Мало того, судъ готовъ преслѣдовать того изъ братьевъ, который отдѣлится самовольно, безъ согласія остальныхъ: въ такихъ случаяхъ онъ иногда налагаетъ наказаніе, а иногда, подтверждая раздѣлъ, лишаетъ виновника его извѣстной части семейнаго имущества, по крайней мѣрѣ движимаго (Пин.).

Таковъ взглядъ суда на раздѣлъ, и едвали нужно доказывать, что онъ отражаетъ въ себѣ представленія большей

части, наиболѣе консервативной, крестьянскаго общества: практика суда вполнѣ сходится съ впечатлѣніями наблюдателя [1]).

Отцы не всегда надѣются, что послѣ ихъ смерти дѣти долго проживутъ вмѣстѣ. Вотъ почему нѣкоторые заранѣе приготовляютъ все нужное для раздѣла: строятъ общими силами семьи избы и др. хозяйственныя постройки для каждаго сына и пр. Бываютъ раздѣлы и при жизни отца; иногда даже отецъ предлагаетъ сыновьямъ мирно раздѣлиться и дѣлитъ ихъ самъ, оставаясь или при одномъ изъ сыновей (обыкновенно младшемъ) или, если можетъ еще работать, оставляя себѣ часть равную съ сыновьями; отецъ не можетъ надѣлять своихъ сыновей по своему усмотрѣнію: въ случаѣ малѣйшаго отступленія судъ уравниваетъ права отца съ сыновьями и заставляетъ его дать имъ равныя части [2]). Если отецъ имѣетъ младшихъ сыновей и выдѣляетъ старшаго сына, то обязанъ ему дать равную часть, но при передѣлѣ земли, когда подрастутъ малолѣтніе, сынъ обязанъ возвратить свою землю и раздѣлиться съ братьями поровну (Пин.). Отецъ оставляющій занятіе хозяйствомъ, можетъ

---

1) Къ нашимъ личнымъ наблюденіямъ прибавимъ еще одинъ отзывъ постояннаго жителя бѣлорусской деревни: „Народъ считаетъ раздѣлы разрушителями хозяйствъ; въ особенности же ими недовольны старики; молодые же мирятся съ раздѣлами, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ потому именно, что никакъ не могутъ удержать своихъ женъ отъ ссоръ съ прочими членами семьи“ и пр. (П. П. Демидовичъ).

2) Приведемъ слѣд. выдержку изъ одного рѣш. суда Пинскаго у.: Михаилъ Слижъ просилъ разсмотрѣть дѣло „о завладѣніи его частью земли и сѣнокоса отцомъ его Василіемъ и братомъ Еремѣемъ, за которую онъ уплачиваетъ ежегодно, а также гумна и хлѣба, засѣяннаго ими на его части земли рожью, недаютъ. А потому проситъ о вышеизложенномъ удовлетвореніи. Вслѣдствіе сего былъ спрошенъ отецъ Михаила Василій, который показалъ, что онъ третью часть земли отдалъ сыну Михаилу, которою онъ нынѣ пользуется, изъ строеній слѣдуемую ему часть получилъ, а гумна ему не слѣдуетъ. Что же касается до засѣяннаго хлѣба, то таковаго не давалъ и давать не намѣренъ. Судъ рѣшилъ: крестьянинъ Василій Слижъ обязанъ дать сыну своему Михаилу въ добавокъ къ имѣющимся у него строеніямъ, еще двѣ стѣнки отъ гумна, а также изъ засѣва ржи 80 сноповъ, кромѣ сего предоставляется право рядовому Михаилу Слижу совмѣстно съ отцомъ и братомъ пользоваться доходами съ $^1/_3$ части земли и сѣнокоса“.

удержать себѣ часть земли (обыкновенно седьмую) и передать ее до своей смерти тому сыну, у котораго онъ живетъ; объ этой землѣ мы уже говорили.

Послѣ раздѣла, каждый изъ раздѣлившихся имѣетъ право распоряжаться своимъ участкомъ, какъ ему угодно. Одинъ крестьянинъ, уже раздѣлившійся съ братомъ, пожелалъ взять примака къ своей дочери и передать ему землю, такъ какъ сыновей у него не было. Но братъ его воспротивился. Дѣло было представлено на судъ и онъ рѣшилъ, что всякій изъ братьевъ можетъ по своему усмотрѣнію передавать землю послѣ раздѣла (Пин.).

Выше шла рѣчь о дѣлежѣ имущества при жизни отца. Но если отецъ умираетъ, не раздѣливъ сыновей, то раздѣлъ въ такомъ случаѣ опредѣляется или завѣщаніемъ или обычаемъ, хотя завѣщаніе едва ли когда либо противорѣчитъ обычаю.

Только въ послѣдніе годы бѣлоруссы чаще и чаще обращаются къ письменнымъ завѣщаніямъ. Обыкновенно же все, что завѣщаетъ отецъ своимъ сыновьямъ—это жить мирно, не спорить, жить вмѣстѣ, а если и дѣлиться, то по любви, безъ дракъ, не проклиная имени отца. Эти увѣщанія отца къ дѣтямъ очень обычны: они считаются какъ бы священною обязанностью бѣлорусса, они же вмѣстѣ съ предсмертнымъ благословеніемъ считаются самымъ дорогимъ завѣтомъ для сыновей. Бѣлоруссъ умираетъ очень спокойно и прямо смотритъ въ глаза смерти. На смертномъ одрѣ онъ съ мельчайшими подробностями разсказываетъ сыновьямъ, какъ они должны жить и какъ и чѣмъ дѣлиться; только сдѣлавъ такое „наказаніе“ и благословивъ дѣтей, онъ считаетъ свой жизненный долгъ исполненнымъ.

Предсмертное „наказаніе“ замѣняется или дополняется письменнымъ актомъ, когда хозяинъ предвидитъ раздоры въ семьѣ при дѣлежѣ. Убѣжденный ходомъ окружающей жизни, старикъ рѣшается завѣщаніемъ напередъ распредѣлить имущество между сыновьями [1]). Если раздѣлы между родными

---

[1]) Напр., изъ Бобр. у.: Я, Колосенко, будучи въ настоящее время уже въ дряхлости и старости, но при здравомъ умѣ, имѣя двухъ сыновей Мартина и

братьями далеко не всегда совершаются гладко, то тѣмъ болѣе трудно отстоять свои права примаку, сдольнику, пріемышу. Неудивительно поэтому, что завѣщанія въ пользу послѣднихъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ завѣщанія въ пользу родныхъ сыновей. Такъ, дядя дѣлаетъ устное завѣщаніе при свидѣтеляхъ о раздѣлѣ земли между племянникомъ, которому назначаетъ одну треть ея, и примакомъ, получающимъ остальныя двѣ трети (Пин.). Легко можно предположить, что раздѣлъ между племянникомъ и примакомъ могъ бы повести къ цѣлому ряду споровъ [1]). Весьма понятно также желаніе примака или сдольника, право на землю ко-

---

Сафона, оба семейные, пожелалъ распредѣлить при моей жизни принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущихъ возникнуть послѣ моей смерти между моими сыновьями споровъ и тяжбъ. Принадлежащія мнѣ постройки я распредѣляю такъ: Мартинъ долженъ получить въ свое пользованіе одинъ новый домъ съ сѣнями, два скотскихъ сарая, одинъ сарай для овечекъ и одинъ сарай для свиней, одну варивню, одну клѣть и одну пуню; всѣ означенныя постройки въ настоящее время находятся уже въ пользованіи Мартина. А другому сыну Сафону я отдаю старый домъ съ сѣнями, 2 сарая, варивню, клѣть и гумно съ овиномъ; также и эти строенія находятся въ пользованіи Сафона. Все остальное принадлежащее мнѣ имущество должно находиться въ пользованіи такъ, какъ оно находится въ настоящее время, и ни одинъ изъ моихъ сыновей не имѣетъ права простирать претензію за имущество къ другому.

1) Приведемъ еще одно рѣшеніе Горб. в.: Я, Андрей Шереметь, будучи въ настоящее время уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, но при здравомъ умѣ, имѣя двухъ дочерей, старшая Александра и младшая Ирина, изъ которыхъ къ Александрѣ въ настоящее время принимаю въ мужья Ивана Севруна, пожелалъ заблаговременно распредѣлить между ними принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущаго возникнуть послѣ моей смерти спора о таковомъ. Принадлежащее мнѣ движимое имущество и строенія я распредѣляю такъ: старшей своей дочери Александрѣ я завѣщаю жилой домъ съ сѣнями, 1 новый сарай, одного молодого мерина масти рыжей и двое старыхъ свиней, а младшей Иринѣ варивню, гумно, одного стараго мерина и 2 свиней. Прописаннымъ выше имуществомъ дочери мои Александра и Ирина могутъ воспользоваться лишь послѣ моей смерти, но если младшая дочь Ирина еще при моей жизни или послѣ моей смерти выйдетъ замужъ въ другое семейство, т. е. не приметъ мужа къ себѣ на мое хозяйство, то она имѣетъ право взять себѣ въ видѣ приданаго описанный ей выше скотъ, а завѣщанныя ей строенія должны оставаться на мѣстѣ и перейдутъ въ собственность старшей дочери Александры, въ собственность которой по выходѣ Ирины въ замужество въ другое семейство останется и все положительно принадлежащее мнѣ имущество, кромѣ упомянутаго Иринѣ приданаго.

торыхъ основывается на обычаѣ, утвердить за своими наслѣдниками землю. Такъ, напр., отчимъ-примакъ, владѣвшій въ качествѣ хозяина-примака землею пасынка, дѣлаетъ письменное духовное завѣщаніе въ пользу и пасынка и своихъ дѣтей (Пин.) и т. д. Завѣщаніе матери намъ встрѣтилось всего одно, но и оно передаетъ волю ея покойнаго мужа, выраженную имъ при своемъ духовномъ отцѣ. При отсутствіи завѣщанія порядокъ раздѣла покоится на обычаѣ.

При жизни отца раздѣлъ совершается весьма просто: неизвѣстны даже случаи приглашенія постороннихъ лицъ для совершенія раздѣла. Братья, если дѣлятся въ согласіи, иногда обходятся безъ постороннихъ лицъ. Но въ спорныхъ случаяхъ присутствіе послѣднихъ обязательно. Иногда дѣлящіеся приглашаютъ только близкихъ людей, родственниковъ, но бываютъ раздѣлы и при стеченіи 20 человѣкъ (Пин.), съ участіемъ сельскаго старосты, или даже всего сельскаго общества: большинство раздѣловъ довольствуется присутствіемъ третьихъ лицъ, но иногда составляется ими же письменный актъ [1]).

---

[1]) Бобр. у.: 1892 года, октября 13 дня. Мы нижеподписавшіеся крестьяне Бобруйскаго уѣзда, Горбацевичской волости, Сычковскаго общества, села Сычкова Онуфрій Өедоровъ Гринокъ, дер. Мирошина Михаилъ Тимофеевъ Сафонъ и застѣнка Краснаго Игнатій Бобокъ, будучи приглашены по добровольному желанію кр. нашего общества, села Сычкова родными братьями Климомъ, Тимофеемъ и Савеліемъ Павловыми Зубовичами для раздѣла ихъ между собою спора въ отношеніи между ними ихъ движимаго и недвижимаго имущества и рѣшенія таковаго по нашему убѣжденію, осмотрѣвъ ихъ строенія мы рѣшили: 1-му Климу должно остаться изъ строеній жилой домъ съ сѣнцами, въ которомъ онъ живетъ, скотскій хлѣвъ и половину пуни, а гумно пополамъ съ двоюроднымъ братомъ Платономъ Зубовичемъ. 2-му Тимофею должно остаться дворъ, жилая истопка, амбаръ, половина скотскаго хлѣва и половина запаснаго гумна, и 3-му Савелію должно остаться пяти-аршинный хлѣвъ цѣлый и половина восьми-аршиннаго, а жилой домъ онъ построилъ новый. Имѣющаяся у нихъ земля въ количествѣ $10^1/_2$ дес. должна остаться въ общемъ пользованіи Клима и Тимофея Зубовичей, за которую они общими силами должны оплачивать денежные и отбывать натуральныя повинности, а брату ихъ Савелію они должны уступить безплатно кусокъ земли, гдѣ онъ построилъ себѣ жилой домъ, и дать ему же за причитающійся платежъ сѣнокоса среднюю лучку въ уроч. Галахъ; и такъ какъ Тимофей и Савелій отошли отъ Клима по собственному желанію, то Тимофей и долженъ дать Савелію изъ своей части кусокъ пахатнаго поля въ уроч. подъ Василевичи, гдѣ уже онъ ни къ Климу, ни къ Савелію касаться не долженъ.

Нѣтъ нужды подтверждать особыми примѣрами права при раздѣлѣ отдѣльныхъ членовъ семьи на общее имущество. Единокровные братья получаютъ равныя части отцовскаго имущества. Если дѣлится племянникъ съ дядьями, то онъ получаетъ часть, которая слѣдовала бы его отцу. Изба отцовская переходитъ къ младшему изъ братьевъ съ тѣмъ однако, что онъ помогаетъ въ постройкѣ старшимъ; если отцовская изба весьма плоха, то младшему брату надбавляется что-либо изъ построекъ. Надворныя постройки дѣлятся поровну, по стѣнкамъ. Если одинъ изъ братьевъ не участвовалъ въ возведеніи той или иной постройки (будучи, напр., въ солдатахъ или на заработкахъ въ свою пользу), то онъ и не получаетъ изъ нея соотвѣтственной части. Тоже примѣняется и въ томъ случаѣ, если братъ не жилъ въ семьѣ при покупкѣ скота, посѣвѣ хлѣба и пр. Надо имѣть въ виду, что если братья единокровные въ малолѣтствѣ не живутъ на землѣ отца, уходятъ съ матерью къ отчиму, то они не теряютъ правъ своихъ на землю. Съ другой стороны, необходимо напомнить, что при раздѣлѣ принимается въ расчетъ и то, всѣ ли братья одинаково трудились на общей землѣ. Если одинъ изъ нихъ не работалъ въ семьѣ по собственному желанію, уйдя напр. въ прiймы или въ пріемыши, то такой земли не получаетъ.

Всякаго рода обязательства, напр. долги, принятые на себя главою семьи, отчимомъ, старшимъ братомъ и др., въ имущественномъ отношеніи падаютъ на всѣхъ тѣхъ, кто владѣетъ имуществомъ [1]).

---

[1]) Крест. дер. Бояръ Панкратъ Курильчикъ жаловался на крест. дер. Осова Давыда, Федора и Андрея Бебчиковъ, которые не отдаютъ ему 10 рублей, одолженныхъ у него ихъ покойнымъ отцомъ, и кромѣ того Давидъ Бебчикъ, какъ старшій въ семьѣ послѣ смерти отца, взялъ у него одинъ возъ сѣна и пару колесъ, за что ему также не платитъ. Проситъ взыскать съ отвѣтчиковъ 16 р. Отвѣтчики показали: Давидъ Бебчикъ, что дѣйствительно отцовскаго долга осталось 10 р., и кромѣ того, когда они братья жили еще вмѣстѣ, онъ бралъ у Курильчика возъ сѣна и пару колесъ для общаго ихъ хозяйства, за что еще неуплачено. Андрей и Ѳедоръ Бебчики показали, что Курильчикъ собственно желаетъ, чтобы съ нихъ взыскать 16 руб. въ пользу зятя своего, а ихъ брата Давида, почему онъ и признаетъ этотъ долгъ, но въ сущности онъ уже уплаченъ. Волостной судъ по выслушаніи сторонъ, предлагалъ дѣло кончить

По опредѣленности правовыхъ нормъ съ правами братьевъ надо сопоставить права сдольниковъ, примака или пріемыша. Ихъ участіе въ общесемейномъ имуществѣ зиждется на обычаѣ или на письменномъ договорѣ, который приходитъ въ послѣднее время въ подкрѣпленіе обычая. Общественное мнѣніе о такихъ лицахъ наводитъ справку въ одномъ направленіи: было ли оно въ семьѣ семьяниномъ, или простымъ рабочимъ. Въ первомъ случаѣ они получаютъ часть земли или опредѣленную договоромъ, или равную съ остальными сонаслѣдниками. Выше было достаточно говорено о правахъ пріемныхъ членовъ семьи на общее имущество, и здѣсь нѣтъ нужды повторять прежнее.

Гораздо труднѣе опредѣлить права наслѣдованія такихъ лицъ, которыя не являются сыновьями, родными или пріемными, оставившаго имущество лица. Практика волостного суда имѣетъ мало случаевъ высказаться по этому поводу, понятія крестьянской среды также смутны. И это вполнѣ понятно. Стоитъ ближе вглядѣться въ народную жизнь, чтобы убѣдиться въ томъ, что имущество, земельное и движимое, рѣдко остается безъ прямого наслѣдника.

Юридическія права на имущество крестьянинъ получаетъ только при образованіи собственной семьи — съ женитьбой. Но если безсемейный крестьянинъ умираетъ до раздѣла, то его жена уходитъ изъ семьи покойнаго, а имущество его остается въ средѣ этой послѣдней. Если крестьянинъ отдѣлился (что съ безсемейными опять таки бываетъ очень рѣдко) и умеръ, оставивъ послѣ себя жену или дочерей, то онѣ имѣютъ возможность завладѣть землей, если останутся на ней, принявъ къ себѣ примака или сдольника. Только тогда, если ни жена, ни дочь не остаются на землѣ, можетъ быть рѣчь о наслѣдникѣ. Въ этомъ случаѣ передача земли зависитъ отъ сельскаго общества, которое далеко не всегда справляется, при передачѣ земли, съ родственными отношеніями: оно, правда, предпочитаетъ передать землю родствен-

миромъ, но за непослѣдованіемъ таковаго, судъ. признавая жалобу Курильчика основательною, рѣшилъ: взыскать съ Давида, Андрея и Ѳедора Бебчиковъ для Панкрата Курильчика всего 13 руб. (Горб. в.).

нику покойнаго, но наименѣе обезпеченному землей или совсѣмъ безземельному, причемъ близость родства не имѣетъ особеннаго значенія.

Право женщины на наслѣдованіе землею зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: уходитъ ли она въ чужую семью, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ женщина никоимъ образомъ не получаетъ части земли. Это одинаково относится какъ къ вдовѣ, послѣ мужа которой остается земля безъ наслѣдниковъ [1]), такъ и къ незамужнимъ. При назначеніи опеки надъ пятью малолѣтними сиротами, среди которыхъ были двѣ дѣвочки, сельскій сходъ Побоковичскаго общества (Бобр. у.) задался вопросомъ: кто по существующимъ мѣстнымъ обычаямъ въ обществѣ долженъ почитаться наслѣдникомъ на оставшееся имущество? Сходъ нашелъ, что мѣстный обычай по наслѣдованію имуществомъ существуетъ такой: прямыми наслѣдниками считаются дѣти мужескаго пола, а женщины имѣютъ право получить изъ имущества при выходѣ въ замужество лишь приличное состоянію приданое, но наслѣдница женщина, оставшаяся на хозяйствѣ отца и принявшая къ себѣ примака, имѣетъ равныя права на наслѣдованіе имуществомъ наравнѣ съ наслѣдниками мужескаго пола; каковой обычай наслѣдованія и примѣнить къ малолѣтнимъ Селивановичамъ".

---

[1]) Выпись изъ рѣш. вол. суда Горбацевичской волости: Волостные судьи въ засѣданіи своемъ слушали: прошеніе кр. дер. Дѣдкова Пелагеи Гавриловой Росликъ объ отнятіи отъ нея десятины земли, надѣленной на перваго ея мужа солдата Осипа Шпила, переданной бывшимъ старшиной солдаткѣ Екатеринѣ Головачъ въ дер. Побоковичахъ. На судѣ изъ поясненія сторонъ и свидѣтельскихъ показаній оказалось слѣдующее: просительница Пелагея Росликъ за смертію ея перваго мужа солдата Осипа Шпиля 10 лѣтъ уже вышла вторымъ бракомъ за крест. дер. Дѣдкова Парфена Рослика, который имѣетъ хозяйство и новый участокъ земли; десятина же земли, надѣленная на ея перваго мужа солдата Осипа Шпиля, какъ оставлена просительницею, и какъ (просительница) не имѣетъ дѣтей отъ перваго мужа, б. старшиною передана солдаткѣ Екатеринѣ Головачъ съ согласія общества. По выслушаніи обстоятельствъ дѣла постановили: десятину земли, надѣленную и записанную по выкупнымъ документамъ при дер. Побоковичахъ на солдата Осипа Шпиля, который послѣ смерти какъ не оставилъ наслѣдниковъ и жена его Пелагея Гаврилова вышла вторымъ бракомъ въ дер. Дѣдкова, въ домогательствѣ ей отказать, а землю признать въ пользу солдатки Екатерины Головачъ.



Рѣшеніе схода, равно какъ и рѣшеніе суда, приведенное въ примѣчаніи, вполнѣ раскрываютъ народный взглядъ на наслѣдованіе женщины; къ словамъ его слѣдуетъ только прибавить, что такой взглядъ развитъ повсемѣстно въ изученномъ нами районѣ, и нѣтъ надобности приводить дальнѣйшихъ цитатъ.

Можно прибавить, что ссылка на „мѣстные обычаи" особенно часто встрѣчается въ дѣлахъ, касающихся правъ наслѣдованія женщины: волостной судъ, или сельскій сходъ несомнѣнно знаютъ, что мѣстный обычай въ данномъ случаѣ не сходится съ писанымъ правомъ, и потому особенно настойчиво напоминаютъ о немъ.

Пока выяснится, останется ли вдова или дѣвушка на землѣ, или удалится въ другую семью, она сохраняетъ всѣ наслѣдственныя права на землю [1]).

[1]) Приведемъ еще одно рѣшеніе суда, любопытное по своей сложности: Обстоятельства дѣла слѣдующія: послѣ смерти крест. дер. Атрошковичъ Василія Семенова Рутьки родныхъ дѣтей не осталось, а только падчерица Магдалина Осипова и ея мужъ Петръ Ошурко, которые и до смерти своей владѣли имуществомъ Рудьки, а послѣ смерти ихъ остались дочери Домна, Пелагея, Макрина, Грипина и Фрузина. Изъ нихъ на старшей Домнѣ женился крест. дер. Петровичъ Лука Бородинъ и завладѣлъ имуществомъ Василія Рудьки. А какъ послѣдняго племянникъ записалъ въ одномъ семействѣ по X народной переписи Илья Рудько, то и предъявилъ права на имущество Василія Рудьки. Нынѣ на судѣ крест. Лука Бородинъ объяснилъ, что 7 лѣтъ тому послѣ смерти Петра Ошурки, онъ былъ работникомъ въ хозяйствѣ Ошурки, а потомъ остался хозяиномъ, какъ женился на старшей дочери Петра Домнѣ, и владѣетъ имуществомъ по праву наслѣдства жены Домны Петровой. Илья Рудько объяснилъ, что ранѣе не предъявлялъ правъ на имущество дяди Василія Рудьки, какъ состоялъ пріемышемъ въ дер. Забудькахъ Городковской волости, но за возрастомъ сыновей у тестя и вытѣсненія его изъ хозяйства тестя, онъ, оставшись безземельнымъ, предъявилъ права на имущество дяди въ 1883 г., и съ тѣхъ поръ производилось дѣло въ разсмотрѣніи сельскаго схода и нѣсколько разъ волостнаго суда. Свидѣтели подтвердили жалобу Ильи Рудьки. По выслушаніи обстоятельствъ дѣла судъ нашелъ: хотя дѣйствительно по X народной переписи по дер. Атрошковичи въ одномъ семействѣ записаны Василій Рудько, его племянникъ Никифоръ съ отмѣткою „рекрутъ" и послѣдняго сынъ Илья, и по выкупнымъ документамъ участокъ земли записалъ на Василія Рудька, но такъ какъ Илья Рудько не жилъ въ семействѣ Василія, а жилъ пріемышемъ къ дочери Магдалинѣ Петръ Ошурко и отъ нихъ происходятъ дѣти Домна, Пелагея, Макрина, Грипина и Фрузина, постановили: все имущество Василія Рудьки предоставить въ пользу дѣтей Петра Ошурки: Домны, Пелагеи, Макрины, Грипины и Фрузины.

Если бы по малолѣтству дочерей земля отца была захвачена кѣмъ нибудь, то дочери имѣютъ право требовать землю назадъ (Пин.). Если дочерей нѣсколько, то всѣ онѣ признаются наслѣдницами въ равныхъ доляхъ (Пин.) При раздѣлѣ дочь или мать, принявшія примака, уравниваются въ правахъ на землю съ другими членами семьи: извѣстны многочисленные случаи, когда женщина получаетъ часть земли такую же, какъ и братья. Изъ одного дѣла видно, что дочери дана была равная часть съ семьяниномъ примакомъ, принятымъ ея отцомъ къ своей племянницѣ,—„на основаніи мѣстныхъ обычаевъ". Въ другомъ случаѣ судъ раздѣлилъ дочь и ея мужа примака съ матерью, принявшею тоже примака, и опредѣлилъ имъ пользоваться равными долями (Пин.).

Такимъ образомъ, права дочерей на землю ограничиваются лишь такими случаями, когда отецъ, отдѣлившись отъ своей семьи, не оставилъ мужескаго потомства, и когда эти дочери остаются на своей землѣ, принимая къ себѣ примаковъ: въ такомъ же отношеніи стоитъ жена къ мужниной землѣ.

Для полноты остается отмѣтить о правахъ наслѣдованія по женщинѣ. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о движимомъ имуществѣ. Материнское приданое и сбереженія переходятъ къ дочерямъ, и даже мать не можетъ взять приданое покойной дочери, если у послѣдней остались дочери; если ихъ нѣтъ, то приданое возвращается въ родную семью.

Обычное право, въ разныхъ углахъ изслѣдованнаго района, смотритъ совершенно одинаково на *опеку*, на то, кто можетъ быть опекуномъ и въ чемъ ея суть. Разнообразіе заключается не столько въ пониманіи обычнымъ правомъ своей задачи, сколько въ чисто внѣшней сторонѣ дѣла: въ однихъ мѣстностяхъ, преимущественно въ южныхъ, сельскій сходъ составляетъ изустные приговоры, въ другихъ—всякій приговоръ заносится въ соотвѣтственную книгу волостнаго правленія. Высшее попеченіе надъ сиротами находится въ рукахъ сельскаго схода.

Для него опека имѣетъ двоякое значеніе: онъ наблюдаетъ за „воспитаніемъ" сиротъ, т. е. за тѣмъ, чтобы было ихъ кому одѣвать и кормить, и за исправнымъ взносомъ податей

съ того участка земли, который принадлежитъ малолѣтнимъ; къ этому надо присоединить и заботы о цѣлости опекаемаго имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго. Если сироты необезпечены землей, то сходъ старается пристроить ихъ пріемышами въ болѣе состоятельныя семьи.

Когда нужно назначить опеку, сходъ собирается и составляетъ приговоръ, въ которомъ называются имена опекуновъ, перечисляется движимое и недвижимое имущество опекаемыхъ, опредѣляется срокъ опеки (до совершеннолѣтія старшаго изъ опекаемыхъ мальчиковъ или до выхода дѣвочекъ замужъ) и даются наставленія о томъ, чтобы имущество было сохранено въ цѣлости и подати уплачивались бы аккуратно. Нѣтъ нигдѣ намека на то, чтобы опекаемые получали что нибудь вродѣ аренды съ земли; опекунъ обязанъ только платить за нихъ подати и кормить ихъ; даже изъ скота къ концу опеки онъ обязанъ сохранить то же количество, которое получаетъ въ попеченіе, рѣдко говорится о томъ, что приплодъ составитъ собственность дѣтей. Такимъ образомъ за заботы о малолѣткахъ опекунъ получаетъ доходъ съ земли и имущества.

Однако, всѣ эти сложныя формальности опеки имѣютъ мѣсто тогда, когда въ семьѣ не осталось старшаго, хозяина: среди многочисленныхъ приговоровъ не удалось встрѣтить такого, который бы поручалъ опеку старшему брату—представителю семьи, дядѣ въ нераздѣлившейся семьѣ и т. п. Вполнѣ естественно, что сходъ въ этомъ случаѣ не считаетъ нужнымъ вмѣшиваться въ дѣла семьи: оставшійся его представитель является опекуномъ малолѣтнихъ и плательщикомъ податей. Встрѣчаются случаи порученія опеки пріемышу надъ дѣтьми пріемнаго отца, или примаку, вошедшему въ домъ къ старшей изъ малолѣтнихъ уже по смерти отца. Въ такомъ случаѣ къ мужу переходитъ опека и надъ женою до раздѣла ея съ остальными сонаслѣдниками, или ихъ совершеннолѣтія.

Если у малолѣтнихъ есть мать, то дѣти поручаются ей, а веденіе хозяйства возлагается на особо назначенныхъ опекуновъ въ томъ случаѣ, если мать не намѣрена вести его сама. Такъ, въ одномъ случаѣ сельскій сходъ назначаетъ

опекунами мать и еще двоихъ крестьянъ, хотя высшій надзоръ за дѣтьми онъ оставляетъ за собой. Можно даже указать приговоръ схода, назначающій опекуна, при жизни матери дѣтей безъ указанія на то, сохраняетъ ли она права опеки надъ дѣтьми или устраняется. Но эти единичные случаи, можетъ быть объяснимые какими-либо особыми условіями, не измѣняютъ однако повсемѣстнаго представленія, по которому мать имѣетъ неотъемлемое право опеки: она распоряжается имуществомъ, совершаетъ за опекаемыхъ сдѣлки и пр. [1]).

Другое дѣло если сходу приходится заботиться о сиротахъ не только по отцу, но и по матери. Въ такомъ случаѣ онъ назначаетъ опекунами ближайшихъ родственниковъ и усиливаетъ надъ ними контроль, смѣняетъ ихъ и пр.

Необходимо отмѣтить еще и то, что сельскій сходъ беретъ въ опеку только сиротъ. Извѣстны случаи, когда сходъ назначаетъ опеку надъ семьей, представитель которой боленъ, вести хозяйства не можетъ, а въ семьѣ одни малолѣтки, безъ хозяйки [2]).

---

[1]) Приведемъ по этому поводу рѣшеніе Горбацевич. вол. суда (1891 г.): Крестьянка дер. Старинокъ Палагея Курильчикъ жаловалась на братьевъ покойнаго мужа ея Устина, Леона и Григорія Курильчиковъ, которые забрали въ свое пользованіе всю землю, у нихъ находящуюся, а ей ничего не даютъ, такъ что она не имѣетъ гдѣ посѣять картофель. Такъ какъ послѣ смерти мужа остался сынъ Антонъ 14 лѣтъ—она желаетъ его отдать къ дядѣ его, т.е. къ брату мужа ея Устину Курильчику, почему и проситъ судъ слѣдуемую часть земли передать въ пользованіе Устина, при которомъ будетъ находиться сынъ ея Антонъ. Отвѣтчики показали: Устинъ, что онъ согласенъ принять къ себѣ Антона съ тѣмъ, чтобы часть его земли находилась у него; Леонъ, что согласенъ отдать часть Антону по совершеннолѣтіи его;—Григорій, что онъ засѣялъ одинъ загонъ картофеля Пелагеѣ и больше дать не хочетъ. Волостной Судъ, по выслушаніи сторонъ, предлагалъ дѣло кончить миромъ, но за непослѣдованіемъ онаго, признавая жалобу Пелагеи основательною, рѣшилъ: предоставить Устину Курильчику право пользоваться одною четвертою частію земли изъ общаго ихъ надѣла, принадлежащею малолѣтнимъ Курильчикамъ, съ тѣмъ, что они должны будутъ находиться на полномъ его попеченіи.

[2]) 1877 года, апрѣля 21 дня, Мы нижеподписавшіеся крестьяне дер. Бояръ, собравшись на деревенскій сходъ и въ присутствіи нашего сельскаго старосты, разсуждали между собою о томъ, что односелецъ нашей деревни крестьянинъ Григорій Рудякъ совершенно больной, такъ что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе, и онъ не имѣетъ жены, а имѣетъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей—сына Василія и дочерей Матрену и Прасковію, за которыми нуженъ присмотръ, а



На обязанности опекуна, какъ сказано, лежитъ наблюденіе надъ дѣтьми и сохраненіе имущества. Опека прекращается, когда дѣвушки выходятъ замужъ и парни женятся. По отношенію къ первымъ, если дѣвушка выходитъ въ чужую семью, на обязанности опекуна лежитъ выдача ей приданаго „по состоянію". Если дѣвушка живетъ въ семьѣ брата, то также обязанность лежитъ на немъ.

Мы разсмотрѣли строй бѣлорусской семьи и нормы обычнаго права, которыми она регулируется. Нашъ бѣглый очеркъ достаточно свидѣтельствуетъ, что обычай въ данное время слабѣетъ въ крестьянской средѣ, уступая новымъ жизненнымъ условіямъ. Но и то, что осталось въ настоящемъ, представляетъ глубокій научный интересъ, который способенъ еще болѣе возрасти, при сопоставленіи настоящаго съ прошлымъ. Рядомъ съ семейною общиною, состоящею изъ родственниковъ, въ крестьянской средѣ бытуетъ община, составляющаяся искусственно. Прототипъ такой семьи можно безошибочно указать въ дворищѣ-службѣ періода Литовско-русскаго государства; въ основѣ своей дворище носило семейно-родовой характеръ, хотя и тогда уже сябры не всегда были связаны кровнымъ родствомъ. Въ XV—XVI в. преобладающею формою крестьянскаго землевладѣнія—было сложное

также и за самимъ Григоріемъ, для того единогласно приговорили: для досмотра за Григоріемъ Рудякомъ и его дѣтьми назначить опекуна крест. дер. Бояръ Семена Шимока съ тѣмъ, что онъ обязанъ при всѣхъ взять къ себѣ на свое иждивеніе, принадлежащую землю Григорію Рудяку, 1/2 надѣла отдать въ пользованіе Шимоку на восемь лѣтъ, Семенъ обязанъ платить за Григорія всѣ казенныя повинности и за землю выкупной платежъ, а такъ какъ у Григорія Рудяка есть движимое имущество: два вола, одна корова и одна свинья, жилой домъ, амбаръ, варивня и хлѣвокъ, то это должно находиться въ распоряженіи Семена Шиленка въ теченіе 8 лѣтъ, а по истеченіи этого срока когда сынъ Василій будетъ совершеннолѣтнимъ, Семенъ Шимокъ обязанъ землю ему возвратить, а также и движимое ему имущество; строенія Шимокъ обязанъ поддерживать, дабы не приходили въ ветхость. Нынѣ же на Григоріи числится много казенной недоимки и онъ не имѣетъ денегъ очистить оную, то предоставить право Шимоку одного вола продать и таковую пополнить: когда Григорій умретъ, то Шимокъ обязанъ похоронить его по христіанскому обряду.

дворище, но, оно какъ тогда такъ и теперь, не сосуществовало рядомъ съ формой малой семьи. Мало того, можно даже указать на то, что способы и причины образованія семейной общины нѣсколько вѣковъ тому назадъ часто вполнѣ совпадаютъ съ нынѣшними: пріемъ въ семью „за сына мѣсто", какъ выражаются документы, большой надѣлъ при маломъ числѣ рабочихъ рукъ и очевидныя выгоды сябриннаго владѣнія — побуждали соединяться нѣсколько семействъ въ одно дворище; наоборотъ, малоземельность, обиліе рукъ заставляли семью дѣлиться и младшихъ членовъ ея уходить „на свой хлѣбъ". Въ самой организаціи семейной общины, въ характерѣ, напр., власти отца, порядкѣ наслѣдованія и опеки и пр., можно найти типическія черты которыя легко сопоставить съ бытомъ отдаленнаго прошлаго.

М. Довнаръ-Запольскій.

КОЕ-ЧТО ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРИМѢТЪ,

касающихся погоды и урожая.

(Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія и быта крестьянъ Купянскаго уѣзда).

Чѣмъ полнѣе и глубже изучаются повѣрья, обычаи и обряды малороссовъ, тѣмъ чаще открываются, тѣмъ яснѣе обнаруживаются слѣды вліяній, между прочимъ, древняго классическаго греко-римскаго міра на славянъ. Таково мнѣніе многихъ изъ нашихъ ученыхъ. Такъ, напр., въ статьѣ: „Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу“ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ говоритъ: „Вліяніе отдаленнаго Рима на славянскую, въ частности южнорусскую обрядность, не можетъ быть отвергаемо“ (стр. 9). И далѣе: „Здѣсь естественно возникаетъ мысль, что между древними классическими народами и славянами, и въ особенности той отраслью славянскаго племени, отъ которой впослѣдствіи пошелъ южно-русскій народъ, было тѣсное общеніе и единеніе, не только племенное, по крови, но и духовное, культурное, общеніе сильное, глубокое, неуступающее по интенсивности общенію германскаго міра съ латинскимъ западомъ“ (стр. 23). Другіе наши ученые (акад. А. Веселовскій, проф. В. Ѳ. Миллеръ, покойный проф. Потебня) слѣды такого культурнаго общенія между славянами и греко-римлянами указали въ малорусскихъ колядкахъ и русской масляницѣ. Малорусскія метеорологическія повѣрья, вообще, и примѣты погоды и урожая, въ частности, также заключаютъ въ себѣ, по моему мнѣнію, не мало отзвуковъ классической старины.

Матеріальное благосостояніе человѣка, а въ связи съ нимъ душевное его спокойствіе, довольство, радость и веселіе, или, наоборотъ, скудость, печаль и уныніе находятся весьма часто въ прямой зависимости отъ силъ и явленій природы. Сознаніе могущественнаго вліянія природы на жизнь людей заставило уже древняго человѣка обратить особенное вниманіе на ея явленія, какъ на періодически повторяющіяся, неизмѣнныя въ своемъ величавомъ теченіи, такъ сказать, божественныя, такъ равно и на случайныя, нарушающія стройный порядокъ первыхъ, носящія на себѣ отпечатокъ какъ бы произвола, страсти, прихоти.

Настойчиво, но и до сихъ поръ тщетно, старается человѣкъ освѣтить искрой, похищенной отъ божественнаго огня, непроглядный мракъ начальныхъ причинъ, и страшно медленно, съ ошибками почти на каждомъ шагу, успѣваетъ, при слабомъ блескѣ ея, обслѣдовать да и то только частью міръ повседневныхъ явленій.

Уже первобытный человѣкъ пытался воздѣйствовать на таинственныя силы, коимъ онъ приписывалъ причину наблюдаемыхъ имъ явленій, усиливался направить послѣднія въ свою пользу, измѣнить ихъ, отвратить или, по крайней мѣрѣ, предугадать ихъ вредныя послѣдствія. И путемъ многовѣкового наблюденія явленій природы умъ человѣка подмѣтилъ если не причинную связь между ними, то все же извѣстную между нѣкоторыми изъ нихъ послѣдовательность. Это и дало основаніе къ установленію примѣтъ, по которымъ человѣкъ сталъ заключать отъ предшествующихъ къ послѣдующимъ явленіямъ и такимъ образомъ получилъ нѣкоторую возможность предохранять себя отъ ихъ вредныхъ вліяній.

Первоначально религія, а затѣмъ и наука стремились, и доселѣ стремятся, подчинить себѣ силы природы, присвояя имъ различныя наименованія, и направить ихъ на пользу человѣка. Молитвы, жертвоприношенія, заклинанія, съ одной стороны, наблюденіе, опытъ и его примѣненіе, съ другой,— вотъ средства, при помощи которыхъ и древній и современный человѣкъ пытался и пытается воздѣйствовать на природу, чтобы подчинить ея силы своимъ матеріальнымъ и духовнымъ нуждамъ.

Предусмотрительность—существенное отличіе культурнаго человѣка отъ дикаря. И вотъ уже на первыхъ ступеняхъ культуры высшіе классы первобытныхъ обществъ сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ учрежденія, устанавливающія и регулирующія отношенія народной массы къ силамъ природы и ихъ проявленіямъ. Предметы внѣшней природы отъ небесныхъ свѣтилъ до древеснаго угля, отъ парящаго въ выси орла до ползающаго по землѣ червя стали служить указателями и предсказателями будущихъ, какъ благопріятныхъ, такъ равно и неблагопріятныхъ событій. Составились правила молитвъ, жертвоприношеній, гаданій; установлены были обряды, явились календари.

Римскій календарь заключалъ въ себѣ почти тѣ же рубрики свѣдѣній, какія мы находимъ и въ нашихъ современныхъ календаряхъ. Въ немъ обозначались дни рабочіе, присутственные и неприсутственные, дни общественныхъ молитвъ, жертвоприношеній, очищеній, дни счастливые и несчастливые, дни благопріятные и неблагопріятные для разнаго рода сельскохозяйственныхъ работъ и занятій.

Римскій государственный культъ долженъ былъ внушительно дѣйствовать на болѣе юные славянскіе народы и оставить въ немъ глубокіе слѣды своего вліянія. Дѣйствительно, еще и донынѣ среди народовъ славянскаго племени хранится многое изъ древняго языческаго римскаго обычая и многое изъ старинной книжности, глубоко черпавшей изъ того же источника.

Если римскій понтифексъ, при появленіи новой луны, обращался къ богинѣ Юнонѣ, символическимъ образомъ которой служила луна, съ молитвеннымъ воззваніемъ о покровительствѣ нарождающемуся, молодому, то и современная малорусская дѣвушка, не зная о существовавшемъ нѣкогда обрядѣ, тѣмъ не менѣе, по традиціи, увидѣвъ новую луну, тоже молится и взываетъ: «Молодыкъ, якъ быкъ! тоби на сповня, мини на здоровья; тоби на свити свитыты, мини на свити жыты; тоби остры рогы, мини чорны бровы!» И затѣмъ, не сходя съ мѣста, проситъ подать ей ножницы и отрѣзать три раза кончикъ косы. Отрѣзанные волосы она зарываетъ подъ правой ногой въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ

стоитъ. Иныя, впрочемъ, эти волоса закатываютъ въ сухой пометъ коровы и потомъ вмазываютъ его въ плетень, чтобы волоса плелись, коса лучше росла.

Правда, у всѣхъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ, извѣстна масса вѣрованій относительно луны и вліянія двухъ ея фазъ, новолунія и полнолунія, на погоду и людскія дѣла, тѣмъ не менѣе возможно допустить, что большинство малорусскихъ аграрныхъ примѣтъ имѣетъ своимъ ближайшимъ источникомъ древній римскій культъ и, въ частности, древній римскій календарь. Конечно, теперь трудно или, точнѣе сказать, почти невозможно фактически доказать, положимъ, вліяніе римскихъ ауспицій на нынѣшнія народныя примѣты погоды по птицамъ или по внутренностямъ кабана. Но когда мы и въ наше время находимъ у народныхъ грамотѣевъ списки календарей прошлаго столѣтія и когда мы знаемъ, что рукописные календари, бывшіе въ употребленіи въ Польшѣ въ XIII вѣкѣ, содержали тѣ же свѣдѣнія о вліяніи планетъ и луны на человѣка и погоду, какія затѣмъ повторяются, съ незначительными измѣненіями, въ календаряхъ XVI, XVII и даже XVIII вѣковъ, то невольно составляется не только предположеніе о возможности вліянія римскаго государственнаго культа на славянъ, но даже и увѣренность въ неизбѣжности таковаго вліянія и сохраненія слѣдовъ его въ народной памяти.

Въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ вѣковъ христіанства и отцы церкви и соборныя постановленія часто и сильно говорятъ противъ примѣси языческихъ обрядовъ къ христіанскимъ, противъ вѣрованій древняго классическаго міра. Издается рядъ постановленій относительно употребленія книгъ вѣрующими, съ перечисленіемъ „еретическихъ книгъ, ихъ же не подобаетъ чести православнымъ“, какъ это обозначено, напр., въ такъ называемой Кирилловой книгѣ, столь почитаемой нашими старовѣрами въ слободахъ Ново-Николаевкѣ и Нижней-Дуванкѣ. Въ ней поименованы слѣдующія еретическія книги: „Мартолой, рекше Астрологъ, Астрономія, Землемѣріе, Чаровникъ, въ ней же суть дванадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичьихъ, еже есть первое хранитъ тѣло свое мертво, летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и

дятломъ, и рыщетъ лютымъ звѣремъ и рысью, и вепремъ дикимъ, и волкомъ, и медвѣдемъ, и лютымъ зміемъ. Книга Громникъ, Молніяникъ, Мѣсяцъ окружится, Коледникъ, Метаніе, Мысленикъ, Сносудецъ, Волховникъ, волхвующе птицами и звѣрями, еже есть сіе: храмина трещитъ, ухозвонъ, вороносграй, куроклинъ"... И далѣе: „Путникъ книга, въ ней же есть писано о стрѣчахъ коби всякія еретическія, и о часѣхъ добрыхъ и злыхъ, еже есть Богомъ отречено" и т. д.

А между тѣмъ первые проникшіе изъ Польши въ Малороссію календари наполнены были не только предсказаніями о погодѣ и о времени, когда начинать работы, дѣлать покупки, но и „о днѣхъ, въ нихъ же достоитъ отъ всего хранитися: не врачевать человѣка, ни скота, кровь пускать, ни браковъ творить, ни дѣтей учить..." Короче сказать, излагается все то, въ болѣе или менѣе категорической формѣ, противъ чего ратовала церковь. И календари съ такого рода свѣдѣніями получаютъ наибольшее распространеніе между церковниками, какъ лицами книжными и среди тогдашняго общества наиболѣе образованными, а черезъ нихъ календарныя свѣдѣнія проникаютъ и въ народную массу. Причемъ свѣдѣнія эти, сохраняя въ неприкосновенности почти всѣ свои древнія и средневѣковыя черты, постепенно пріобрѣтаютъ въ глазахъ народа извѣстный авторитетъ, такъ какъ для усиленія послѣдняго грамотѣи не стѣснялись включать ихъ и въ чтимые народомъ апокрифы, напр., въ „Сонъ Богородицы", или происхожденіе ихъ приписывали разнымъ ученымъ и даже святымъ. Такъ въ находящемся у меня современномъ спискѣ «Сна Богородицы» помѣщена при концѣ апокрифа таблица „несчастныхъ дней", и о ней сказано: „Таблица эта составлена славнымъ европейскимъ астрологомъ Пибульскимъ, военнаго монастыря въ каменной стѣнѣ найдена была 165 года. Оный пишетъ, въ томъ году найдется 32 дня, въ которые не должно ничего начинать или совершать важнаго и никуда въ путь не отправляться. Кто въ эти дни родится, тотъ бываетъ небогатъ, а кто заболѣетъ, не такъ скоро выздоровѣетъ, или если перейдетъ съ двора во дворъ, или съ службы въ службу, или изъ деревни въ деревню,—вездѣ за нимъ послѣдуетъ несчастіе".

Въ другомъ спискѣ начала текущаго столѣтія съ печатнаго календаря, носящаго заглавіе: „Календарь грекорусскаго сочиненія математики учителемъ Василіемъ Карнѣевымъ Ивасовскимъ. Печатано въ Кролевцѣ Прускомъ отъ лѣта Господня 1730 года на сто лѣтъ",—помѣщена слѣдующая таблица: Сентября 3—24, Октября 3—21, Ноября 5—11, Декабря 3—24, Генваря 2—13, Февраля 2—11, Марта 4—23, Апрѣля 5—20, Майя 6—21, Іюня 3, 12, 20, Іюля 3, 8, 21 и Августа 6 и 17. Затѣмъ прибавлено: „вышеписанныхъ мѣсяцевъ и числъ не дни, а минуты нѣкоторыя есть злыя". А въ объясненіе къ ней сказано: „сія дни ихъ же прояви Богъ преподобному отцу Герасиму черноризцу Печерскому, въ нихъ же не подобаетъ ни садити, ни сѣяти.

Такимъ образомъ римскіе nefasti dies, пройдя долгій путь, являются въ концѣ 19-го вѣка у малорусскаго грамотѣя несчастными днями, за удостовѣреніемъ авторитетнаго для народной массы имени.

Хотя въ древней „Кормчей книгѣ" и запрещаются всякія пированія и возліянія на могилахъ въ поминальные дни, однакожъ обычай этотъ сохраняется кое-гдѣ и въ наше время. Хотя вѣра въ сглазъ, въ чохъ отнесена въ названной книгѣ къ числу еретическихъ, но, какъ древніе римляне почитали чиханіе хорошимъ предзнаменованіемъ, вѣрили сглазу, имѣли обычай оговариваться и отплевываться, такъ и современный крестьянинъ-малороссъ неизмѣнно хранитъ все это въ числѣ своихъ исконныхъ обычаевъ и повѣрій.

При устойчивости формъ земледѣльческаго быта, тѣсно связаннаго съ явленіями окружающей природы, всѣ перемѣны въ послѣдней должны были вызывать усиленное вниманіе перваго земледѣльца и всѣ послѣдующія затѣмъ явленія должны были твердо запечатлѣваться въ его памяти и становиться достояніемъ послѣдующихъ поколѣній. Цвѣтъ неба, закатъ солнца и луны, блескъ звѣздъ, направленіе и сила вѣтра, движеніе и форма тучъ, крики животныхъ,—все служитъ предзнаменованіемъ будущей погоды, все становится практической примѣтой и всѣ такого рода примѣты закрѣпляются со временемъ письменностію.

Въ нашихъ письменныхъ памятникахъ 16-го вѣка встрѣ-

чается статья: „окруженіе солнцу и лунѣ", въ которой, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Аще окружится мѣсяцъ августъ, рыбы и меду много будетъ. Аще окружится мѣсяцъ сентябрь, дождя много будетъ. Аще окружится октябрь, лѣто сухое будетъ..." или: „Кольцо вокругъ солнца—къ ненастью. Кольцо вокругъ луны—къ вѣтру. Рога луны остры и ярки—къ ведру; круты—къ морозу; пологи—къ ненастью" и т. д. Почти тѣже самыя примѣты относительно солнца и луны мы находимъ въ извѣстномъ съ прошлаго столѣтія письмовникѣ Курганова и въ собранныхъ нами, приводимыхъ ниже, мѣстныхъ народныхъ примѣтахъ.

Народныя примѣты аграрнаго характера:

ПРИМѢТЫ ПОГОДЫ и УРОЖАЯ.

А. Предсказанія погоды.

По небу.

1. Ранній разсвѣтъ—къ хорошей погодѣ, поздній—къ ненастью.

2. Заря, утренняя или вечерняя скоро потухаетъ—будетъ вѣтеръ.

3. Утреннее небо желтоватое—къ дождю.

4. Чистое небо вечеромъ — къ хорошей погодѣ; если же вечернее небо туманно „подулось"—на вѣтеръ.

5. При ясной погодѣ лѣтомъ отдаленные предметы неясные, какъ бы во мглѣ,—къ засухѣ.

6. «Якъ на чыстимъ неби блыска монія,—буде суша».

7. Послѣ сильнаго дождя быстро выяснится—опять будетъ дождь.

8. Чистое небо при заходѣ солнца предвѣщаетъ хорошую погоду, а покрытое тучами—ненастную.

9. Сѣрый цвѣтъ вечерняго неба предвѣщаетъ ненастье и вѣтеръ, а голубой—хорошую погоду.

10. Вечернее ярко-желтое небо—къ вѣтру.

11. Вечернее небо блѣдно-желтое — къ дождю. Вообще, красная вечерняя заря къ вѣтру, блѣдная—къ дождю.

12. Вечерняя заря скоро погорить,—на слѣдующій день будетъ вѣтеръ; а если утренняя скоро погоритъ, то будетъ дождь.

По солнцу.

1. „Якъ схватыця сонце рано, то той же день буде дощъ", т. е., если утренняя заря короткая, продолжается недолго.

2. Солнце утромъ сразу выскочило—къ дождю.

3. При восходѣ солнце медленно выплываетъ изъ-за облака—къ хорошему дню.

4. Солнце восходитъ изъ-за тучи—къ хорошей погодѣ.

5. Солнце восходитъ ясно и затѣмъ за тучу—къ дождю.

6. Солнечные лучи при восходѣ короткіе, темные, желтоватые или зеленоватые—къ скорому дождю.

7. Солнце при восходѣ красновато—къ вѣтру.

8. Солнце идетъ въ кругѣ—къ дождю.

9. „Стовпъ" впереди солнца—къ хорошей погодѣ, позади—къ дождю.

10. Темноватое облако около солнца, или солнце кажется въ туманѣ, въ кругѣ, или солнце блѣдно—къ дождю.

11. Лѣтомъ солнце сильно паритъ и лучи его темнѣютъ—къ сильной грозѣ.

12. Свѣтлые столбы около солнца зимою — къ сильнымъ морозамъ.

13. Чистый закатъ солнца—къ ведру.

14. Если при восходѣ или при закатѣ солнца бываютъ около него столбы, то лѣтомъ будетъ страшная „спéка" (жара), а зимой—сильный морозъ.

15. „Якъ бувають стовпы коло сонця зимою, то будуть люти морозы, а якъ литомъ, то буде засуха".

16. Солнце садится за „стину" (тучу), а остальное небо чистое—къ дождю.

17. При захожденіи солнца появляются темныя облака,—ночью или къ утру дождь.

18. Солнце лѣтомъ садится во мглѣ, красноватое—къ засухѣ.

19. При закатѣ солнце „червоно“ и заря „червона“ — къ вѣтру.

20. Если послѣ солнечнаго заката при облакахъ послѣднія дѣлаются красными, „погорыть зоря“, то на слѣдующій день будетъ вѣтеръ, и тѣмъ сильнѣе будетъ, чѣмъ краснѣе облака и заря.

По лунѣ.

1. Луна ярка—къ ведру; блѣдна, мутна — къ дождю или (зимою) къ снѣгу; красновата—къ вѣтру.

2. „Кругомъ мисяца кругъ — на дощъ; видкиля ворота (разрывъ въ кругѣ), виттиль витеръ“.

3. „На молодыку (новолуніе) ридко бува годына“ (вёдро).

4. Если молодикъ покажется на третій день, — мѣсяцъ будетъ погожій; если покажется послѣ третьяго дня,—погода будетъ перемѣнная.

5. Тонкій молодикъ предсказываетъ хорошую погоду на весь мѣсяцъ, „обдутый—витеръ; высыть пузомъ внызъ — на дощъ“. Нижній рогъ тонкій, а верхній толстый — первая половина мѣсяца погожая, вторая—ненастная, и наоборотъ.

6. Молодикъ съ острыми рогами—къ ведру, съ тупыми—къ ненастью; верхній рогъ крутой, острый, нижній отлогій,—первая половина мѣсяца будетъ зимою морозная, лѣтомъ—сухая; а вторая—зимою теплая, влажная, лѣтомъ дождливая.

7. „Якъ молодыкъ прямый, — годыноватый буде, а колы крывый—дощевый“.

8. „Молодыкъ народытця, на другый день обмыетця, а на третій день прогляне“.

9. Какою погодою начинается „кватыря“ (четверть), такая будетъ во все ея продолженіе.

10. Если на новолуніе пройдетъ дождь, „скупае молодыка“, то и вся „перва кватыря“ будетъ дождливая.

11. Какая погода на ущербѣ луны, такая будетъ и въ теченіе всей четверти.

12. «На переходи» (конецъ послѣдней четверти и начало новой) большею частью бываетъ «негода».

13. Если зимою луна блѣднѣе обыкновеннаго и на ней замѣчаются разноцвѣтныя полоски, то жди «виходы», то есть сильной бури съ снѣжной мятелью.

14. Кольцо около луны — къ вѣтру; луна въ кругѣ красноватомъ—тоже къ вѣтру, въ блѣдномъ—къ дождю, ненастью. Вообще круги около луны предвѣщаютъ перемѣнную погоду: лѣтомъ -ненастье, зимою - мятель.

15. «На вповни мисяця добре всяку всячину солыты, шобъ повненька удалась». Шобъ бувъ повный макъ, повни гвоздыкы, треба сіяты на повнимъ мисяци».

По звѣздамъ.

1. «Зори (звѣзды) подулысь—на витеръ; ясни—на годыну. Багато зирокъ—на годыну, мало—на негоду».

2. Сильно блестятъ звѣзды зимой—къ морозу, лѣтомъ—къ жарѣ.

3. Звѣзды какъ бы бѣгутъ—къ вѣтру; лучи ихъ темные—къ бурѣ, зимою—къ мятели.

4. Звѣзды мутны—къ дождю; мало звѣздъ тоже—къ дождю. «Якъ зирки маненьки та темни на неби,—скоро дощъ буде; а якъ велыки та ясни, то скоро не дожидай его».

5. Въ какой части неба звѣзды блестятъ сильнѣе, оттуда жди вѣтра.

6. Зимой звѣзды ярко блестятъ, посылая лучи во всѣ стороны—къ сильному морозу съ вѣтромъ.

7. Если звѣзды кажутся высоко и свѣтитъ тускло,—зимою къ оттепели, лѣтомъ къ дождю.

8. Звѣзды яркія и пляшутъ, —зимой къ морозу, лѣтомъ къ сушѣ.

9. Ясный млечный путь—лѣтомъ къ сушѣ, зимой къ морозу; тусклый—къ ненастью.

По облакамъ и по туману.

1. Свѣтлое облако на востокѣ при восходѣ солнца скоро исчезающее —къ погожему дню.

2. «Якъ на заходи сонця хмары йдуть за сонцемъ — на годыну, а якъ одъ сонця—на негоду».

3. «Хмары йдуть противъ витру — на дощъ; нызько хмары йдуть - на дощъ, высоко—на годыну».

4. При заходѣ солнца затягиваетъ небо съ сѣвера — къ вѣтру.

5. Синія вечернія облака—къ перемѣнѣ погоды.

6. Если съ вечера ходятъ по небу большія кучевыя облака, то на другой день будетъ хорошая погода; если же съ вечера по небу разбросаны облака мелкими клочьями, жди на слѣдующій день дождя.

7. Если лѣтомъ при закатѣ солнца облака сгущаются, темнѣютъ и становятся свинцоваго цвѣта, — жди ночью грозы.

8. Туманъ стелется утромъ по водѣ—къ хорошей погодѣ, поднимается съ воды вверхъ—къ дождю.

9. Туманъ, исчезающій послѣ восхода солнца, предвѣщаетъ хорошую погоду, поднимающійся съ рѣки вверхъ — къ дождю.

10. Туманъ, опускающійся зимою къ землѣ, предвѣщаетъ «одлыгу», (оттепель), высоко держащійся надъ землею—хорошую погоду.

По росѣ.

1. Большая утромъ роса къ хорошей погодѣ; нѣтъ росы—къ дождю. Вообще выпаденіе росы предвѣщаетъ сушу, а ея отсутствіе дождь.

2. «Въ литне времъя якъ утромъ не буде росы, то буде днемъ дощъ».

3. Если появившаяся послѣ дождя роса скоро опадаетъ, то вслѣдъ затѣмъ будетъ опять дождь; а если долго держится, то—хорошая погода.

4. Роса появляется на травѣ съ вечера—къ хорошей погодѣ; тихая свѣтлая ночь безъ росы—ожидай на слѣдующій день дождя.

5. Роса, имѣющая кисловатый или горьковатый вкусъ, полезна для растеній, а для скота здорова, а сладкая на вкусъ вредна для скота.



По вѣтру и по звуку.

1. «Витыръ зъ нызу (съ юга)—на дощъ, зъ горы (сѣвера)—на годыву».

2. Вѣтеръ съ лѣтняго восхода—зимою на морозъ, а лѣтомъ къ хорошей погодѣ; вѣтеръ съ зимняго восхода—лѣтомъ къ сушѣ, зимою къ морозу.

3. «Якъ подуе нызивка, то буде дощъ, а зимою мокрый снигъ, а якъ довше подуе, то и дощъ. Витыръ зъ вырхивъ (сѣверный) сухый и холодный; витыръ съ-пидъ сонця (восточный) якъ подуе дня тры, то буде довго дуты и буде засуха; витыръ съ-пидъ горы (западный) найчаще бува такый же, якъ и нызивка».

4. Продолжительный, нѣсколько дней сряду, сѣверный вѣтеръ зимою предвѣщаетъ бурю съ снѣжной мятелью, причемъ снѣгъ будетъ крупный и густой.

5. Восточный порывистый вѣтеръ со свистомъ—къ продолжительному холоду зимою.

6. Продолжительный южный вѣтеръ приноситъ дождь, западный—хорошую погоду. Вообще же, сѣверный и восточный вѣтеръ предвѣщаютъ постоянную погоду; лѣтомъ—сушь, зимою—морозы; а южный и западный—перемѣнную.

7. Откуда по захожденіи солнца дыхнетъ вѣтеръ, оттуда будетъ дуть на слѣдующій день.

7. Вихрь идущій лѣтомъ въ тихую погоду столбомъ—къ сушѣ, растилающійся—къ ненастью.

9. Если колокольный звонъ слышенъ ясно, сильно, то будетъ зимою морозъ, лѣтомъ хорошая погода; если глухо слышенъ звонъ,—лѣтомъ—къ дождю, зимою—къ снѣгу.

10. Если зимою шумитъ лѣсъ,—ожидай оттепели.

11. «Якъ млыны (водяныя мельницы) шумять, то буде негода, и чымъ дужче шумлять, тымъ скорій негода».

12. «Якъ здорово чуты Радькивскій (съ юго-запада) звинъ и спивы парубкивъ у ясну погоду, то выприминно скоро буде дощъ, а зимою, якъ здорови морозы,—на одтыпель».

13. Зимою ставни у оконъ скрипятъ на мятель и въ ливадахъ вербы шумятъ тоже на мятель.

14. Вѣтряки скрипятъ—буря будетъ; вѣтрякъ туго поворачивается—на сушь и безвѣтріе.

15. Когда зимою вверху въ воздухѣ слышится шумъ, то жди мятели.

16. «Вербы зимою ревуть—на мятель».

По дыму и по огню.

1. «Дымъ на землю пада — на негоду, вгору поднимаеця стовпомъ—на годыну».

2. Дымъ изъ трубъ опускается внизъ и стелется по землѣ, — жди зимою оттепели, а лѣтомъ дождя; идетъ вверхъ — зимою къ морозу, лѣтомъ къ сушѣ.

3. Дрова въ печи шипятъ, дымятъ, плохо загораются — на оттепель.

4. При горѣніи дровъ въ печи слышенъ пискъ и трескъ зимою къ морозамъ.

5. Дрова въ печи горятъ сильно и пламя стремится въ трубу съ какимъ-то гоготаніемъ,—жди бури.

6. Сильная тяга въ печи зимою на морозъ, лѣтомъ на сушу, а слабая—на сырую погоду.

7. Солома при горѣніи въ печи сбивается въ «кимяхъ» (шаръ) передъ морозомъ; зола скоро тухнетъ—къ оттепели.

8. На морозъ и вообще на сухую погоду жаръ (горящіе уголья) въ печахъ отъ дровъ яркій, сильный, дольше остается и медленно тухнетъ, на сырую—скоро обращается въ золу. Соломенный жаръ на морозъ сбивается въ комья, трудно его разгромаживать кочергой.

9. «Косарыкы на челюстахъ (въ печи) косять (схватывается пламя по налету сажи)—на дощъ».

10. «Огонь въ печи реве на годыну и витеръ. Якъ при тòпци печи гудè пламья, то буты здоровому витру».

ПО ЖИВОТНЫМЪ.

По собакамъ

1. Собака свертывается и лежитъ калачикомъ—на холодъ, растягивается по землѣ, раскидавъ ноги, — на тепло, ѣстъ

траву — на дождь, мало ѣстъ и много спитъ — къ ненастью; катается по снѣгу—къ мятели, по травѣ—къ вѣтру.

2. «Якъ собака лизе або на постройку, або на солому, то буде тепло; а якъ лягае де-ныбудь пидъ соломою, або пидъ сараемъ, однымъ словомъ—пидъ закрытьтямъ, то буде дощъ, а якъ качаетця на снигу, то буде метелыця».

3. «Передъ дощемъ собакы качаюця по трави, йидятъ траву, а якъ зимою качаюця по снигу, то на вихолу».

4. Собаки гоняются одна за другой и играютъ въ снѣгу—на заверюху.

По кошкамъ.

1. Кошка бѣгаетъ-играетъ на сушь, деретъ лапами на дворѣ деревья, въ комнатѣ ковры, мебель—на вѣтеръ, лежитъ посреди комнаты, откинувъ хвостъ— на тепло, садится на подоконникъ и смотритъ въ окно—тоже на тепло, ложится, свернувшись клубкомъ, на что-нибудь мягкое или на печь—къ холоду, ѣстъ траву — на дождь, лижетъ лапу — на хорошую погоду, лижетъ хвостъ и прячетъ морду—къ ненастью.

2. «Кишка деретця лапами объ мишокъ або объ стовпъ—на мятиль, на пичьховаетця—на холодъ, на доливци ляга—на тепло. Кишка третця объ шо-нибудь, — тепло буде, якъ зогнетця,—холодно буде, лежитъ на спыни, ногамы догоры,—къ дощу».

3. «На дощъ и на снигъ кишка сонлыва, а якъ устае, то потягаитця и передними лапами царапае объ дерево».

По рогатому скоту и по овцамъ.

1. Если при хорошей погодѣ скотъ изъ загороды самъ идетъ въ сарай или подъ навѣсъ,—ожидай скоро ненастья: лѣтомъ дождя, зимой мятели, и наоборотъ: скотъ идетъ въ загороду къ хорошей погодѣ.

2. Когда ночью на пастьбѣ волъ лежа кладетъ хвостъ на спину—скоро будетъ дождь.

3. Скотъ мало пьетъ воды, днемъ спитъ—къ дождю.

4. Телята лѣтомъ дрочатся, т. е. бѣгаютъ поднявъ хвосты—къ бурѣ и грозѣ.

5. Коровье молоко закисаетъ вскорѣ послѣ удоя—къ грозѣ. Коровы даютъ меньше молока — на дождь; дойки у коровы холодныя—къ морозу и мятели.

6. Ягнята весело бѣгаютъ вокругъ могилъ и на могилахъ (курганахъ)—къ хорошей погодѣ.

По лошадямъ.

1. Лошадь фыркаетъ лѣтомъ—къ дождю, зимою—къ мятели.

2. «Якъ кони прыскають, то буде дощъ, въ яку сторону повыртають морду, виттиля и жды доща»,

3. «Кони, або скотына, выбрыкують, зимою одъ воды йдучы,—на митиль».

4. Лошадь ложится на землю лѣтомъ передъ сырою погодой, зимою передъ снѣгомъ.

По свиньямъ.

1. На дождливую погоду свиньи становятся безпокойными: ходятъ хрюкая, жмутся, съ поля убѣгаютъ домой, носятъ пучки соломы, тряпки даже куски дерева въ свою берлогу; особенно чувствительны въ этомъ отношеніи поросята.

2. «Якъ свыни носють у барлигъ солому, то буде холодно; якъ воны барложатьця у калюжи, то буде тепло, а якъ воны бижать изъ поля до дому и ковичать, то буде дощъ».

3. «Свыни выщать, якъ бижать съ черидки—на дощъ».

4. Свинья чешется, трется объ столбъ — къ теплу.

По грызунамъ.

1. Предъ наступленіемъ сильныхъ морозовъ зимою зайцы приближаются къ жилью, поселяются въ левадахъ и садахъ, на теплую погоду они возвращаются въ поля и лѣса.

2. Если лѣтомъ въ полѣ ночью мыши поднимаютъ возню: пищатъ, бѣгаютъ, гоняются одна за другой, жди на утро хорошей погоды; если же онѣ сидятъ въ норкахъ тихо,— будетъ ненастье.

ПО ДОМАШНИМЪ ПТИЦАМЪ.

По курамъ.

1. Курица машетъ крыльями и вертитъ хвостомъ—на вѣтеръ, купается въ пескѣ—на бездождіе, охорашивается, поправляетъ перья—къ дождю или непогодѣ; нахохлятся куры, приподнимутъ перья — къ холоду, сидя на насѣсти, жмутся одна къ другой—къ морозу.

2. Если куры взлетаютъ на самые высокіе предметы въ саду, въ сараѣ или подъ навѣсомъ,—жди скоро дождя; если куры садятся на «сидало» раньше обыкновеннаго времени,—жди холода.

3. «Куры оскубуютьця—на дощъ, купаютьця у попили—на годыну, не ховаютьця одъ дощу—на бильшій дощъ».

4. Если пѣтухи поютъ тотчасъ по заходѣ солнца, то будетъ перемѣна погоды; если же они распоются позже 10-ти часовъ, то ночь будетъ тихая, хорошая.

5. «Якъ сида пивень на сидало и заспива, то значить, буды на другый день пиримина погоды, спиваютъ ноччю — на годыну».

По гусямъ и уткамъ.

1. Гуси и утки прячутъ зимою носъ подъ крыло—на морозъ, купаются въ снѣгу—къ оттепели и мятели, оправляютъ на себѣ перья — къ мятели; во время дождя вытягиваютъ шеи и поднимаютъ вверхъ головы, стоя на дождѣ, — будетъ сильный и продолжительный дождь. Въ лѣтнее время поднимаютъ крылья и машутъ ими, — будетъ буря; плавая по рѣкѣ, часто ныряютъ, бьютъ по водѣ крыльями, перепархиваютъ, вообще играютъ—къ теплой дождливой погодѣ.

2. «Гусы носы ховаютъ — на холодъ, стоятъ на одній нози—на тыхый морозъ, купаютьця въ снигу—на метиль».

3. «Вутка зымою часто кахкае — на оттепель, а якъ во время морозовъ селызынь раскарячиця, вытягне шыю и голову та й свыстыть,—на другый день буде одлыга».

По голубямъ.

Если голуби, сидя на голубятнѣ, часто машутъ крыльями, то скоро будетъ сильный вѣтеръ.

ПО ДИКИМЪ ПТИЦАМЪ.

По воробьямъ.

1. Зимою воробьи чиликаютъ, собравшись стайками,—къ теплой мятели или къ дождю; лѣтомъ передъ дождемъ воробьи также собираются въ стаи и чирикаютъ хоромъ; передъ сильнымъ вѣтромъ они перелетаютъ съ мѣста на мѣсто тоже стайками. На морозъ и передъ мятелью прячутся въ хворостъ, на дождь сидятъ напыжившись.

2. «Горобци крычать и падають на землю,—дощъ буде; якъ сыдять и понадымаытьця, тоже буде дощъ; якъ збираютьця кучкамы и сидають у хворостъ въ середыну, то буде холодъ, а якъ сидають зверху на хворости або на тыну и цвиринчать, то буде дощъ».

По ласточкамъ.

1. Ласточки купаются и тревожно летаютъ то въ гнѣздо, то изъ гнѣзда—къ дождю; летаютъ по-надъ самою землею—тоже къ дождю; летаютъ то вверхъ, то внизъ—передъ бурей; летаютъ высоко—на сухую погоду.

2. «На жары ластивкы на лыту чыркаюця объ воду, а дуже щебечуть—на дощъ; на дощъ воны нызько литають, а на годыну высоко вьютьця; якъ ластивка грае передъ скотыною або передъ народомъ, тожъ буде дощъ».

По воронамъ, грачамъ, галкамъ и сорокамъ.

1. Если лѣтомъ вороны, грачи и галки кричатъ или, ходя по травѣ, «пасутся», то скоро будетъ дождь; зимою передъ снѣгомъ вьются въ воздухѣ, и если затѣмъ садятся на землю, то наступитъ оттепель; если садятся на хаты или на вер-

шины деревьевъ, то будетъ морозъ; садятся на нижнія вѣтви деревьевъ—къ вѣтру.

2. «Если воронъ (крюкъ) кричитъ зимою, будетъ снѣгъ, если лѣтомъ, то дождь съ той стороны, откуда онъ летитъ; если же, сидя на деревѣ, воронъ крюкалъ однимъ голосомъ, а потомъ сразу перемѣнилъ свой крикъ на другой, — жди скорой перемѣны погоды.

3. Галичъ (галки съ грачами) проты погоды вьетця литомъ—на дощъ, зимою на — митиль; литомъ гракы якъ пидньмутьця вгору и видтиля кувыркомъ и съ крыкомъ спускаютьця на землю и пасутьця та каркають, то буде на другый день здоровый витыръ, а якъ отакъ зимою и лытить проты погоды, то буде вихола».

4. «Зимою якъ гракы сыдять на дереви зверху, — буде морозъ; якъ сидають понызу, ополовини дерева,—буде снигъ, а литомъ — витеръ, а якъ сидають на выгони на землю, то буде тепло. Гракы ходять зимою по дорогахъ—на оттепель, а вороны зимою купаютьця въ снигу—на дощъ».

5. «Якъ сорока пидъ стриху пидглядае,—буде митиль».

По кукушкѣ.

«Зузуля закукае, якъ дощъ иде, то скоро перестане йты».

По коростелю.

«Деркачъ здорово дере (кричитъ)—на дощъ».

По лягушкамъ и жабамъ.

1. Лягушки турчатъ на дождь, сильно, громко кричатъ на хорошую погоду, молчатъ передъ холодной погодой. Жабы (земляныя лягушки) появляются въ большомъ числѣ на дорожкахъ къ вечеру и даже днемъ,—жди дождя; на хорошую погоду онѣ скрываются въ норкахъ.

2. «Жабы водяни турчать на дощъ, скрыгочуть на годыну. На дощъ водяни жабы сбываютьця у кучи и квакають; поскорише буде дощъ, якъ бильше укають. Зымляни жабы на дощъ ранше вылазють изъ норокъ и стрыбають по зымли; на суху погоду воны глыбше залазють на день у землю».

3. «Якъ почують водяни жабы, шо ухвате суша надовго, то ноччу изъ озыркивъ (небольшихъ озеръ, высыхающихъ во время продолжительной засухи) уси кочують у Оскилъ: упереди стара жаба и потимъ молоди, и скакають такою чырыдкою, шо трудно ногою статы,шобъ ны наступыты якои.

(Сл. Радьковскіе пески).

По рыбамъ и по ракамъ.

«Рыба якъ играе у води и часто скыдаеця, то буде годына, а стоить у води пидъ верхъ, то на дощъ. А на витры рыба иде на глыбь; сомы бульвають, хвостами бьють по води, а раки ховаютьця у пещери або у кушырь. На дощы а дуще на витры рыба скверно ловыця и рака трудно піймать».

По насѣкомымъ.

1. Передъ дождемъ пчелы не летятъ далеко отъ улья, а передъ хорошей погодой онѣ летятъ стаями въ поле, если утромъ пчелы не летятъ въ поле, а сидятъ по ульямъ и гудутъ,—жди дождя; если же съ ранняго утра отправляются за добычей, — будетъ хорошій день. Если при приближеніи грозовыхъ тучъ пчелы не прячутся въ ульи, а продолжаютъ свою работу,—дождя не будетъ. Пчелы вылазятъ изъ улья и скучиваются на его стѣнкѣ—къ сильной жарѣ.

2. «Литомъ передъ дощамы за день бжолы начинають потроху затыхаты и менче ихъ вылита изъ улыкивъ на роботу. Также воны затыхають и на холода, тильки на холода бильше ихъ литае предъ улыкамы, чымъ на дощи. На сыльни витры бжолы юртуютьця биля̀ вичка́ и падають додолу, а на годыну литять далеко у поле за медомъ. Зымою на морозы и холода бжолы сбываютьця у кучу въ улыку, а на одлыгу розлазютьця и шумлять;на росталь воны розлазютьця и джижчать».

3. Навозные жуки летаютъ вечеромъ съ жужжаніемъ—къ непогодѣ. Если во время молотьбы хлѣба на току, летаетъ много жуковъ, то это вѣрный признакъ скораго дождя.

4. Если въ началѣ лѣта въ полѣ вспрыгиваетъ изъ-подъ ногъ много кониковъ (мелкой саранчи),—будетъ засуха.

5. Если поздно вечеромъ сильно трещатъ кузнечики, на утро будетъ хорошій день.

6. Въ муравейникѣ ходы открыты и замѣтно бойкое движеніе муравьевъ на кучѣ, — къ хорошей погодѣ; когда же и во время хорошей погоды большая часть ходовъ въ муравейникѣ закрыта и муравьевъ мало видно, — жди ненастья.

7. Если гусеницы на деревьяхъ собираются въ кучи, завиваются несвоевременно въ паутину, то будутъ продолжительные дожди.

8. «Якъ у поли мытелыки (бабочки) мытаютьця кучкамы, то буде довго ясно и тепло».

9. Передъ хорошей погодой мухи просыпаются въ хатѣ очень рано и начинаютъ гудѣть; передъ сырою — сидятъ тихо по стѣнамъ. Мухи бьются въ окна лѣтомъ на дождь, зимою летаютъ по хатѣ и бьются въ потолокъ — на мятель.

10. «Якъ дуже реве муха въ хати, буде дощъ. Передъ дощомъ хатни мухы докучлыви, а надвирни дуще кусаютьця, чымъ у ясну погоду, отакъ же и комари, а блохы совсимъ не дають спаты. Якъ зымою являютьця въ хати комари, то буде оттепель и туманъ».

По дождевымъ червямъ.

«Якъ чырвякы глыбоко залазють въ землю и трудно до ныхъ докопатыся, то буде суша; а лизуть воны у верхы — на дощъ. А якъ на вылыки дощи, то вылазють наверхъ бильше ноччу, и повзають по зымли».

По растеніямъ.

1. Лѣтомъ передъ дождемъ листья на деревьяхъ и травѣ кажутся нѣсколько вялыми.

2. На жары листья на осинѣ въ тихую погоду слегка колышутся; если же они въ тихую погоду хлопаютъ, т. е. ударяются одинъ о другой, то ожидай большого вѣтра.

3. Зимою лѣсъ чернѣетъ—на оттепель.



По водѣ, хлѣбу и соли.

1. Если во время дождя вскакиваютъ на лужахъ пузыри,—будетъ еще большій дождь.

2. Если подъ вынутымъ изъ печи горячимъ хлѣбомъ смокрѣетъ мѣсто, гдѣ его положатъ, то нужно ожидать дождя.

3. Соль мокрѣетъ тоже передъ дождемъ.

Примѣты, относящіяся ко временамъ года.

1. Если кукушка перестаетъ куковать за недѣлю или за двѣ до Петрова дня, то и зима ляжетъ за недѣлю или за двѣ до Рождественскихъ заговѣнъ; если же кукушка кукуетъ недѣлю или двѣ послѣ Петрова дня, то и зима уляжется послѣ заговѣнъ на Филипповъ постъ черезъ недѣлю или двѣ.

2. Какое лѣто, такая и зима: лѣто дождливое,—зима снѣжная; лѣто сухое, жаркое,—зима малоснѣжная, морозная; лѣто бурное,—зима съ мятелями.

3. Журавли осенью летятъ высоко,—зима будетъ холодная; низко,—зима будетъ теплая. Если грачи летятъ осенью на югъ высоко, то зима будетъ суровая и многоснѣжная.

4. Если въ теченіе Успенскаго поста будутъ утренники, то жди теплой осени и зимы тонкой, безъ большихъ морозовъ.

5. Снѣгъ, выпавшій на сухую землю, не пролежитъ до конца зимы, а павшій на мокрую землю будетъ лежать до конца зимы, не растаивая. Если послѣ выпаденія перваго снѣга и наступленія морозовъ случится зимою продолжительная оттепель, то послѣ этой оттепели будетъ еще холодно столько дней, сколько прошло отъ выпаденія перваго зимняго снѣга до оттепели.

6. Какая погода на Покровъ (1-го октября), такая и во всю зиму; откуда вѣтеръ на Покровъ, оттуда будетъ дуть и во всю зиму; притомъ если въ этотъ день вѣтеръ будетъ дуть съ сѣвера или востока,—зима будетъ холодная и малоснѣжная; если съ юга,—теплая, съ запада—снѣжная.

7. Когда предъ Рождественскими святками колютъ кабана, то обращаютъ вниманіе на «косу» (поджелудочную железу):

если «коса» большая, толстая и по всей длинѣ ровная, то зима будетъ продолжительная, холодная и безъ оттепелей; если же коса будетъ тонкая и короткая, то и зима будетъ непродолжительная и безъ большихъ морозовъ. Если коса не ровная, съ начала толстая, а къ концу тонкая, или наоборотъ, то и зима въ началѣ будетъ холодная, а къ концу теплая, и наоборотъ. Если коса будетъ тонкая по серединѣ, то и по серединѣ зимы ожидай оттепели.

Примѣчаніе. Какъ извѣстно, у римлянъ во время Сатурналій приносили въ жертву Сатурну, богу плодородія, свинью, а какъ жертвоприношенія у римлянъ соединялись съ гаданіями по внутренностямъ жертвеннаго животнаго, то позволительно допустить, что въ данномъ повѣрьѣ мы находимъ отголосокъ римскихъ гаданій и предсказаній. Не забудемъ и того, что въ нашихъ малорусскихъ сказкахъ кабанъ является иногда аттрибутомъ или замѣстителемъ древняго бога плодородія. Такъ въ одной изъ сказокъ (Три сестры) герой, отданный матерью на воспитаніе «широкому Степу», получаетъ отъ своего воспитателя въ даръ между прочими диковинами кабана, «шо зубомъ оре, а ухомъ засивае».

8. По погодѣ каждаго изъ 12-ти дней, слѣдующихъ за днемъ Спиридона (12 декабря), судятъ о погодѣ каждаго изъ 12-ти мѣсяцевъ наступающаго года, такъ что погода 13 числа декабря показываетъ погоду января мѣсяца, погода 14-го указываетъ, какая будетъ погода въ февралѣ и т. д.

9. Какая погода на Срѣтеніе (2 го февраля), такая и весна: если будетъ оттепель, то и весна будетъ ранняя и теплая; если холодно, — весна поздняя; если снѣгъ, — весна дождливая; если въ этотъ день вѣтеръ несетъ снѣгъ черезъ дорогу,—весна будетъ очень поздняя и холодная. Если на Срѣтенье курица напьется воды у порога, — весна будетъ теплая и ранняя.

10. «Якъ на всейидній у четверъ капа до вечера и морозъ вечеромъ, а сусулекъ нема, то буде литомъ засуха».

11. Если съ открытіемъ весны стаи журавлей тянутъ на сѣверъ, — быть теплой, хорошей погодѣ; если же журавли летятъ назадъ, на югъ,—быть снова холоду съ частыми вѣтрами.

12. Если весною летитъ много лебедей, — будетъ теплая

весна; ранній прилетъ жаворонковъ предсказываетъ тоже теплую весну.

13. Если весною летитъ паутина, — лѣто будетъ жаркое.

14. Если на теплаго Алексія (17-го марта) тепло, то и весна теплая.

15. Если на Благовѣщенье пасмурная погода или дождь,— лѣто будетъ дождливое; если на второй день Пасхи будетъ ясная погода, лѣто будетъ дождливое; если пасмурная,—лѣто будетъ сухое.

16. Если молнія сверкаетъ раннею весною, а грома не слышно, то лѣтомъ будетъ засуха.

Б. Предсказаніе урожая.

1. Перевозя осенью копны хлѣба съ поля, смотрятъ, какъ прорыты подъ ними норки мышей: если въ глубь отвѣсно, то въ слѣдующемъ году будетъ урожай, а если въ бокъ— неурожай.

2. «Якъ въ осены снигъ товсто ляже на землю, то буде добрый урожай».

3 Если въ теченіе Филипповки часто будутъ пасмурные дни и иней на деревьяхъ, то жди хорошаго урожая хлѣбовъ; свѣтлая же Филипповка безъ инея предвѣщаетъ плохой урожай.

4. Если на Спиридона (12 декабря) съ утра будетъ солнечно, то не спѣши съ раннимъ посѣвомъ, а сѣй соотвѣтственно тому, когда на Спиридона пасмурно: если утро будетъ пасмурное, сѣвъ долженъ быть самый ранній; если въ полдень пасмурно, то сѣвъ средній будетъ самый удачный; если вечеръ пасмурный, то наилучшій сѣвъ будетъ поздній.

5. Если осенью падаетъ много звѣздъ, — на слѣдующій годъ будетъ голодъ и моръ.

6. Если осенью много мышей, то въ слѣдующемъ году будетъ неурожай.

7. Если осенью снѣгъ выпадетъ на гололедицу, жди неурожая.

8. Если на Святвечеръ (канунъ Рождества Христова) идетъ снѣгъ, — въ будущемъ году хорошо уродятъ яблоки и орѣхи.

9. Если на первый день Рождества идетъ снѣгъ, въ слѣдующемъ году будетъ изобиліе хлѣба.

10. Иней на деревьяхъ въ теченіе трехъ первыхъ дней Рождественскихъ праздниковъ предзнаменуетъ большой урожай хлѣба.

11. Наканунѣ Новаго года гадаютъ объ урожаѣ: въ одинъ изъ сапоговъ хозяина кладутъ кусочекъ хлѣба, а въ другой—уголь, и кто-нибудь изъ дѣтей подаетъ отцу сапогъ: если въ поданномъ сапогѣ хлѣбъ, — годъ будетъ урожайный, если уголь, — то годъ голодный; выносятъ на токъ тарелку съ кучками хлѣбныхъ зеренъ или хлѣбъ съ воткнутыми въ него колосками разныхъ хлѣбовъ: на какой кучкѣ или на какомъ изъ колосковъ окажется утромъ роса, на тотъ хлѣбъ ожидаютъ урожая.

12. «На Новый годъ пичуть хлибъ и втыкають у тисто всяке зерно. Якъ спычетця хлибъ и яке зерно выйде на верхъ, того хлиба и сій: уроде».

13. Иней на деревьяхъ или выпавшій на Новый годъ снѣгъ предзнаменуетъ урожай.

14. Какая сторона неба будетъ на этотъ день покрыта тучами, въ той сторонѣ будетъ хорошій урожай хлѣбовъ.

15. Туманы въ концѣ декабря, предъ Новымъ годомъ или въ день Новаго года—къ урожаю.

16. «Якъ на водосвятье пидъ Крещенья, або на саме Крещенья, буде снигъ, або дощъ, або хмарно, то буде урожай; а якъ небо чисте, то не жды урожая».

17. Если на Крещенье день ясный, то хлѣбъ будетъ чистый; если же пасмурный, то въ хлѣбѣ будетъ много зоны.

18. «Якъ на Явдокіи (1-го марта) рано выяснытця, такъ ранній хлибъ буде лучшій».

19. Если съ открытіемъ весны скотъ, выгнанный въ поле, ищетъ кости падали и грызетъ ихъ, — быть неурожаю и голодному году.

20. Пчелы на Благовѣщенье (25-го марта) сильно гудутъ—къ урожаю.

21. Темная ночь подъ Пасху—къ урожаю.

22. Если первая весенняя гроза бываетъ на востокѣ,—

ожидай хорошаго урожая хлѣбовъ; если на югѣ, — умѣреннаго, а на западѣ,—будетъ недородъ хлѣба.

23. «Якъ весною гора (лѣсъ) гудыть, такъ буде хорошъ урожай».

24. Если во время весенняго посѣва надъ сѣятелемъ, когда онъ ѣстъ на пашнѣ привезенный изъ дому спеченный изъ хлѣба еще на средокрестной недѣлѣ крестъ, поднимается съ пѣніемъ вверхъ жаворонокъ, то ждутъ хорошаго урожая; а если въ это время жаворонокъ пролетитъ по-надъ пашней низко, то плохого.

25. Крикъ деркачей въ полѣ съ весны и большое число головастиковъ въ лужахъ предвѣщаютъ урожайное лѣто.

26. «Якъ въ маю одынъ дощъ буде, то на одынъ годъ уроде хлиба, а якъ два пройде, то й на два года хлиба уродыця. Кажуть: «теплый априль, мокрый май, — буде хлибъ, якъ гай». «Якъ пиде дощъ на Юрья, то буде хлибъ и въ дурня».

27. Урожай желудей на дубахъ предзнаменуетъ на будущій годъ урожай хлѣбовъ.

28. Если лѣто дождливое, то слѣдующій годъ будетъ урожайный.

29. Если съ 21 ноября ляжетъ глубокая зима, готовь глубокіе закрома: будетъ богатый урожай хлѣбовъ.

Примѣты на урожай ржи.

1. Если на Мокрины (19-го іюля) пройдетъ дождь, — на слѣдующій годъ уродитъ рожь.

2. Дождь въ день Ильи, Макковеевъ и Воздвиженія Креста Господня предвѣщаетъ на слѣдующій годъ обильный урожай ржи.

3. «Якъ осенью падае багато павутыны, то въ новомъ годи гарне жыто буде».

4. Если осенью снѣгъ покроетъ сырую землю толстымъ слоемъ, — рожь уродитъ хорошо; если снѣгъ выпадетъ на мерзлую землю,—рожь будетъ плохая.

5. Если на весенняго Юрія (23 апрѣля) ворона спрячется во ржи,—будетъ изобильно этого хлѣба.

На урожай пшеницы.

1. Дождь на заговѣны предъ Филипповкой предвѣщаетъ урожай на пшеницу.

2. «Якъ на вилыки праздныкы ночи хоть и будуть похмарни, а зирочкы выдно, то сій пшыныцю: добра буде».

3. Если на Крещенье на деревья падетъ иней, то весною пшеницу нужно сѣять въ соотвѣтствующій день недѣли.

4. Если на Евдокію (1-го марта) день ясный, то уродитъ чистая пшеница.

5.' «Якъ рано весною буде багато вылыкыхъ мухъ, то уроде пшыныця. А якъ побачышъ весною перву муху здорову на викни зъ-надвору, такъ уроде красна пшыныця».

6. Чтобы пшеница хорошо родила, слѣдуетъ сѣять ее въ середу или въ пятницу.

На урожай проса, гречихи, гороха, льна и пр.

1. Если на Рождество Христово Новый годъ и Пасху во время обѣдни свѣчи въ паникадилѣ горятъ ярко,—будетъ обильный урожай проса и гречихи.

2. «Якъ на Стритыня снигъ переносе дорогу, то буде добрый урожай на просо и на траву».

3. Дождь въ Вербное воскресенье предвѣщаетъ урожай на просо.

4. «Якъ идешъ изъ страстивъ до дому и буде тыха погода, то сій просо».

5. «Якъ весною лебедей багато летыть, то буде просо гарне».

6. Если весною журавли летятъ высоко,—уродитъ просо.

7. Увидѣвъ первыхъ журавлей, берутъ, не сходя съ мѣста, земли и потомъ, при посѣвѣ проса, примѣшиваютъ ее къ нему, чтобы оно лучше родило.

8. Въ который день недѣли иней впервые покроетъ деревья, въ тотъ день недѣли и слѣдуетъ сѣять гречиху, да и вообще яровые хлѣба, чтобы получить хорошій урожай.

9. Если на Спиридона (12 декабря) будетъ перемѣна вѣтра, сѣй гречиху: хорошо уродитъ.

10. «Якъ на Мыланкы (31 декабря) иде снигъ, або дощъ, або хмарно, або буде ыній на деревьяхъ,—уроде гречка».

11. Если на голодный Святвечеръ (5 января) идетъ снѣгъ утромъ,—уродитъ ранняя гречиха; въ полдень идетъ снѣгъ,—уродитъ средняя; вечеромъ - поздняя.

12. Если 1-го марта день теплый, пасмурный, или если будетъ итти дождь или даже снѣгъ,—сѣй гречиху и просо: дадутъ изобильный сборъ; если же день будетъ ясный и морозный, то жди недорода.

13. Если въ Вербное воскресенье пройдетъ дождь, то уродитъ гречиха и просо.

14. Если при выходѣ изъ церкви со страстей бываетъ тихо,—ожидаютъ хорошаго урожая гречихи и проса.

15. «Якъ на масляній у четверъ буде соншно,—сій лёнъ».

16. Чтобы уродилъ горохъ и былъ легко разваривающійся и безъ жучковъ, слѣдуетъ сѣять его въ тотъ день, когда вѣтеръ будетъ южный.

17. Много комаровъ лѣтомъ предвѣщаютъ урожай овощей, а много мошекъ—урожай грибовъ.

Примѣты, касающіяся пчеловодства.

1. «Якъ на Стритыння капають изъ стрихъ капли, то буде добре на медъ.

2. Якъ на всейидній у четверъ буде багато сусулекъ на стрихахъ, такъ буде багато и меду: яка вдовшкы сусулька, такый удовшкы и щильныкъ (сотъ) у роя; а якъ буде кáпижъ изъ стрихъ, а сусулекъ не буде, та на ройбу буде добре, а на медъ плохо».

3. Лужи воды 1-го марта около порога предзнаменуютъ, что пасѣчники будутъ купаться въ меду.

Г. Купянскъ.
13-го января 97.

П. И.



ЖЕНЩИНА ТУРКЕСТАНА

по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ [1]).

(Опытъ систематизаціи пословицъ и поговорокъ).

Замкнутая жизнь женщины востока вообще и подвластныхъ намъ народовъ—мусульманъ въ Туркестанѣ, въ частности, служитъ причиной того, что обликъ восточной женщины исчезаетъ часто отъ изслѣдователя. Для полной обрисовки положенія женщины востока приходится пользоваться всякими мелкими данными и по крупицамъ собирать мельчайшія черты.

---

1) Матеріалы: а) 1110 пословицъ и поговорокъ, собранныхъ въ Туркестанскомъ краѣ г. *Н. Остроумовымъ*. Помѣщены въ Трудахъ Сыръ-Дарьинскаго Областнаго Статистическаго Комитета 1887—1888 г. и въ Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской Области. Ташкентъ 1891 г.

б) *Гродековъ*. „Киргизы и Кара-Киргизы Сыръ-Дарьинской Области" Т. 1,—658 пословицъ и поговорокъ, изъ которыхъ многія являются лишь варіантами пословицъ, собранныхъ г-мъ Остроумовымъ, но есть и не вошедшія въ его собраніе.

в) Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Выпускъ III С.-П.-Б. 1874 г. 105 пословицъ, собранныхъ г-мъ *Ибрагимовымъ*. Этимъ собраніемъ пользовался и г-нъ Гродековъ.

Къ великому сожалѣнію, г. Н. Остроумовъ въ своемъ собраніи пословицъ не сдѣлалъ раздѣленія ихъ по народностямъ. Между тѣмъ, конечно, разнообразіе условій жизни кочевника и осѣдлаго несомнѣнно отражается и на взглядахъ тѣхъ и другихъ на женщину. Намъ нѣтъ возможности, на основаніи имѣющихся матеріаловъ, провести эту разницу въ настоящемъ очеркѣ.

Цитируя пословицы мы будемъ придерживаться подстрочнаго перевода г.г. Остроумова и Гродекова и ихъ толкованій. Мы не считаемъ нужнымъ представлять здѣсь подлинный текстъ пословицъ: интересующихся имъ отсылаемъ къ сборнику г. Остроумова. Для справокъ мы въ текстѣ цифрами въ скобкахъ будемъ обозначать номеръ пословицы по собраніямъ г. Остроумова, имена же другихъ собирателей каждый разъ отмѣчаемъ сокращенно.

Малой попыткой въ этомъ смыслѣ является предлагаемая статья.

При бѣгломъ просмотрѣ указанныхъ нами сборниковъ, видно, что большая часть помѣщенныхъ въ нихъ пословицъ касается семейныхъ отношеній и дѣлъ, при чемъ многія затрогиваютъ жизнь женщинъ въ разныхъ ея проявленіяхъ.

Пословицы и поговорки живутъ вѣка, переходятъ изъ рода въ родъ, передѣлываются въ теченіе времени и являются результатомъ работы коллективнаго народнаго ума. Въ нихъ отражаются взгляды народа на данный предметъ.

Посмотримъ же, какъ смотрятъ народы Туркестана на женщину, какъ высоко они ставятъ, какъ цѣнятъ ее?

Нашъ обзоръ пословицъ разобьется на три части:

1. Взглядъ на женщину независимо отъ ея семейнаго положенія.

2. Дѣвушка — дочь.

3. Женщина въ семьѣ — жена и мать.

Имѣющимся у насъ подъ руками небольшимъ собраніемъ сказокъ мы нашли не лишнимъ воспользоваться съ цѣлью подтвержденія выводимыхъ нами по пословицамъ и поговоркамъ положеній.

I.

Прежде всего намъ приходится обратить вниманіе на то, что народъ не признаетъ въ женщинѣ ума. Самымъ рельефнымъ выраженіемъ этого взгляда можетъ служить пословица:

> Десять женщинъ составляютъ одну курицу; если бы у курицы былъ умъ, стала ли бы она клевать соръ? (5).

Въ самомъ дѣлѣ, курицу считаютъ птицей глупой, а народъ женщинѣ удѣляетъ только одну десятую часть куринаго ума! Болѣе мягко говорится о томъ же въ пословицѣ, совершенно сходной съ русской:

> У женщины волосъ дологъ, а умъ коротокъ. (6).

Достаточно того, что женщина признается глупой, чтобы заключить объ умственномъ превосходствѣ мужчины надъ

женщиной. Народъ прямо считаетъ женщину половиной человѣка (17); въ другой же пословицѣ это превосходство выражено еще рельефнѣе, въ болѣе конкретной формѣ:

> Мужчина съ мѣдной головой лучше женщины съ золотой головой. (2).

Кромѣ того,

> Мужчина видитъ дѣйствительное (положеніе дѣла), жена видитъ ошибочное. (*Грод.* 336).

Въ силу этого, конечно, мужчинѣ не рекомендуется обращаться за совѣтами къ женщинѣ; ея совѣты «годятся только для женщины». (1099).

Не надѣленная умомъ, женщина зато отличается своей болтливостью. Если двѣ женщины сойдутся, то непремѣнно выйдетъ базаръ (4); женщина же, пришедшая попросить у сосѣдей огня, непремѣнно наболтаетъ съ три короба (9) [1]; но лучше всего характеризуетъ эту черту пословица:

> Не будь другомъ глупаго, не говори свои тайны женѣ (12);

да кромѣ того не совѣтуется и вѣрить женщинѣ, пока самъ не убѣдишься (*Грод.* 585, варіантъ предыдущей пословицы).

Рядомъ съ болтливостью стоитъ сварливость женщины: двоеженецъ обреченъ на выслушиваніе брани своихъ двухъ женъ (13); сварливость въ особенности присуща старухамъ:

> Когда состарится у тебя жена, не держи собаки (потому что есть кому ворчать). (559).

По народному представленію, женщина оказывается крайне эгоистичной; она не можетъ сочувствовать чужому горю, она вся поглощена своими личными интересами:

> Женщина придетъ на трауръ, а плачетъ о своемъ горѣ. (7).

Созданная, какъ увидимъ дальше, для зависимой, подчи-

---

[1]) Сравнить: *Наливкины*, „Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы“, стр. 135, 136.



венной жизни, женщина лишена самостоятельности, качества присущаго европейскимъ цивилизованнымъ женщинамъ:

> Если оселъ отстанетъ отъ осла, то уши опуститъ; если женщина отстанетъ отъ женщинъ, то ноги опуститъ (растеряется). (307).

Она не привыкла дѣйствовать самостоятельно; она не знаетъ, какъ поступить, что сдѣлать, если останется одинока!

Этой скрытой отъ міра, замкнутой женщинѣ, лишенной, повидимому, всѣхъ развлеченій, приписывается большая склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ [1]), склонность сильно развитая, быть можетъ, вслѣдствіе именно этой замкнутости.

> Рису — полотье [2]), женщинѣ — чувственное наслажденіе. (531).

> Душа — огонь! душа — мужъ! (т.-е. для женщины мужъ, какъ огонь, нуженъ и пріятенъ). (232).

«Женщинѣ нравятся объятія», говоритъ еще одна пословица. (547). Насколько сильна чувственность восточной женщины, весьма ярко видно изъ того, что

> «Не развратившаяся еще дѣвица, будетъ развратничать со своею матерью». (66).

Но эта чувственность ищетъ полнаго удовлетворенія. Женщина не можетъ оставаться вѣрной одному мужу, а тѣмъ болѣе при условіи многоженства. И это подмѣчено и очень рельефно выражено народомъ.

> У собаки нѣтъ измѣны, у женщины нѣтъ вѣрности. (533).

Вотъ какъ сильно и образно выражено непостоянство, вѣтренность, игра любовью женщины. Правда, причиной невѣрности туземной женщины можетъ служить и нравственная неудовлетворенность женщины, часто выдаваемой замужъ противъ желанія.

---

1) Ср. *Наливкины*, „Очеркъ быта женщины", стр. 217.

2) Рисъ всегда растетъ съ сорной травой.

И вотъ небольшой запасъ своего ума она истощаетъ на изобрѣтенія способовъ обойти своего повелителя, схитрить. Оказывается, что

> Хитрость одной женщины составляетъ поклажу для сорока ословъ. (529).

Въ силу же этого нельзя ни особенно радоваться видимой привязанности женщины, ни вѣрить ей [1]). Народъ очень рѣзко отзывается о женщинѣ, говоря:

> Женщина — наказаніе Божіе; ея ласки — ядъ змѣи. (527).

II.

Изъ имѣющихся у насъ пословицъ и поговорокъ нельзя сдѣлать никакого вывода о внѣшнихъ качествахъ, которыя должна имѣть дѣвушка, чтобы быть названной красивою [2]). Есть указаніе лишь на то, что красота измѣряется не какими-нибудь опредѣленными качествами, а степенью симпатіи къ данной дѣвушкѣ.

> Не та красавица, которая красива, — любимая красавица. (379),

да кромѣ того по одной красотѣ не оцѣниваютъ дѣвушку: ей также необходимо и умѣнье работать и трудолюбіе [3]).

> Когда есть у тебя красота, мели мельче на ручной мельницѣ,

т.-е. не надѣйся, не величайся одной красотой, а работай и лучше работай. Не всегда, впрочемъ, и требуется красота:

> Чѣмъ, увидѣвъ, взять красивую, лучше, не увидѣвъ, взять родовитую (*Грод.*, 92 и варіантъ ея 597),

говорятъ киргизы. Они говорятъ также, что

---

1) Ср. у *Наливкиныхъ*: „Очеркъ быта женщины“, стр. 158.

2) См. *Наливкины*, „Очеркъ быта женщины“... „Полнота считается однимъ изъ непремѣнныхъ условій красоты“, стр. 89. „Родинка считается однимъ изъ лучшихъ украшеній лица“, стр. 91.

3) Ср. тамъ же: „Плохая работница рискуетъ не выйти замужъ“, стр. 196



«Дочь сбывается, благодаря славѣ отца, ткань сбывается, благодаря славѣ маты» Грод. (497) [1]),

т.-е. при выборѣ невѣсты не обращаютъ особеннаго вниманія на личныя ея качества (что необходимо при выборѣ матеріи), а смотрятъ, кто отецъ, каковъ онъ, какого рода и достатка. Красота, какъ мы видимъ, не является необходимымъ и даже важнымъ условіемъ при выборѣ невѣсты. Быть можетъ, это происходитъ изъ боязни, что красивая женщина легче найдетъ себѣ поклонниковъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что народъ прямо говоритъ:

«Красивая женщина не можетъ не быть развратной». (*Грод.*, 144).

Но не совѣтуется хвалить дѣвушку, какъ бы она ни была хороша; похвала портитъ ее и служитъ ей во вредъ.

«Хваленая невѣста на пиру невѣжничаетъ». (58).

Не требуя отъ дѣвушки красоты физической, народъ за то требуетъ отъ нея нравственной чистоты. Какъ высоко цѣнитъ народъ нравственную чистоту дѣвушки видно изъ того, что онъ совѣтуетъ:

«Для хорошаго человѣка одежду шей, а у дурного обезчести дочь». (572).

Жестокая кара ждетъ женщину въ случаѣ нарушенія цѣломудрія:

«Развратницѣ — висѣлица, вору — товарищъ». (т.-е. нуженъ товарищъ) (600),

т. е. смертью казнитъ народъ развратницу. Именно такъ поступаетъ царь въ сказкѣ «Богатырь Хотамъ ищетъ волшебное кольцо для своей невѣсты-царевны» [2]). Онъ казнитъ дочь свою за то, что она прижила ребенка отъ джигита. Вмѣстѣ съ нею казнитъ и самого джигита и ребенка.

---

[1]) Мата — бумажная матерія мѣстной работы, идущая на рубахи и нижнее бѣлье.

[2]) *Н. Остроумовъ*. Сарты, в. II, стр. 115—127.



Въ виду столь опаснаго положенія дѣвушки, ее нужно выдать пораньше замужъ, не нужно держать долго [1]):

«Не держи долго соль — вода будетъ (размокнетъ); не держи долго дочь — дрянь будетъ». (63).

Дѣвушка создана для любви, для развлеченія:

«Для питья хорошъ кумызъ, для развлеченія хороша дѣвица». (518).

Дѣвушка должна нравиться, она служитъ даже мѣрою хорошаго; желая выразить, что свое человѣкъ очень любитъ, народъ въ пословицѣ приравнялъ его дѣвицѣ:

«Каждое свое кажется дѣвицей (т.-е. нравится)». (492).

Любимую женщину часто въ пословицахъ называютъ душой, душенькой, и эта душа оказывается лучше золотого дома (502), хотя въ то же время народъ очень цѣнитъ имущество, матеріальное благосостояніе, — оно лучше отца съ матерью. (502).

Но не безъ душевныхъ волненій достается любовь. Здѣсь, какъ и вездѣ, душевная тревога предшествуетъ любви и народъ восклицаетъ, выражаясь, какъ и всегда, конкретно:

«Гдѣ душенька (достается) безъ душевныхъ волненій? Гдѣ ягода боярышника, если не пойти въ гору?». (348).

Припомнимъ сказку «Умный царевичъ» [2]). Умный царевичъ и притворяется больнымъ, и переодѣвается въ женскій костюмъ, чтобы попасть на пиръ, и строитъ близъ дворца баню, разрисовываетъ ее—и все для того, чтобы завоевать любовь красавицы-царевны. Еще большія душевныя волненія и муки долженъ испытывать старикъ богачъ Атаметой, который въ сказкѣ «Богачъ Атаметой, женившійся на царевнѣ» [3]), исполняетъ многотрудныя порученія царевны, чтобы

---

1) Ср. *Наливкины*. „Очеркъ быта женщины". По наблюденіямъ авторовъ дѣвушки „замужъ выходятъ рано, въ среднемъ на 13-мъ—14-мъ году жизни" стр. 88.

2) *Н. Остроумовъ*. Сарты, в. II, стр. 46- 50.

3) Тамъ же, стр. 65—79.



добиться ея любви и согласія быть его женой. И какъ слѣпа его любовь, если онъ, узнавъ во время своихъ долгихъ странствованій по порученіямъ царевны, что жены являются постоянно причиной несчастья своихъ мужьевъ, все-таки, несмотря на предостереженія благоразумной царевны, женился на ней. А чего не перенесъ Хотамъ, въ сказкѣ «Богатырь Хотамъ», исполняя сложныя порученія невѣсты своей? Чѣмъ же отплатила царевна? Она, какъ мы видѣли, обзавелась любовникомъ и только играла чувствомъ Хотама.

Не смотря, однако, на то, что любовь достается не легко, что не выдавать рано дѣвушку опасно, рисковано, что, наконецъ,

> «Дѣвица, когда состарится, будетъ судьей, (т.-е. будетъ заниматься пересудами), будетъ рада и черной собакѣ (т.-е. будетъ готова выйти и за дурнаго жениха) (514),

несмотря на все это, не легко выйти дѣвушкѣ замужъ. Соображенія особаго свойства должны удерживать родителей отъ поспѣшной выдачи замужъ. Родители должны заботиться о будущемъ своей дочери, они должны подъискать ей приличную пару. Будущій мужъ долженъ быть, если не богатымъ, то по крайней мѣрѣ равнымъ по состоянію и положенію[1]) (511). За такого разрѣшается выдать дочь даже безъ калыма, даромъ. Но не рекомендуется выдавать дочь за бѣдняка (512, 513). Равнымъ образомъ народъ не совѣтуетъ выдавать дочь за иногородняго[2]).

> «Не выдавай дочь за иногородняго пришлеца; онъ увезетъ ее — что подѣлаешь?». (514).

Пусть остается дѣвушка въ родномъ селеніи и тамъ вьетъ свое гнѣздышко, начинаетъ жизнь семейную[3]).

---

[1]) Правда, разборчивость родителей въ выборѣ жениха иногда ведетъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ, какъ напр. побѣгъ взрослой дочери. См. *Наливкины*: „Оч. б. ж“., стр. 196.

[2]) Ср. тамъ же, стр. 109 и 198: „Сарты и сартянки искони привыкли жить и умирать тамъ, гдѣ они родились“. Отсутствіе родственниковъ вообще „пугаетъ и невѣсту и ея родителей“.

[3]) Обычай устройства брака въ своемъ селеніи, повидимому, сартовскій. Киргизы, наоборотъ, выдаютъ невѣсту въ другой аулъ, мотивируя это слѣдую-



Конечно, желанія родителей, матери далеко не всегда согласуются съ стремленіями дочери. Въ сказкѣ «Баба Яга и братъ ея царевичъ» [1]) послѣдній сталъ случайнымъ свидѣтелемъ, какъ дочь проситъ мать не выдавать ее за «сластолюбиваго старика». «Придется ей весь свой вѣкъ сидѣть взаперти, на женской половинѣ двора (ичкари), часто слышать и видѣть, какъ старшія жены мужа бранятся и дерутся между собой и попрекаютъ ее за ея молодость и красоту». Не выдержала дѣвица, зарыдала и стала просить мать, чтобы насильно не выдавала ее. Просила она, «чтобы выдала ее хоть за бѣднаго, да за молодого и умнаго мужа, да въ такое царство, гдѣ, по закону, у мужа только одна жена и гдѣ всѣ женщины и дѣвицы ходятъ съ открытымъ лицомъ».

Такимъ образомъ, только что разобранные совѣты являются совѣтами «благоразумной» старости, а живая молодежь чужда мысли подчиниться имъ добровольно. Въ самомъ дѣлѣ, царевичъ, услышавъ жалобы дѣвушки, запѣлъ грустную пѣсню, въ которой, между прочимъ, высказываетъ: «Зачѣмъ есть на свѣтѣ такой законъ, что отцы «насильно своихъ дочерей замужъ выдаютъ».

Въ другой сказкѣ «Царевна Хазаръ Гейсу» [2]) сила любви двухъ молодыхъ людей такъ велика, что молодая Хазаръ-Гейсу бросаетъ гаремъ богатаго султана и бѣжитъ съ его сыномъ Ширъ-Али, начиная нелегкую жизнь бѣглянки, претерпѣвая всякія невзгоды и лишенія.

Но вообще дѣвушка сама не выбираетъ себѣ жениха. Обыкновенно это дѣлается безъ ея желанія. Рельефно выражено это положеніе въ сказкѣ «Хырсъ-Палванъ» [3]).

Чудовищный великанъ похищаетъ красавицу, дочь одного царя, и когда она немного попривыкла къ нему, беретъ себѣ

щимъ образомъ: „Во-1-хъ, при близкихъ бракахъ не было бы стыдливости между парнями и дѣвицами одного аула, они не стѣснялись бы имѣть любовныя сношенія, и во-2-хъ, при такихъ бракахъ потомство бываетъ немногочисленно, а также мужъ не любитъ жену и бываетъ, какъ передаютъ, слабосиленъ въ половомъ отношеніи". См. *Гродековъ* „Киргизы и Кара-Киргизы", Т. I, стр. 28.

1) *Н. Остроумовъ*, Сарты, вып. II, стр. 13—20.

2) Тамъ же, стр. 40—46.

3) Тамъ же, стр. 143—160.

ее въ жены. У нихъ рождается богатырь Хырсъ-Палванъ. Когда онъ пришелъ въ возрастъ, онъ помогъ матери убѣжать отъ нелюбимаго ею мужа и самъ убѣжалъ съ нею къ ея отцу. Наскучивъ жизнью во дворцѣ своего дѣда, онъ отпросился въ дорогу посмотрѣть другія земли. По дорогѣ ему удалось побѣдить одного богатыря, котораго онъ потомъ взялъ себѣ въ слуги. Идя затѣмъ къ жилищу дракона, часто дѣлавшаго имъ непріятности, они дошли до прекраснаго сада съ красивыми дѣвицами, запертаго желѣзными воротами, ключи отъ которыхъ хранились у вѣдьмы Аджины. На требованія Хырсъ-Палвана дать ключи вѣдьма отказалась дать; онъ схватилъ и чуть не задушилъ ее, отобралъ отъ нея ключи, а ее отдалъ подъ наблюденіе слуги богатыря. Проникнувъ въ садъ и убивъ по дорогѣ Дива, Хырсъ-Палванъ беретъ себѣ въ жены красивѣйшую изъ гурій и возвращается къ слугѣ. На обратномъ пути слуга при помощи вѣдьмы Аджины обманываетъ Хырсъ-Палвана, лишаетъ его возможности выбраться изъ пропасти, а самъ беретъ себѣ въ жены жену Хырсъ-Палвана. Но послѣднему удается, наконецъ, выбраться изъ пропасти, и послѣ долгихъ странствій онъ находитъ обманщика слугу, убиваетъ его и отнимаетъ жену. Но только онъ успѣлъ отыскать свою жену, какъ у него отнялъ ее сынъ колдуньи и взялъ себѣ въ жены. Къ счастью, ей удалось избавиться и вернуться къ Хырсъ-Палвану.

Въ одномъ городѣ, гдѣ они остановились на время погостить, ее крадетъ еще сынъ какой-то колдуньи и беретъ себѣ въ жены. Но и тутъ Хырсъ-Палвану удается спасти свою жену и двинуться далѣе въ путь, на родину. Послѣ разныхъ мытарствъ они дошли до одного царя. Хырсъ-Палванъ разсердилъ его своимъ дерзкимъ отвѣтомъ, и царь рѣшилъ его погубить. Его сбросили въ бездонную пропасть. Жена же такъ сильно его любила, что бросилась вслѣдъ за нимъ въ пропасть, гдѣ они оба и погибли.

Сколько же разъ бѣдная женщина переходила отъ одного мужа къ другому, и ни разу не видно, чтобы кто-нибудь побезпокоился спросить объ ея согласіи!

III.

Женщина безъ мужа — нуль. Только онъ обезпечиваетъ ея существованіе, дѣлаетъ прочнымъ ея положеніе.

> «Если любитъ мужъ — любитъ и народъ». (556).
>
> «Жена за спиной мужа, ханша за спиной хана, (т.-е. пользуется защитой, покровительствомъ и почетомъ по мужу). (557).

Итакъ, женщина должна выйти замужъ, чтобы упрочить свое положеніе, устроить семью.

Что же представляетъ изъ себя семейный союзъ?

Это трудовой союзъ. Мужъ и жена являются въ глазахъ народа парой воловъ, соединенныхъ ярмомъ (548) для совмѣстной трудовой жизни. Правда, эта пословица единственная, указывающая какъ бы на равноправность жены съ мужемъ въ семьѣ. Далѣе она оказывается уже только помощницей (549), а не сотрудницей.

Конечно, эта помощь жены нужна только бѣдняку-мужу. Богатому жена — для наслажденій, для развлеченій.

> «Если умретъ жена у богатаго, то у него обновится постель, если же у бѣдняка умретъ жена, то у него закружится голова». (28). [1]).

Мало того, что жена низведена на степень помощницы, ее приходится еще учить, воспитывать, передѣлывать на свой ладъ.

> «Дитя (воспитывай) съ малыхъ лѣтъ, а жену — съ начала (супружества). (48).

И горе глупой женѣ,—для ея обученія приходится припасать «толстую плеть». (20) [2]). Это послѣднее указаніе даетъ понять, что принятые способы «обученія и воспитанія» женъ не слишкомъ гуманные.

---

[1]) Правда, вторая половина этой пословицы можетъ быть истолкована и не въ томъ смыслѣ, что голова закружится отъ потери помощницы, а что приходится измышлять средства на новый калымъ для добыванія новой жены, что не легко бѣдняку.

[2]) Ср. у *Намюкиныхъ*, „Очеркъ быта женщины“, стр. 141.

Правда, молодежь не всегда стоитъ на сторонѣ плетки и деспотизма мужа. Въ сказкѣ «Баба-Яга и братъ ея царевичъ» [1]) царевичъ, прослушавъ жалобы молодой дѣвушки (см. выше), запѣлъ «грустную пѣсню». «Пѣлъ онъ, какъ его отецъ-старикъ прогналъ его мать за то, что она стала не красива и не могла своими ласками его потѣшать; пѣлъ онъ дальше, зачѣмъ есть на свѣтѣ такой плохой законъ, что мужья такъ своихъ женъ обижаютъ».

Но такъ или иначе семья создана,—что же дѣлаетъ жена въ семьѣ?

На ней лежитъ все домоводство: „тѣсто дѣлать, огонь разводить, пищу готовить“ (309) [2]).

Въ противоположность этимъ работамъ внутри дома, по хозяйству, работа мужчины заключается въ добыванiи средствъ существованiя, и кромѣ того онъ признается и общественной единицей. Ему надлежитъ:

> «Махать китменемъ, брать и класть, пашущихъ быковъ погонять, пойти и прiйти... Ой, ой!» (309).

Это различiе въ жизни и дѣятельности мужчины и женщины выражено очень наглядно и въ пословицѣ:

> «Дурной мужчина срамитъ пиръ, дурная женщина—домъ срамитъ». (524).

Въ виду именно этого послѣдняго обстоятельства, при выборѣ жены нужно быть особенно осмотрительнымъ и не брать наобумъ, а узнавши хорошенько.

> «Жену не бери во время праздника; лошадь не покупай во время дождя (потому, что въ праздникъ женщина бываетъ нарядна, а лошади во время дождя одинаково приглядны). (537).

---

1) *Н. Остроумовъ*. Сарты, в. II, стр. 16.

2) Ср. у *А. Н. Хоротхина*. „Сборникъ статей касающихся до Туркестанскаго края“, стр. 116. „Дома женщины шьютъ на семейство, прядутъ шолкъ и бумагу, готовятъ пищу и воспитываютъ, точнѣе кормятъ дѣтей“. Тоже у *Наливкиныхъ*, „Очеркъ быта женщ.“, стр. 109. „Мужъ долженъ добывать деньги или продукты; жена обязана приготовить изъ нихъ пищу и одежду“. Такiя дѣла, какъ торговля, купля и продажа и пр., всегда лежатъ на мужчинѣ, ибо для женщины считается неприличнымъ ходить на базаръ.



«Не бери ту, которую ты видѣлъ сквозь дверь; бери ту, которую ты видѣлъ съ колыбели». (*Гродек.* 575).

Хотя, какъ мы видѣли раньше, этимъ не всегда руководствуются при выборѣ жены.

Конечно, выборъ жены не можетъ быть всегда удачнымъ, и это служитъ поводомъ къ обильнымъ заявленіямъ о плохомъ положеніи мужа, семьи, если жена плохая. Плохо, если жена злая, (19, 21, 543) развратная, (22, 23), прожорливая (?) (24).

«Что пользы отъ обширности этого міра, если сапоги у тебя тѣсны? Что пользы отъ обширности вселенной, если у тебя жена развратная»? (22).

Такъ восклицаетъ мужъ, удрученный не только тѣмъ, что съ такой женой живется плохо ему самому, но еще и тѣмъ, что ему за такую жену грозитъ презрѣніе общества (23). И должно быть хорошія жены рѣдкость, такъ какъ народъ говоритъ:

«Нѣтъ врага сильнѣе жены; она не замѣтна—лежитъ въ объятіяхъ». (*Ибраг.*).

Зато какъ хорошо и счастливо живется, если жена хорошая, какъ благодушно настроенъ мужъ въ такомъ случаѣ.

«Хорошая жена — благополучіе дома; хорошій халатъ — красота пира». (544),

говоритъ онъ въ умиленіи.

Но оставимъ чувства мужа въ сторонѣ и вернемся вновь къ женѣ.

Она хозяйка, но для кого же она будетъ хозяйничать? Неужели же для одного своего мужа? Конечно, нѣтъ. Она жаждетъ дѣтей, страстно желаетъ ихъ имѣть [1]). Она въ случаѣ не имѣнія дѣтей даже утѣшаетъ себя иллюзіями въ родѣ собиранія коллекціи дудочекъ, вставляемыхъ въ дѣтскія люльки (33). Ей мало одной, она, глядя на свою коллекцію утѣшаетъ себя, думая, что у нея много дѣтей.

Въ виду разныхъ занятій мужа и жены у нихъ являются и различныя обязанности по отношенію къ дѣтямъ. На ма-

[1]) Ср. у *Наливкиныхъ*. „Оч. быта женщ.“, стр. 167—169.



тери лежитъ обязанность кормить, воспитывать физически своихъ дѣтей, тогда какъ отецъ обязанъ заботиться объ ихъ нравственномъ развитіи.

Послѣднее рѣзко выражено словами пословицы:

«У негодяя—отца не бываетъ» (*Грод.* 601),

т.-е. если есть у человѣка отецъ, то онъ не сдѣлаетъ сына негодяемъ.

«Оскорбившій своего отца будетъ презираемъ народомъ; оскорбившій свою мать будетъ нуждаться въ кускѣ хлѣба». (494).

Мы сказали выше, что обязанность матери—физически воспитывать дѣтей своихъ, но это не исключаетъ возможности и нравственнаго воздѣйствія ея на дѣтей. Это доказывается уже тѣмъ, что при выборѣ невѣсты рекомендуется глядѣть на ея мать (56), т.-е оцѣнивать, что могла получить она отъ матери. Значеніе матери оказывается настолько сильно, что у сумасшедшей матери всѣ дѣти будутъ сумасшедшія. (505).

Особенно же рельефно значеніе матери выражаютъ пословицы:

«Сирота, не имѣющая матери,—негодная; сирота, имѣющая мать,—цвѣточекъ». (38)[1]).

«На головѣ сироты при матери играютъ руки и гребень; на головѣ сироты безъ матери играютъ вши» (*Грод.* 658).

Но чтобы вскормить и воспитать цвѣточекъ, мать должна положить массу труда. Что же ждетъ ее въ старости, чѣмъ отблагодарятъ ее дѣти? Ничѣмъ. Когда выростутъ дѣти, а мать станетъ стара, между ними начинается разладъ. Мать одно, а дѣти другое (507); но этого мало,—дѣти отказываются кормить своихъ родителей[2]). Они говорятъ:

---

[1]) Киргизскій варіантъ: „При отцѣ сирота—безсовѣстная сирота, при матери сирота—цѣнная сирота“ (*Грод.* 657). Эта пословица, въ противорѣчіе съ указанной выше (601), какъ бы умаляетъ значеніе отца въ дѣлѣ воспитанія дѣтей.

[2]) Ср. у *Наливкиныхъ*: „Очеркъ быта женщ.“, стр. 111—112, 157. Оказывается, что, выдавъ дочь замужъ за богатаго, мать не рѣдко исполняетъ у нея роль прислужницы и живется ей не очень легко. Бываютъ случаи, что дочь не только помыкаетъ въ такомъ положеніи матерью, но даже бьетъ ее.



„Если есть отецъ и мать—пускай будутъ; лишь бы не было ихъ ртовъ и носовъ (т.-е. лишь бы не кормить ихъ)“. (501).

Грустно должно быть матери при такой холодности и чорствости дѣтей; она обращается къ мужу, желаетъ отъ него получить ласку и привѣтъ, а онъ говоритъ:

„У ветхой одежды (старая жена) нѣтъ тепла“. (18).

Холодомъ повѣетъ на нее отъ этихъ словъ.

И что же? Прожита жизнь... Назади короткое дѣтство и дѣвичество, долгая жизнь семейными интересами и замкнутое гаремное прозябаніе, а въ результатѣ всей этой жизни полная оторванность отъ всего, одиночество, заброшенность.

Гдѣ выходъ? Ищетъ ли его современная намъ женщина востока?

На этотъ вопросъ мы пока не можемъ дать никакого отвѣта.

О—чевъ.

Ташкентъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ВОТЯКОВЪ КАЗАНСКАГО УѢЗДА [1]).

(Этнографическій очеркъ).

I.

Вотяки Казанскаго уѣзда, какъ и всѣ инородцы нашего обширнаго отечества, до сихъ поръ сохранили не мало различныхъ обрядовъ и обычаевъ, которые представляютъ значительный этнографическій интересъ. Въ виду этого въ настоящей статьѣ мы рѣшили познакомить читателей съ свадебными обрядами и обычаями Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Обряды и обычаи эти несомнѣнно должны быть разсматриваемы какъ остатокъ язычества и архаистическаго строя вотяцкой семьи. Извѣстно, что не только у инородцевъ, стоящихъ на болѣе или менѣе низкой ступени умственнаго развитія, но и у цивилизованныхъ народовъ, сохранились многіе языческіе обряды и обычаи, которые, утративъ свою первоначальную форму и значеніе, сохраняются въ качествѣ забавы. Такъ, напр., вѣра въ колдовство до сихъ поръ существуетъ среди крестьянъ и низшихъ классовъ, божества нашихъ предковъ живутъ и донынѣ въ сказкахъ, разсказываемыхъ нянями дѣтямъ. У малокультурныхъ же народовъ остатки язычества имѣютъ серьезное значеніе, такъ какъ находятся въ тѣсной связи съ ихъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, а потому, за немногими исключеніями, сохраняются

---

[1]) Настоящій очеркъ есть результатъ преимущественно личныхъ наблюденій надъ свадебными обрядами и обычаями Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Значительную помощь при настоящей работѣ оказалъ мнѣ бывшій учитель Гондыревскаго училища Братства Св. Гурія, Казанскаго уѣзда, В. Т. Тимофеевъ, которому я приношу за это искреннюю благодарность.

въ первоначальной, первобытной формѣ. Мы не будемъ разсматривать различныя стадіи развитія вотяцкой семейной жизни, такъ какъ этотъ вопросъ довольно разработанъ въ этнографической литературѣ[1]), и перейдемъ непосредственно къ описанію свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ.

Изстари у Вотяковъ ведется обычай совершать свадьбы предъ сѣнокосомъ, вскорѣ послѣ Петрова поста, т.-е. съ праздника св. Апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня. Въ другое время свадьбы совершаются только по необходимости: женятся преимущественно вдовцы, не имѣющіе въ домѣ женщины для веденія домашняго хозяйства и присмотра за дѣтьми, или же молодые люди, принужденные обстоятельствами жизни, — напр. вслѣдствіе смерти матери или другой единственной работницы въ семьѣ, — жениться, не дожидаясь обычнаго времени. Обычай этотъ въ глазахъ вотяцкихъ дѣвушекъ имѣетъ важное значеніе, и выйти замужъ въ другое время онѣ считаютъ даже предосудительнымъ, такъ какъ вслѣдствіе этого нарушается традиціонный порядокъ свадебныхъ обрядовъ.

Молодые люди женятся обыкновенно въ возрастѣ отъ 18—24 лѣтъ. Время вступленія въ бракъ находится въ зависимости отъ матеріальнаго состоянія родителей: сыновья болѣе или менѣе зажиточныхъ родителей женятся раньше, а сыновья бѣдныхъ родителей и не имѣющіе льготы по отбыванію воинской повинности по необходимости принуждены бываютъ откладывать женитьбу на неопредѣленное время, иногда до 26—28 лѣтъ своего возраста. Женятся они обыкновенно по своему личному желанію, а не по принужденію родителей, но о своемъ намѣреніи жениться сообщаютъ всегда родителямъ чрезъ родственниковъ или даже сосѣдей.

Родители, желая женить своего сына, въ свою очередь прибѣгаютъ также къ посредству родственниковъ. Сватовство обыкновенно начинается вскорѣ послѣ Пасхи, такъ какъ

---

[1]) Желающихъ познакомиться съ этимъ вопросомъ отсылаемъ къ труду извѣстнаго этнографа проф. И. Н. Смирнова — „Вотяки". Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ VIII, выпускъ 2-й.



приготовленія къ свадьбѣ, въ средней по зажиточности вотяцкой семьѣ, требуютъ отъ невѣсты не мало времени.

Выборъ же невѣсты принадлежитъ преимущественно родителямъ, которые руководствуются при этомъ матеріальными разсчетами, такъ какъ для дома требуется главнымъ образомъ хорошая работница и съ достаточнымъ количествомъ приданаго.

Взглядъ же молодыхъ людей на невѣстъ сильно разнится отъ взгляда родителей. Такъ, въ пѣсняхъ воспѣвается ими стройный станъ дѣвушки, ихъ красота, дѣлаются сравненія глазъ возлюбленной съ черной смородиной, а лица — съ красной костяникой и проч.

Приведемъ для образца нѣсколько такихъ пѣсенъ:

1. Важьлэн чеберэз, ай, мар дырья?—	Когда бываетъ красота луга?
Тӧрли сяськаез вань дырья;	Тогда, когда есть различные цвѣты;
Ныллен чеберэз, ай, мар дырья?—	Когда бываетъ красота дѣвушекъ?
Дираз тактьяез вань дырья.	Тогда, когда на головѣ есть тактья[1]).
2. Тельбую пумы алтын чук,	Наконечникъ возжей съ золотою кистью,
Кидэс вӧяса кутэлэ;	Держите ихъ (возжи), помазавъ руки;
Милям налпаськон мукэтовол,	У насъ думъ другихъ нѣтъ,—
Вань налпаськонмы мотор ныл.	Всѣ думы наши о дѣвушкѣ.
3. Гурежь но бордад сӗд пушнерэд,	На горѣ черная крапива,
Сӗд пушнер полын сӗд сутэр;	Въ черной крапивѣ — черная смородина;
Сӗд сутэр каик синіосыд,	Какъ черная смородина ваши глаза,
Горд намэр каик баміосыд.	Какъ красная костяника ваши лица.
4. Тактьядэс мурик эн ижьялэ,	Не надѣвайте тактью низко,
Мед аджиськоз бабились дирсиды;	Пусть будутъ видны ваши кудрявые волосы,
Кусйостэс дюник эн кертылэ,	Поясницу не подпоясывайте туго,
Мед аджиськоз веськыт мугорды.	Пусть виденъ будетъ вашъ стройный станъ.
5. Келет но валлэн дялез кужь,	У рыжей лошади долга грива,
Гужем ныналлэн ыналэз кужь;	Лѣтомъ бываетъ дологъ день;
Тынад мугорэд мынам синьмы	Глаза мои на твой станъ.
Уськыса ум тырыськэ кужь ыналэн.	Насмотрѣться не могутъ и въ долгій день.

[1]) Головной уборъ дѣвушки.

Дѣвушки-невѣсты поютъ о своихъ возлюбленныхъ такъ:

1. Вылад но дисям дисіостэ Гожмо аджиськэ синь ажям; Чукна но жюжам шунды каик Мусо аджиськод синь ажям.	И одежда, надѣтая наверхъ тобою, Предъ глазами полосатою кажется, И какъ солнце, поднявшееся утромъ, Милъ кажешься ты предъ моими глазами.
2. Укно выжыды гöль гынэк, Гöльлэн сязькаез ок гынек; Та гуртын муртіёс туж уно, Мынам гажамэ ок гынэк.	Подъ окномъ одна только роза, У розы одинъ только цвѣточекъ, Въ этой деревнѣ весьма много людей, Но милый у меня только одинъ.

На нравственныя качества невѣсты хотя большого вниманія не обращается, но предпочитаются дѣвушки хорошаго поведенія. Въ настоящее время, какъ показываютъ наблюденія, взглядъ Вотяковъ на нравственность дѣвушекъ значительно измѣнился; поэтому; замѣчанія о. А. С. Миропольскаго [1]) и г. Д. Островскаго [2]) по поводу этого теперь кажутся уже преувеличенными. О. Миропольскій замѣчаетъ: «Вотяцкіе женихи не дорожатъ нравственностію дѣвушекъ. Чѣмъ больше молодежи ухаживаетъ за дѣвушкой, тѣмъ больше надежды на скорый выходъ ея замужъ. Поэтому нерѣдко приходится вѣнчать беременныхъ» (стр. 359) Г. Островскій, сообщая объ отношеніяхъ молодыхъ людей — будущихъ супруговъ, говоритъ, что они, „нерѣдко случается, сходятся между собою весьма близко задолго до свадьбы. И это не только не считается предосудительнымъ, напротивъ, если дѣвушка до выхода замужъ забеременѣла или даже имѣла дѣтей, считается хорошимъ признакомъ; такая дѣвушка даже предпочитается другимъ, потому что отъ нея вѣрнѣе можно ожидать потомства" (стр. 27). Но теперь это не только не служитъ хорошимъ признакомъ, а считается предосудительнымъ, и беременныя дѣвушки выходятъ замужъ обыкновенно при условіи ничтожнаго калыма (1—2 руб.), иногда даже безъ калыма. Впрочемъ, справедливость требуетъ добавить, что замѣчаніе г. Островскаго не вполнѣ утратило значеніе для

---

[1]) Православный Собесѣдникъ 1876 г. кн. XII („Крещение Вотяки Казанск. уѣзда").

[2]) Труды Общества Естествоиспытателей при Имп. Казанск. Университетѣ Т. IV, № 1 („Вотяки Казанской губ.").

характеристики и современныхъ отношеній молодежи. И теперь по окончаніи сватовства женихъ и невѣста пользуются полною свободою, чему не мало способствуетъ обыкновеніе дѣвушекъ спать въ клѣти (кәнасын). Если женихъ и невѣста изъ одной и той же деревни, то они почти всѣ ночи проводятъ вмѣстѣ; при этомъ невѣста иногда угощаетъ своего суженаго кумышкою, а онъ ее различными деревенскими лакомствами. Открыто же, въ качествѣ гостя, женихъ въ это время никогда не является въ домъ родителей невѣсты.

При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что влюбленные молодые люди (десь-уонъёз) часто проводятъ ночи вмѣстѣ и до сватовства. Родители-вотяки обыкновенно не обращаютъ вниманія на поведеніе своихъ дѣтей и позволяютъ имъ проводить ночи, гдѣ и какъ угодно, поэтому молодежь обоего пола и различныхъ возрастовъ большую часть ночи проводитъ на улицѣ, а потомъ и въ кәнасахъ. Благодаря, вѣроятно, такому взгляду на отношенія молодежи, у Вотяковъ сложилась поговорка: „пиняд піос ускә дераты, Иньмар-но ус дераты [1])", т. е.— если не будутъ любить молодые люди, не будетъ любить и Богъ. Но, не смотря на такую свободу нравовъ, незаконнорожденные бываютъ весьма рѣдко.

Родители, сдѣлавъ выборъ невѣсты и заручившись согласіемъ жениха, въ той деревнѣ, изъ которой предполагаютъ взять молодушку (вилькән), подыскиваютъ сваху, называемую по-вотяцки „ажь ветлись" (впереди ходящая) или „димчи" (совѣтница, сваха отъ татар. *дим* — совѣтъ, уговариваніе), которая выбирается обыкновенно изъ родственницъ; она должна ходить въ домъ невѣсты и уговаривать родителей выдать свою дочь, а невѣсту—выйти замужъ за предлагаемаго жениха. При этомъ «ажь ветлись», употребляя, конечно, все свое умѣніе, расхваливаетъ жениха и его родителей, много говоритъ о ихъ матеріальномъ благосостояніи и перечисляетъ все, имѣющее болѣе или менѣе важное значеніе въ ихъ хозяйствѣ. Въ случаѣ благопріятныхъ результатовъ переговора, «ажь ветлись» увѣдомляетъ объ этомъ родителей жениха,

[1]) Поговорка эта приводится и у г. Островскаго, но имѣетъ неправильный переводъ. (См. стр. 27).



которые послѣ этого начинаютъ сватовство, такъ сказать, оффиціальнымъ образомъ. Если мѣстожительство невѣсты далеко, для переговоровъ въ качествѣ свата отправляется отецъ или старшій братъ жениха, если же близко — мать или старшая сестра. Взявъ съ собою четверть водки и каравай хлѣба изъ яровой муки, сватъ или сваха отправляется первоначально къ «ажь ветлись», съ которой уже идетъ къ невѣстѣ. Къ ихъ приходу мать невѣсты покрываетъ столъ чистою скатертью (джöк кшэт) и кладетъ на него каравай хлѣба и солоницу. Пришедшіе сваты, обмѣнявшись обычными привѣтствіями, ставятъ на столъ привезенную четверть водки, тутъ же рядомъ кладутъ и хлѣбъ; хозяева усаживаютъ ихъ за столъ на почетное мѣсто, т. е. въ передній уголъ. Когда переговоры приведутъ къ намѣченной цѣли, начинаются угощенія принесеннымъ виномъ. Невѣста къ гостямъ не выходитъ и сидитъ въ это время съ своими подругами въ кэнасѣ, куда къ ней для переговоровъ ходятъ часто «ажь ветлись», мать и родственники. Изъявляя свое согласіе выйти замужъ, невѣста даритъ чрезъ «ажь ветлись» отцу или матери жениха одну изъ слѣдующихъ вещей: скатерть (джöк кшэт), полотенце для головы, которое составляетъ принадлежность костюма каждой вотяцкой женщины (дир кшэт), кушакъ (путо, по-татарски—пута). «Ажь ветлись» по обыкновенію отдаетъ подарокъ не голыми руками, а прихвативъ запономъ; получающій въ свою очередь беретъ подарокъ, прихвативъ полою одежды или рукавомъ, утираетъ имъ свое лицо и говоритъ пожеланія: «кузимез быдзым медло», т. е. пусть будетъ подарокъ великимъ (большимъ), „котло медло"—пусть будетъ счастливымъ (благополучнымъ), „асьсы ми кайк быдзым, пересь медло" — они сами, какъ мы, большіе и старые пусть будутъ. Сватъ или сваха передаетъ подарокъ старшему изъ присутствующихъ, напр. отцу невѣсты, а тотъ, исполнивъ эту церемонію, передаетъ другимъ.

Когда подарокъ обойдетъ всѣхъ, его отдаютъ по назначенію. Подарокъ этотъ при заключеніи свадебныхъ условій имѣетъ важное, рѣшающее значеніе: получившіе его уже ни въ какомъ случаѣ не должны отказываться отъ невѣсты,

хотя бы даже за нею были открыты какіе-либо важные недостатки. Невѣста за свой подарокъ получаетъ также въ подарокъ одинъ или нѣсколько серебряныхъ рублей или монетъ другого достоинства, которыя потомъ, какъ украшеніе, пришиваются къ костюму молодушки.

Въ заключеніе сватовства условливаются относительно калыма, называемаго по-вотяцки „кулымъ". Калымъ платится неодинаково, такъ какъ опредѣляется по количеству приданаго невѣсты и зависитъ отъ матеріальнаго состоянія родителей жениха; у Вотяковъ Казанскаго уѣзда калымъ бываетъ отъ 5 до 15 руб., весьма рѣдко въ нѣсколько десятковъ рублей.

До дня свадьбы невѣста со своими подругами шьетъ себѣ приданое и приготовляетъ различные подарки, какъ для родственниковъ жениха, такъ и для своихъ. Подарки эти состоятъ обыкновенно изъ различныхъ принадлежностей платья.

Ближайшимъ родственникамъ преподносятся болѣе крупные подарки, напр.: рубашка (дэрэм), штаны (эрэжъ), запонъ (агишэт), полотенце (*бане* кшэт) нагрудникъ, который носится женщинами (мурэшэт) и проч.

Дальнимъ родственникамъ дарятся мелкія вещички: кисеты, т. е. кошельки съ вышивкою и различными украшеніями изъ разноцвѣтныхъ обрѣзковъ матеріи и шерсти, для денегъ и для табаку, различныя мелкія принадлежности костюма, напр. поясъ (кускэртон) и проч.

Въ продолженіе этого времени родители жениха и невѣсты, встрѣчаясь на базарѣ, сообща дѣлаютъ покупки для приданаго невѣсты; причемъ мать жениха даетъ деньги на пріобрѣтеніе шелка (бурсинь), позумента и серебряныхъ нитокъ (уко, по-татарски — ука) для вышиванія „ашьяна[1]" — головного убора и другихъ принадлежностей костюма молодушки.

[1]) Верхняя часть ашьяна, надѣваемая на голову, имѣетъ форму усѣченной пирамиды вышиною вершка 3 и служитъ основаніемъ; она дѣлается обыкновенно изъ бересты зашитой въ холстъ и покрывается „сюлыкомъ" (родъ платка изъ красной матеріи), который по краямъ обшивается коричневою бахромою и украшается нашивками изъ позумента и разноцвѣтныхъ обрѣзковъ матеріи. Сюлыкъ, покрывая основную часть ашьяна, спускается назадъ и образуетъ двѣ складки вдоль спины. Ашьянъ носится только замужними женщинами.

Въ свободное время невѣста ходитъ на поле, на луга, въ лѣсъ и на ключъ, изъ котораго жители деревни берутъ воду и тамъ плачетъ, сожалѣя о томъ, что ей, послѣ выхода замужъ, не придется бывать тутъ, работать и гулять съ своими подругами.

За недѣлю до Петрова дня кто-либо изъ родителей или старшій братъ, дядя въ назначенный день отправляется къ родителямъ невѣсты для переговоровъ относительно дня свадьбы. Къ пріему гостей приготовляется яичница (курэкпыз пуштэм), сливочное масло (шуккэм вӧй), баранина (така силь) и большое количество кумышки, безъ которой у вотяковъ не обходится ни одна пирушка, ни одинъ религіозный обрядъ (моленія, жертвоприношенія, поминовенія умершихъ и проч.). Пирушка эта по-вотяцки называется „бульжӧ“ и соотвѣтствуетъ русскому сговору, который, какъ извѣстно, бываетъ передъ свадьбой для окончательныхъ переговоровъ. Въ это время назначается день свадьбы, и невѣста, чрезъ „ажь ветлись“, снова даритъ отцу или матери жениха рубашку, штаны или кисетъ; подарокъ описаннымъ уже выше способомъ переходитъ изъ рукъ въ руки и при различныхъ пожеланіяхъ возвращается по принадлежности. По полученіи подарка уплачивается половина калыма. Попировавъ достаточно, сваты возвращаются домой.

II.

Въ назначенный день для брака или наканунѣ, когда невѣста берется изъ дальняго селенія, ѣдутъ за невѣстою. За нею обыкновенно ѣздятъ два парня изъ родственниковъ, называемые поэтому „ныл ваисьсёс“ (привозящіе дѣвушку), и младшая сестра жениха (сузэръ); они всегда ѣздятъ въ кибиткѣ (родъ крытаго экипажа очень тряскаго по причинѣ примитивнаго устройства), а на открытомъ тарантасѣ отправляется еще отецъ, братъ или кто-нибудь изъ близкихъ родственниковъ.

Поѣзжане, пріѣхавъ въ домъ невѣсты, пируютъ вмѣстѣ съ приглашенными гостями. Невѣста же въ сопровожденіи «ажь ветлись» и подругъ ходитъ прощаться съ родственниками и

сосѣдями, которые угощаютъ ее при этомъ кумышкою, но она пьетъ очень мало. Затѣмъ невѣсту приводятъ въ кәнасъ, гдѣ ей вообще приходится проводить большую часть свадебнаго времени. Здѣсь ближайшія родственницы въ это время собираютъ и складываютъ въ сундукъ приданое невѣсты и раздаютъ подарки поѣзжанамъ и родственникамъ; подарки эти, какъ сказано уже выше, состоятъ изъ различныхъ принадлежностей костюма. Невѣста же, окруженная подругами и любопытными со всей деревни (приходятъ иногда и изъ ближайшихъ сосѣднихъ деревень), сожалѣетъ о томъ, что ей приходится разстаться съ родными, съ подругами и съ сосѣдями, и плачетъ, приговаривая:

Ой, атае, анае, вань туганіосэ! тани ти монэ тадрось вордиды, быдестиды; тани ини мон тиледлись люкыськисько.

Та бере ини мон тиледыз чальгеня укадьжи, тиледлись мусо кылiостэ уккылы...

Кяжи ини мон дят муртiосэн уло, соiослы дышо? Висем дырiосэ но дуоз, сокы мон анае, атае шуыса кинье важьо? Кинь монэ утялтоз, монэ кинь мусо кылiосэн диватоз?

Ой, атае, анае! монэ дят муртiос кiе сётыны марлы вордиды мидам? Марлы мон анайлись вордыськи мидам?..

Тани шодыськытэк пинял мусо дауыры орчиз ини!..

Ой, бускелiосы, иськавынiосы, дюлтошiосы, тиледлись люкыськисько ини!.. Иньмар тиледлы-но мыныммо десь улыны кюжь дауыр мед сётоз вал.

Ой, эшiосэ! вань папаiос кыржакы, вань уж дырiа: турнакы, аракы ти мынам тодамы усёды, мон сокы мар каро ини?.. Ой, мусо пинял дауыры! Дауыры мынам дауыры!..

О, тятенька, маменька, всѣ родственники! вотъ вы меня до сего времени воспитали и выростили; вотъ теперь я отдѣляюсь отъ васъ.

Послѣ этого я васъ скоро не увижу, отъ васъ милыхъ словъ не услышу...

Какъ съ чужими людьми я теперь буду жить и (какъ) привыкну къ нимъ? Будетъ и время болѣзни, тогда къ кому я буду обращаться говоря: тятенька, маменька? Кто за мною будетъ ухаживать (присматривать), кто меня прiятными словами утѣшитъ?

О, тятенька, маменька! зачѣмъ же вы меня воспитали для отдачи въ руки чужихъ людей. Для чего же я отъ матери родилась?..

Вотъ незамѣтно молодое милое время прошло уже!..

О, сосѣди, знакомые и подруженьки (товарки), отъ васъ отдѣляюсь уже!.. Богъ и вамъ и мнѣ хорошо жить долгiй вѣкъ пусть дастъ!

О, близкiе родственники! во время пѣнiя всѣхъ птичекъ, во время всѣхъ работъ: во время сѣнокоса, во время жатвы вы вспомнитесь—мнѣ, что я тогда буду дѣлать уже?... О, милое, молодое время! Время мое время!...

Плачъ и причитанія невѣсты производятъ уныніе и на окружающихъ ея дѣвушекъ-подругъ и женщинъ, такъ что многія изъ нихъ плачутъ вмѣстѣ съ нею.

Въ это время къ невѣстѣ приходятъ родственницы и сосѣдки и для угощенія ея приносятъ на сковородѣ яичницу и бутылку кумышки. Невѣста обыкновенно съѣдаетъ нѣсколько ложекъ яичницы и выпиваетъ 2—3 глотка кумышки, а остальное уничтожаютъ окружающія невѣсту женщины. Предъ отъѣздомъ «ажь ветлись» водитъ невѣсту прощаться со всѣми надворными постройками и съ гумномъ; около каждаго хлѣва, конюшни и проч. невѣста останавливается, плачетъ и кланяется имъ до земли. Затѣмъ ее вводятъ въ домъ для прощанія съ родителями. Родители сидятъ въ это время на нарахъ [1]) около стола (иногда на подушкахъ). Невѣста кланяется имъ, прощается и проситъ благословенія, говоря съ плачемъ:

О, мусо атае, анае!... Мон тадырозь тиледын валчэ улн - но быдэсми-но. Мынам тиледын улыкы тӧрлы дыріосы луемъ дыр: тиледыз ранжитн дыр, шыкаськи дыр, ӧжикено ти монэ дышетыса, гажаса вордиды, ини мон со понна тиледлы тау-но карысько, бакэльлекдэс-но [2]) курысько. Ини мыным ожи тиледлись люкыськыны Иньмар Ачыз кылдытэм дыр. Мынам хазор [3]) тиледлы мусо кылiос уно вераны укло,—сюлэмы кулоно кайк серэктэмись, кылiос-но укшеттиськы...

О, милые тятенька маменька!.. Я до сихъ поръ съ вами вмѣстѣ и жила и выросла. Въ продолженіе моей жизни съ вами различное (всякое) время было: навѣрно оскорбляла васъ, навѣрно ругала васъ, хотя и такъ, вы меня уча и любя воспитали, теперь я за то вамъ приношу благодарность и прошу благословенія. Теперь мнѣ такъ отдѣлиться отъ васъ суждено Самимъ Богомъ навѣрно. Сейчасъ сказать вамъ много любезныхъ словъ я не имѣю возможности, — сердце какъ предъ смертью ноетъ, и я не нахожу словъ...

[1]) Нары составляютъ необходимую принадлежность татарскихъ и вотяцкихъ избъ и клѣтей и представляютъ изъ себя помостъ вдоль передней стѣны, шириною около сажени; служатъ обыкновенно вмѣсто лавокъ и кроватей.

[2]) Это слово арабско-персидскаго происхожденія и означаетъ „прощеніе грѣховъ, позволеніе, разрѣшеніе“ (См. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ *Л. Будаговъ*. С. П. Б. 1868 г. Выпускъ I, стр. 246) и заимствовано Вотяками у Татаръ, которые „бахиллямак“ употребляютъ въ значеніи простить, благословить.

[3]) Отъ араб. слова, означающ. присутствующій, готовый; татарск.— теперь, нынѣ, сейчасъ, тотчасъ (см. тамъ-же, стр. 511).

Ой, мусо атае, анае! ыцэ монэ дят муртіос кіе сётыны тиляд сюлеміосты кнжи дисьтиз...

Ой, анае! монэ вордыськытэм беренк, ныл луемэз тодэм бере, монэ пыд улэ куштыса, лёгаса малы віэтэк кельтид?...

О, милые тятенька, маменька! такъ выдать меня въ руки чужихъ людей сердца ваши какъ осмѣлились!..

О, маменька, какъ ты только родила меня и какъ только узнала, что я дочь, (почему) бросивъ меня подъ ноги, не растоптала и зачѣмъ оставила неубитою?...

После этого родители благословляють свою дочь, говоря:

Ой, мусо нуныкае! Ми бакельлэкмэс сётыськом нни бакельлыго лу, далтэм писпу кайк лу, милемыз кылзэм кайк кылзись лу, дыгиміостэ вормись лу десіостэ люкаськись лу, милемыз-но тодад уськытись лу.

Аминь, Иньмарэ, аминь.

О, милое дитятко наше! мы свое благословеніе даемъ, и теперь будь благословенна, какъ плодородное (удачное) дерево; какъ насъ слушалась, будь послушною, будь побѣдительницей надъ злыми, будь собирательницей добрыхъ и будь помнящей насъ.

Аминь, Боже, аминь.

Когда родители благословятъ дочь, всѣ присутствующіе встаютъ и прощаются съ невѣстою.

Родители провожаютъ ее только до порога съ слѣдующими пожеланіями:

Ой, мусо нуныкае, милям нуныкае! десь далтэм сюрэсен мын, Иньмарез бурэ вайыса, аминь, кылчиніосыз люкаса, аминь, шайтаніосыз лёгыса, аминь, десь муртіосыз нуыса, ышаніосыз кельтыса.

Аминь, Иньмарэ, аминь.

О, милое дитятко, дитятко наше! иди хорошей, удачной дорогой, призывая (вспоминая) Бога, аминь, собирая ангеловъ, аминь, попирая злыхъ духовъ (шайтановъ), аминь, неся хорошихъ людей и оставляя злыхъ.

Аминь, Боже, аминь.

Послѣ ухода невѣсты родители продолжаютъ сидѣть около стола до ея отъѣзда; выходъ имъ запрещается во избѣжаніе несчастія, неблагополучій и проч.

Къ выходу невѣсты поѣзжане (ныл ваисьсёс) запрягаютъ лошадей и въ ожиданіи ея обыкновенно сидятъ на козлахъ, при этомъ родственники невѣсты угощаютъ ихъ кумышкою. Невѣста подходитъ къ кибиткѣ и, обойдя вокругъ нея три раза, садится на подушку, положенную свахою, или „ажь ветлись“, приподнимается и снова садится до трехъ разъ. Наконецъ, невѣста, сопровождаемая всевозможными пожеланіями, съ плачемъ выѣзжаетъ со двора; она плачетъ и во

время пути: встаетъ на ноги и, обернувшись назадъ, смотритъ на мѣсто своего жительства, съ которымъ несомнѣнно связано много дорогихъ воспоминаній, и время отъ времени въ отчаяніи кладетъ свою голову на верхъ кибитки. Проѣзжая по засѣянному полю, невѣста останавливается около своихъ полосъ, вылѣзаетъ изъ кибитки и проходитъ поперекъ ихъ, чтобы родные во время жатвы, увидѣвъ слѣдъ ея, вспомнили объ ней. Присутствующіе при этомъ наблюдаютъ, чтобы невѣста не взяла съ собою незамѣтно часть земли, такъ какъ, по повѣрью вотяковъ, тогда ихъ семейное счастіе перейдетъ съ нею въ другой домъ.

Если мѣстожительство жениха находится недалеко отъ села, невѣста ѣдетъ прямо въ церковь, въ противномъ же случаѣ— ѣдетъ въ домъ жениха, и вѣнчаніе происходитъ уже на другой день. Обряды и пирушка въ томъ и другомъ случаѣ совершаются одинаково, такъ какъ невѣста, по пріѣздѣ въ домъ жениха, считается уже его женою и до церковнаго бракосочетанія [1]).

Молодушку встрѣчаютъ на дворѣ родители и родственники молодого, стоя на постланномъ коврикѣ домашняго приготовленія съ хлѣбомъ-солью, масломъ, кумышкою и проч.; по пріѣздѣ молодушки на дворъ, они обращаются лицомъ на югъ и молятся такъ:

Ой, Иньмарэ, Быдзым Иньмарэ! десь кар милемыз, аминь; далтыты милемыз, эн кушты.

Аминь, Иньмарэ, аминь!

Тани милям эшмы бертэ вань шудэ-бурэн, вань ваньбурэн, десьсе, вайса, ышанзэ кельтыса, вань

О, Боже, Великій Боже! помилуй насъ (хорошими сдѣлай насъ), аминь; сдѣлай насъ счастливыми (спорыми, удачными), не оставь насъ.

Аминь, Боже, аминь!

Вотъ наше семейство возвращается со всякимъ счастьемъ, со всѣми вещами (кладомъ), принося хорошее,

1) Но нельзя не отмѣтить отраднаго явленія, которое наблюдается въ послѣднее время у Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Благодаря вліянію духовенства и развитію грамотности, Вотяки начинаютъ относиться къ христіанскимъ таинствамъ и обрядамъ болѣе сознательно. Такъ, напр., теперь гораздо рѣже бываютъ случаи пріѣзда невѣсты въ домъ жениха до вѣнчанія, чѣмъ это было 10—15 лѣтъ тому назадъ. У Вотяковъ же Мамадышскаго уѣзда и до сихъ поръ сохранился обычай жить невѣнчанными болѣе или менѣе продолжительное время: иногда даже два-три года и болѣе.

вижь-модосэн, шунытэн, али потэм шунды кайк, щукна ачкем ужьым кайк, жыт бертэм кötö кайк чыпіосэн бертэм бурдо пыдо курэк кайк, гужласа улись умортолэнъ мушэзъ кайкъ, аминь.

(злое) оставляя, со всякимъ умомъ, тепломъ[1]), точно только что вышедшее солнце, какъ озимь имѣющая видъ утромъ, какъ стадо, возвращающееся вечеромъ, какъ мохноногая курица, возвращающаяся съ цыплятами, какъ пчела съ шумомъ живущаго улья[2]), аминь.

По окончаніи этой молитвы, молодушка вылѣзаетъ изъ кибитки, обходитъ ее три раза и становится на коврикъ; рядомъ съ нею становится и молодой. Всѣ стоящіе на коврикѣ снова молятся, испрашивая счастливой, благополучной жизни для новобрачныхъ; въ заключеніе молодому даютъ намазанный масломъ кусочекъ хлѣба, который онъ съѣдаетъ вмѣстѣ съ молодушкою въ знакъ того, что съ этого момента у нихъ все должно быть общее.

Затѣмъ молодой идетъ въ избу, а молодушку съ сестрою молодого отправляютъ въ кэнасъ. Вскорѣ здѣсь собирается масса любопытныхъ дѣвушекъ и женщинъ, внимательно разсматривающихъ приданое новобрачной, которое для этого развѣшивается на шестахъ. Въ это время топятъ баню, куда сначала ходитъ молодой, а потомъ и молодушка въ сопровожденіи нѣсколькихъ дѣвушекъ. Между тѣмъ родители новобрачнаго приглашаютъ гостей и приготовляютъ все необходимое для пирушки: варятъ кашу, баранину, приготовляютъ яичницу и достаточное количество кумышки и вина.

Въ началѣ пирушки имѣетъ мѣсто слѣдующій обычай, носящій названіе „кышнаськон" или „кышно карон" (дѣланіе женою). Послѣ бани три женщины надѣваютъ на ноги молодушки (вилькэн) чулки (чулка) и портянки (пыд биниялтон), приготовленные матерью молодого, и лапти, сплетенные имъ самимъ. Потомъ вилькэнъ, т. е. молодушку, заставляютъ завить изъ волосъ нѣчто въ родѣ буклей, которыя носятъ всѣ женщины по обѣимъ сторонамъ головы ря-

[1]) Человѣкъ, имѣющій сравнительно съ другими болѣе теплыя руки и тѣло, считается вотяками счастливымъ.

[2]) Шумъ или ровный гулъ пчелъ въ ульѣ служитъ признакомъ силы и благополучнаго состоянія пчелиной семьи, что, конечно, извѣстно вотякамъ пчеловодамъ.

домъ съ серьгами. Она не соглашается на это и плачетъ, сожалѣя о дѣвичьей жизни, но женщины убѣждаютъ ее повиноваться; послѣ этого ея „тактью",—т. е. головной уборъ дѣвушки, имѣющій форму шапочки и украшенный разноцвѣтными ленточками, мелкими серебряными монетами и оловянными кружечками,—отдаютъ младшей сестрѣ молодого (сузэр), чѣмъ и оканчивается «кышнаськон».

Послѣ этого на молодушку надѣваютъ слѣдующіе наряды:

1. *Шорт дэрэм* (нитяная или холщевая рубашка); она приготовляется изъ холста съ чрезвычайно узкими рукавами, украшается вышивкою и позументомъ, особенно рукава и подолъ.

Шортъ дэрэмъ имѣетъ довольно странную принадлежность, значеніе которой вотяки не могутъ опредѣлить, это — нѣчто вродѣ рукава безъ отверстія изъ матеріи краснаго цвѣта; одинъ конецъ этого страннаго придатка пришивается къ срединѣ рукава приблизительно около локтя, а другой къ таліи; онъ лишаетъ молодушку возможности поднимать руки кверху. Ввиду того, что эта принадлежность рубашки не имѣетъ практическаго назначенія, можно предположить, что она, стѣсняя свободу движеній, служитъ символомъ покорности мужу, который по воззрѣніямъ вотяковъ имѣетъ полное право ограничить свободу своей жены.

2. *Муресажъ*—нагрудникъ, который носится поверхъ одежды на груди и украшается монетами, позументомъ и проч.

3. *Зар*—поясъ шириною вершка въ 2, съ украшеніями.

4. *Дир-кишэт*—головной платокъ.

5. *Ашшэт*—запонъ; молодушки имѣютъ два запона: верхній изъ хорошаго платка, обыкновенно краснаго цвѣта, нижній домашняго приготовленія.

6. *Чырты кыш*—нѣчто вродѣ ожерелья изъ монетъ и другихъ украшеній, состоящихъ изъ разноцвѣтныхъ бисеринокъ.

7. *Камалей*—лента съ серебряными монетами разнаго достоинства и фигурными украшеніями изъ олова на груди, надѣвается на правое плечо и спускается на лѣвый бокъ.

8. *Гадь ыгы*—шнурокъ съ украшеніями изъ бисера, надѣвается на лѣвое плечо и спускается на правый бокъ; при

помощи особаго шнурка съ кистями, называемаго «кертысь-кон», на него привѣшивается небольшой цвѣтной платокъ— «*урдэк кишт*». Сюда же для украшенія еще привѣшивается мѣдная гребенка.

9. *Сюлык быртэт* — это нѣчто вродѣ платка — покрова на ашьянъ съ различными украшеніями изъ вышивокъ, разноцвѣтныхъ ленточекъ, кисточекъ, мелкихъ серебряныхъ монетъ и оловянныхъ кружечковъ. Сюлыкъ молодушки отличается отъ сюлыка пожилыхъ женщинъ количествомъ украшеній и длиною бахромы, которая покрываетъ ея лицо до рта.

10. *Пель ыгы* — серьги, серебряныя у зажиточныхъ и оловянныя у бѣдныхъ; онѣ имѣютъ очень оригинальную форму, отличаются величиною и количествомъ различныхъ подвѣсокъ.

11. *Кивэсь*—нитка изъ бисера, надѣвается на обѣ руки.

12. *Поскэс* — браслетъ серебряный или жестяной, который пріобрѣтается обыкновенно у торговцевъ-татаръ, а потому почти всегда бываетъ съ краткими изрѣченіями изъ Корана.

13. *Зундэс*— перстень, серебряный или мѣдный, съ однимъ или нѣсколькими камнями.

14. Шуба изъ простыхъ овчинъ, крытая казинетомъ или плисомъ; она надѣвается на молодушку, не смотря на лѣтнее время.

Между тѣмъ новобрачный во время одѣванія молодушки, исполняя роль хозяина, сидитъ на стулѣ и угощаетъ гостей. Гости медленно, небольшими глотками, пьютъ вино и кумышку и бесѣдуютъ на свадебныя темы. Но выпитое вино и кумышка дѣлаютъ гостей развязнѣе, разговоры дѣлаются громче; вотъ два-три вотяка неувѣренно, пьяными голосами, затянули свою заунывную національную пѣсню:

Кайдомъ—майдомъ...	Кайдомъ—майдомъ...
Одпкзэ дюомъ, кыкзэ дюомъ,	Одну выпьемъ, двѣ выпьемъ,
Отзэъ кужьолы уздетыца?	Не достанется-ли одна хозяину?
Уно-но бытмосъ, эжитъ-но тырмозъ.	И многое израсходуется и малаго можетъ достать.
Татыу улэмлы маръ вуозъ?	Что можетъ сравняться съ мирнымъ житьемъ?

Является на сцену и „музыканчи“ (музыкантъ, отъ „музыкан“ — гармонь), который сначала аккомпанируетъ поющимъ, а потомъ играетъ подъ пляску. Пляску всегда начинаетъ женщина, которая, выдавая себя за молодушку, надѣваетъ въ кэнасѣ верхніе наряды молодушки и ея покрывало—„боркэнчи“. Во время пляски этой женщины, называемой „эктись вилькэн“ (пляшущая молодушка), кто-нибудь изъ присутствующихъ гостей спрашиваетъ ее: «та киньлэн сюанэз?» (это чья свадьба?). Она молчитъ, но чрезъ нѣсколько времени, измѣняя голосъ, отвѣчаетъ, напр., такъ: «Семонлэн сюанез (Семенова свадьба). Кончивъ пляску, „эктись“ подходитъ къ новобрачному и цѣлуетъ его, что вызываетъ со стороны гостей смѣхъ и различныя шутки, напр.: «эктыны богатэ вылэм, но чупкарыны укбогатэ вылэм» т. е. плясать-то умѣетъ (мастерица), цѣловать же не умѣетъ (не мастерица). Затѣмъ, бросивъ «боркэнчи» кому-нибудь на шею изъ присутствующихъ женщинъ, она убѣгаетъ къ молодушкѣ. Получившая «боркэнчи» въ свою очередь пляшетъ и потомъ передаетъ его другимъ. Такъ пляшутъ не только женщины и дѣвушки, но и парни; пляшущимъ время отъ времени гости предлагаютъ вышеприведенный вопросъ.

По окончаніи пляски покрывало относится къ молодушкѣ, которая къ этому времени бываетъ уже совершенно одѣта и слѣдовательно готова для выхода къ гостямъ.

Одна изъ женщинъ, одѣвавшихъ вилькэнъ, беретъ въ лѣвую руку подушку и ведетъ новобрачную къ пирующимъ. Когда молодушка подходитъ къ избѣ, раздаются голоса: «вилькэн прэ!» (входитъ молодушка). Подошедши къ порогу, вилькэнъ стелетъ около него, внутри избы, отрѣзокъ холста величиною съ носовой платокъ, кладетъ на него какую нибудь мелкую монету и, входя въ первый разъ въ домъ своего мужа, вступаетъ не на голый полъ, а на холстъ, чтобы жизнь при новыхъ условіяхъ была счастливою и въ матеріальномъ отношеніи. Холстъ этотъ и монета отдаются музыканту въ качествѣ платы за игру. Молодушку садятъ на принесенную подушку въ кругу женщинъ. Новобрачный зажигаетъ предъ иконами восковую свѣчу; послѣ этого всѣ встаютъ и, держа въ рукахъ чашки съ кашею, бараниною,

масломъ, пивомъ и кумышкою, молятся, испрашивая счастія и благополучія для молодыхъ; нѣкоторые молятся такъ:

Ой, Иньмарэ, восяськиськом Тыныд, ини далтыты милемыз, эн кушты. Тыныд, Иньмарэ, кужымы сюжем сямен туж восяськиськом, Тонэ бурэ вайыськом. Тыныд, уно вераса, восяськыны ми умтодыськэ, уно тодыны ми поддясіос овол; ини вань восяськемез кабыл [1]) кар.

О, Боже, молимся Тебѣ, сдѣлай насъ уже счастливыми (удачными, спорыми), не оставляй (не бросай). Тебѣ, Боже, по силѣ возможности, очень молимся, Тебя величаемъ (вспоминаемъ). Тебѣ, много говоря, молиться мы не знаемъ; много знать —мы не писаря [2]); все, о чемъ мы молимся, пріими уже.

Ой, Иньмарэ, Осто Иньмарэ, Быдзым Иньмарэ! туш восяськиськом ми ини, та бере милемыз эн кушты!.. Аминь.

О, Боже, Осто [3]) Боже, Великій Боже! послѣ этого мы сильно молимся Тебѣ—насъ не оставляй (не бросай)!.. Аминь [4]).

---

[1]) *Кабыл*—араб. слово, значитъ: онъ принялъ то (см. Словарь къ арабской хрестоматіи и Корану. Составилъ проф. *В. Гиргасъ*. Казань 1881 г., стр. 636).

[2]) Этимъ сравненіемъ указывается на незнаніе грамоты и книжныхъ молитвъ. Со словомъ *поддясь* (писарь) у Вотяковъ соединяется представленіе о человѣкѣ грамотномъ, знающемъ законы религіозные и гражданскіе, въ родѣ древне-русск. подьячаго.

[3]) Слово *Осто* не переводится потому, что значеніе его не могутъ опредѣлить не только неграмотные Вотяки, но и учители народныхъ школъ изъ Вотяковъ, къ которымъ я обращался съ просьбою перевести его. Нѣкоторые изъ нихъ предполагаютъ, что слово это въ древности служило названіемъ какого-нибудь божества и утратило свое значеніе съ принятіемъ христіанства Вотяками. Принимая во вниманіе значительное заимствованіе Вотяками татарскихъ и арабскихъ словъ отъ татаръ-мухаммеданъ, можно предположить, что слово это происходитъ отъ персидскаго—*устад, устаз*, сокращ.—*уста*—учитель, наставникъ; мастеръ, знатокъ (см. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ *Л. Будаговъ*. С.П.Б. 1868 г. Вып. I, стр. 136), и служитъ выраженіемъ понятія о Премудрости Божіей; поэтому, на основаніи этого предположенія, „Осто Боже" можно перевести „Премудрый Боже".

[4]) Мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать совершеніе этой молитвы, и каждый разъ меня поражало чувство глубокой вѣры, которое было видно на лицахъ молящихся. Особенно рельефно рисуется въ моемъ воображеніи фигура одной старушки-вотячки, матери жениха, которая всецѣло была поглощена молитвою, и лицо, устремленное на образа, свидѣтельствовало, съ какимъ благоговѣніемъ произносились слова импровизованной молитвы, приведенной выше, такъ что невольно являлось сожалѣніе о томъ, что народъ этотъ, имѣя такіе глубокіе задатки религіозности, не имѣетъ еще правильнаго понятія о православной вѣрѣ. Непріятное впечатлѣніе производитъ на наблюдателя смѣсь христіанства съ язычествомъ: въ одно и то-же время вы видите христіанскіе и языческіе элементы молитвы: восковыя свѣчи, взоръ, устремленный на образа, крестное знаменіе — съ одной стороны, и держаніе каши, кумышки, пива и проч.—съ другой.

По окончаніи молитвы всѣ садятся и продолжаютъ пировать. Молодушка по прежнему сидитъ въ кругу женщинъ, отдѣльно отъ мужа.

Далѣе слѣдуетъ обычай, носящій названіе *шербэт* [1]) *дюон* (питіе напитка). Шербэтъ, или напитокъ, составляетъ медовая сыта, которую приготовляетъ молодушка. Сыта эта подается присутствующимъ женою брата новобрачнаго или какою-нибудь родственницею. Сначала подносятъ отцу и матери, которые, взявъ стаканы съ шербэтомъ, опускаютъ въ нихъ по серебряной монетѣ, затѣмъ, вставши, обѣщаютъ молодушкѣ одну или нѣсколько головъ изъ скота и домашнихъ птицъ на ея счастье. Изъ этихъ же стакановъ пьютъ шербэтъ какъ мужчины, такъ и женщины и также опускаютъ въ нихъ по монетѣ; деньги эти поступаютъ потомъ въ пользу молодушки.

Послѣ болѣе или менѣе продолжительной пирушки, молодыхъ отводятъ спать въ кэнасъ.

Въ это время въ кэнасѣ всегда бываетъ масса молодежи обоего пола и различныхъ возрастовъ; здѣсь, въ ожиданіи молодыхъ, они располагаются въ различныхъ позахъ и проводятъ время въ разговорахъ и шуткахъ часто крайне нескромнаго свойства; не мало матеріала для циничныхъ замѣчаній доставляютъ вотяцкимъ кавалерамъ и новобрачные. Мнѣ неоднократно приходилось быть среди нихъ, но каждый разъ я не могъ безъ удивленія слышать, какимъ дружнымъ смѣхомъ дѣвушекъ сопровождались подобныя замѣчанія. Къ приходу новобрачныхъ одинъ изъ парней стелетъ на нарахъ постель; существуетъ повѣрье, что если это сдѣлаетъ молодой человѣкъ, то у новобрачныхъ родится мальчикъ, если же дѣвушка — родится дѣвочка, но, впрочемъ, повѣрье это не пользуется особенною популярностью. Молодушку приводитъ въ кэнасъ женщина, молодой же идетъ въ толпѣ и совсѣмъ не пользуется тѣмъ вниманіемъ, какое выпадаетъ на долю новобрачной; нѣсколько человѣкъ несутъ при этомъ чашки съ кашею, масломъ, кумышкою и пивомъ.

---

[1]) *Шербэт*—напитокъ, отъ арабск. слова, означ. онъ пилъ (см. Словарь къ арабской хрестоматіи и Корану. Составилъ проф. *В. Гиріасъ*. Казань 1881 г., стр. 401).

По приходѣ въ кэнасъ приглашаются нѣсколько молодыхъ людей совершить молитву за новобрачныхъ, которые стоятъ въ это время въ толпѣ. Впрочемъ едва-ли заслуживаетъ названія молитвы этотъ обрядъ, глубоко оскорбляющій религіозное чувство христіанина и показывающій, на какой еще сравнительно низкой ступени находится религіозно-нравственное состояніе вотяковъ. Здѣсь рядомъ съ Именемъ Божіимъ произносятся такія непристойныя прошенія и пожеланія, что нравственное чувство не позволяетъ привести ихъ здѣсь полностью [1]).

Обрядъ этотъ совершается такъ. На нарахъ стелется скатерть, на которую ставится все принесенное и каравай хлѣба. Затѣмъ молодые люди берутъ въ руки чашки съ кашею, масломъ кумышкою и пивомъ и, не снимая шапокъ, съ видомъ человѣка, приготовившагося сдѣлать что-то смѣшное, говорятъ:

Ой, Иньмарэ, Десь Иньмарэ, Быдзым Иньмарэ! далтэты таіосыз; огэз окзэ жаратыса, гажаса мед улозы; выдыкы чупкарыса шунаськыса мед килёзы, небжиса парланыса, паськатыса и проч.

О, Боже, Добрый Боже, Великій Боже! сдѣлай счастливыми (удающимися) этихъ; одинъ одного (другъ друга) любя, лаская пусть будутъ жить и проч.

Далѣе слѣдуютъ нецензурныя прошенія и пожеланія молодымъ, которыя сопровождаются взрывами хохота, какъ участниковъ обряда, такъ и всѣхъ присутствующихъ. Затѣмъ новобрачнымъ даютъ кусокъ хлѣба, намазанный масломъ, отъ котораго они откусываютъ по три раза; отвѣдываютъ также трижды каши, кумышки и пива, а остальное съѣдаютъ и выпиваютъ окружающіе.

Послѣ этого новобрачный, не раздѣваясь, ложится на постель. Одинъ изъ присутствующихъ парней спрашиваетъ

[1]) Искорененію подобныхъ нежелательныхъ явленій и вообще подъему религіознонравственнаго состоянія вотяковъ несомнѣнно могутъ способствовать школы и духовенство, благотворное вліяніе которыхъ въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ извѣстно всѣмъ. Благодаря этому вліянію и теперь вотяки начинаютъ болѣе сознательно относиться къ христіанскому вѣроученію, и, какъ показываютъ наблюденія, языческія вѣрованія постепенно утрачиваютъ значеніе въ ихъ глазахъ, и весьма возможно, что въ недалекомъ будущемъ они отойдутъ въ область преданій.

его: «кинь кулэ?» (кто нуженъ?). Тотъ отвѣчаетъ: «ныл кулэ» (дѣвушка нужна). Парень, схвативъ и приподнявъ какую-нибудь женщину, кладетъ рядомъ съ нимъ, спрашивая: „таиз-а?" (эта-ли?).—„Та овол" (не эта)—слѣдуетъ отвѣтъ. Тогда парень продѣлываетъ то-же самое съ какою-нибудь дѣвушкою получается тотъ же отвѣтъ: «та овол». Наконецъ, онъ беретъ молодушку и кладетъ рядомъ съ нимъ. Въ это время гасятъ огонь и всѣ съ шумомъ и выкрикиваніями непристойныхъ пожеланій, давя другъ друга, бросаются къ выходу.

III.

На другой день брака молодушку водятъ къ себѣ въ гости родственницы и сосѣдки, принимавшія участіе въ свадебныхъ пирушкахъ, а дня черезъ три или, если позволяютъ лѣтнія работы, черезъ недѣлю, дѣлается такъ называемый «аськон» (смотрины).

Въ назначенный день въ домъ новобрачныхъ пріѣзжаютъ сестра, братъ или какой-нибудь родственникъ молодушки, «ажь ветлись» и подруга для того, чтобы посмотрѣть, какъ живетъ «вилькэн» (молодушка).

Они привозятъ зятю въ гостинецъ что-нибудь изъ домашней стряпни и какой-либо подарокъ, напр., кисетъ. Гостей садятъ за столъ, около нихъ садится и молодушка, которая подробно разсказываетъ имъ о своей новой жизни. Черезъ нѣсколько времени входитъ молодой въ сопровожденіи своего товарища; оба они несутъ по бутылкѣ водки. При этомъ нужно замѣтить, что товарищъ во время смотринъ исполняетъ роль новобрачнаго и бываетъ одѣтъ въ самую худшую одежду, въ худыхъ штанахъ, зашитыхъ, вмѣсто нитокъ, лыками, въ старыхъ обтрепанныхъ лаптяхъ и подпоясанъ старой веревкой.

Они здороваются, говоря:

Десь лыктидыуа?	Хорошо-ли пріѣхали (пришли?).
— Иньмарэ, тау, — десь лыктимъ:	— Боже, благодаримъ, — хорошо пріѣхали.
Асьтэс кижи улыськоды?	Сами какъ поживаете?
— Улыськом али кижике луиз, ожи.	- Живемъ еще такъ, какъ приходится.



Затѣмъ товарищъ наливаетъ въ стаканы водки, молодой же опускаетъ въ нихъ по мелкой мѣдной монетѣ, впрочемъ, одному старшему, болѣе уважаемому лицу, опускается серебряная монета. Гости, взявъ стаканы, отпиваютъ немного, тотъ опять подливаетъ въ нихъ, чтобы они были полными. Послѣ этого они оба стаютъ на колѣни, желая сдѣлать болѣе убѣдительнымъ свое угощеніе. Далѣе слѣдуетъ разговоръ, который составляетъ необходимую принадлежность аськона и повторяется всегда по извѣстному образцу.

Въ виду того, что разговоръ этотъ имѣетъ значительный интересъ, я позволю себѣ привести его здѣсь по возможности полнѣе.

Товарищъ говоритъ:

Куніосмы туж умойэн умой лыктиллям; нярακыз-но десись, тани соез гынэ шук: тилеськыд ныдэ басьтэм бере шудмы сӧрлань пала кошкиз, пудоіос-но бытмыны кучкис. Ныдды шудтэм, ажтэм вылэм, — со лыктэм береик бӧлимы; тани тиледыз сектаны-но ижіез, сапегэз-но заклат поныса арак басьти. Дюэ, куноіос, дюэ!

Гости наши весьма хорошо-то хорошо пріѣхали; все хорошо, вотъ только то трудно: послѣ того, какъ мы взяли вашу дочь, счастье наше назадъ ушло и скотина начала уменьшаться. Дочь ваша оказывается несчастливая, лѣнивая,—только послѣ ея прихода обѣднѣли; вотъ для угощенія васъ, положивъ въ закладъ шапку и сапоги, взялъ вина. Пейте, гости, пейте!

Молодушка, услышавъ это, уходитъ. Кто нибудь изъ гостей отвѣчаетъ:

Малы ыщэ луиз мидам? Ми, эмеспи, та кыліосыдлы ум оскиськы,— солэн милям дорын дырьяз пудоез-но, музонэз-но туж далтэ вал; атаезъ сое мынамъ шудо-но чырешись нылы шуса ветлэ валъ. Эскэ кижи, мар кароды ини?

Почему же такъ случилось? Мы, зять, этимъ словамъ не вѣримъ,— въ то время, когда была она у насъ, и скотина и другое весьма удавалось; отецъ ея ходилъ, говоря: „она у меня счастливая, трудолюбивая дочь". Если такъ—что будете дѣлать?

Иньмарлы вӧсяськы — шудо-но, узыр-но луоды.

Помолись Богу — счастливыми и богатыми будете.

Ме, басьты, эмеспійэ, куджисько ини!

На, бери, зятюшка, пьянѣю уже!

Товарищъ молодого опять подливаетъ въ стаканы и говоритъ:

Дюэ, дюэ, куноіос!
Ти ныдэ ушіанзэ ушіаськоды...

Пейте, пейте, гости!
Вы свою дочь хвалить-то хвалите..

Асьтэсик налпалэ, мон шорэйк уськыса тододы. Ныдэ ужась эн шуэ: самай ажьтэм ныл вылэм. Атаез дюртын ужаны тодэнтэ бере татын ужаны дышетыны укло. Ныл-дэ ажьтэм-тык ажьтэм вылэм Тани утьэ: солэн путоез-но оволъ вылэм, путо иньтые эресь каліос, кут гозыіос кертыса, ветлисько. Куэмез-но укло вылэм, дюно-башо дераез-но овол; ныдам ыштыр-но, одик курэк вузаса, басьти. Чистый бöлимы ини... Ныды арсез-лы, ажьтэмлы дышем вылэм; мон дорись одик-но ук кошкы, чукна-но ук выржи; мон сайкатыны куськэм бере монэным жугыськы-ны куськэ. Ныдылэн один калыз гынэ вань.

Сами подумайте, смотря на меня поймете (узнаете). Не говорите, что дочь ваша работящая: оказывается самая лѣнивая дѣвушка. Въ домѣ отца если работать не знала, здѣсь работать научить невозможно. Дочь ваша лѣнивая, такъ и оказывается лѣнивая. Вотъ смотрите: оказывается у нея и опояски нѣтъ даже,—на мѣсто опояски шнурки отъ штановъ, веревки отъ лаптей завязавши хожу. Оказывается, какъ слѣдуетъ, и ткать не можетъ — хорошаго-то и холста нѣтъ; даже портянки для ногъ, одну курицу продавши, купилъ (взялъ). Начисто уже обѣднѣли... Дочь ваша къ нечистотѣ и лѣности пріучилась; оказывается отъ меня нисколько не отходитъ и рано не встаетъ; если я стану будить (ее), со мною начинаетъ драться. У вашей дочери только одно слово (разговоръ) есть [1]).

Кто нибудь изъ гостей отвѣчаетъ ему:

Тон кырсіе, милемыз уд öрэкчаськыуа? Ми ини тон ожи шуем бере чистый дёрмимы: милям апаймы ыщэ эйвал. Чукнайк султыса, пудо-курэк сюдись, дёрт утялтись милям дёртын со гынэ вал. Вань ужлы пужіаськыны, куыськыны со туж данько вал, солись пужіатэмзэ, куэм дераэ-но утитке синь мальдэ вал, уськыса-но ук тырыськы вал

Ты, зятюшка, насъ не обманываешь-ли? Мы теперь, послѣ того, какъ ты такъ сказалъ намъ, весьма озадачены: наша (старшая) сестра не была такою. Вставши рано, кормилицею скотины, курицъ и прибирающею въ домѣ только она была. Всякой работой, вышиваньемъ, тканьемъ она очень славилась; на ея вышивку и тканый холстъ если посмотришь—въ глазахъ рябило бывало и не насмотришься бывало.

Товарищъ молодого говоритъ на это:

Ожи эн шу, тонно апаед кайк кылды усто вылэмэд вылэм. Ини мино, вань бускеліос-но солысь ышанзэ, асьтэмзэ шудтэмзэ тодими. Ми ажьла тащэ ум улыськэ вал: узыр

Такъ не говори, оказывается и ты, какъ сестра, мастерица на словахъ. Теперь и мы и всѣ сосѣди ея дурость, лѣность, несчастность узнали. Мы прежде такъ не жили: богаты

---

[1]) Указывается на умѣнье только говорить, а не работать.

вал, муртлы ачмэс уксё сётыса улыськом вал. Тани со лыктиз-но бöлим, уксё-но бытмиз; важьнал, уксё кулэ луем бере, парис кöтё-уен жяжек котё вожьманы басьтп. Тани уте ини: выламъ поныны ныл-дылэн одик дисез-но овол, ини мурт дорэ урамы потыны-но вожь-даськисько. Караб ини ужмы!... Ушіам ныдды ожи вылэм, текля-чіос!

были, сами бывало, давая деньги другимъ, жили. Вотъ какъ она пришла, обѣднѣли, и деньги кончились; третьяго дня послѣ того, какъ понадобились деньги, стадо свиней со стадомъ гусей взялъ пасти. Вотъ смотрите же: теперь покрыть себя нечѣмъ, такъ какъ у вашей дочери нѣтъ ни одной одежды, и теперь къ людямъ на улицу выходить стыжусь. Теперь ужъ очень плохо, наше дѣло!... Ваша хвалимая дѣвушка такова оказывается, свахи!

Свояченица говоритъ на это:

Ой, кырсіе, малы ожи шуиськод? Мыныськым апаез ожи дяратэмтэ бере; курлам бере сое малы бась-тид? Тон жыт-но, чукна-но со сёрэнъ чыд каза-така кайк вет-лиськод вал,—вижьзэ тодыса бась-тидъ вѣдь. Может Иньмарлись вожзэ поттильлямды дыр. Ини эскэ уно-гэм Иньмарлись куры, кыкнады-но чырэшэ; кышнодэ вожьматыса ды-шэты „дышетэм бере гондыр-но дышэ“. Чырэшидыкэ таза-но, узыр-но улоды.

О, зятюшка, зачѣмъ такъ говоришь? Мою сестру если такъ не полюбилъ и позоришь, зачѣмъ взялъ ее? Ты и вечеромъ и утромъ за ней самъ, какъ козелъ, ходилъ бывало,—зная ея умъ, взялъ вѣдь. Можетъ быть прогнѣвали Бога. Теперь, когда такъ, побольше проси отъ Бога, оба постарайтесь; жену свою, указывая, учи,—„послѣ ученія и медвѣдь выучивается“. Если постараетесь, здоровыми и богатыми будете жить.

Товарищъ жениха чешетъ затылокъ и говоритъ:

Ини басьтэм бере басьтэм; му-зон амал овол, ожи-но, тажи-но карыса дисьлись саессэ вандыса ты-бырзэ кышіам кайк улоъ ини. Ойдолэ, куноіос, кыл уз бытмы лутчы дюэ, мынам пидесэ висины куськиз. Эреялись пидессэ ныды-лэн синнесыз-но оволлись ачым бунэн-но ниньэн кышіам вал.

Теперь взялъ, такъ взялъ; другого способа нѣтъ: такъ и этакъ дѣлая, отъ одежды рукава отрѣзывая, спину зашивая, подобно этому будешь жить ужъ. Айда-те, гости, разговоръ не кончится—лучше пейте, мои колѣнки начали болѣть. Колѣни у штановъ, за неимѣніемъ нитокъ у вашей дѣвушки, самъ мочаломъ и лыкомъ зашивалъ (зашивающимъ былъ).

Всѣ гости:

Ойдо, эмэспіе, султы ини, — тонэ туж кураджитим. Унозэ Иньмар-лись куромы, Со сётоз. Ини ачмэс шуй потыны кулэ.

Айда, зятюшка, встань уже,— мы тебя сильно замучили. Многое отъ Бога будемъ просить, Онъ дастъ. Намъ теперь радоваться нужно.

И всѣ, кромѣ молодого, начинають пѣть:

Ойдолэ шум потомы-но кыржяло мы, —	Давайте порадуемся и попоемъ, —
Келишоз медам кылыiосмы	Понравятся-ли наши слова?
Келiшоно луизке та кылiосмы	Если будутъ нравиться слова наши,
Нош-но валчэ уломы	То и впередъ вмѣстѣ будемъ жить.

На аськонъ собирается много любопытныхъ, которые со вниманiемъ слушаютъ вышеприведенный разговоръ и каждую болѣе или менѣе остроумную фразу сопровождаютъ дружнымъ смѣхомъ. Гости угощаются обыкновенно до полуночи. На другой день новобрачные съ гостями ходятъ пировать къ родственникамъ и сосѣдямъ, которые принимали участiе въ свадебныхъ пирушкахъ. Попировавъ 2—3 ночи, «аськисьёос» отправляются домой.

Этимъ пока заканчиваются свадебные обряды до «сюлык кыскона» (сниманiе платка), о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Первое время молодушка пользуется особеннымъ вниманiемъ не только родственниковъ своего мужа, но и постороннихъ лицъ: за нею ухаживаютъ и угощаютъ ее, какъ гостью. Появленiе ея на улицѣ составляетъ цѣлое событiе и потому всегда привлекаетъ любопытныхъ, которые сопровождаютъ ее вездѣ. Ходитъ молодушка всегда въ своихъ нарядахъ и съ закрытымъ лицомъ; лицо ея закрывается украшенiями изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, оловянныхъ кружечковъ и кисточками бахромы «сюлыка», которыя спускаются до рта. Работать молодушка также ходитъ въ своихъ нарядахъ. Во время сѣнокоса молодушка, не смотря на iюльскiй жаръ, работаетъ также въ своихъ сложныхъ нарядахъ, которые, конечно, сильно затрудняютъ ее, такъ какъ она должна показать умѣнье работать наравнѣ съ другими. Не смотря на трудность работы, сѣнокосъ самое лучшее, самое веселое время для вотяцкой молодежи, поэтому она съ нетерпѣнiемъ ожидаетъ его. Впрочемъ, сѣнокосъ прiятно проводится не одною только молодежью, но и всѣми вообще; къ нему готовятся, какъ къ празднику, варятъ кумышку и пиво. На луга всѣ отправляются въ праздничныхъ одеждахъ, отличающихся пестротою красокъ. Ежедневно по окончанiи работъ взрослые благодушествуютъ, попивая кумышку, а молодежь

забавляется различными играми почти въ продолженіе всей ночи. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ пирушки происходятъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ есть молодушка.

IV.

Далѣе слѣдуютъ обряды, носящіе слѣдующія названія: *«сюлык кыскон»*, *«дярашон»* и *«берен пуксён»*. Обряды эти составляютъ какъ бы вторую часть свадебныхъ церемоній, отдѣленную отъ первой части довольно значительнымъ промежуткомъ времени, такъ какъ первый по времени изъ этихъ обрядовъ — «сюлык кыскон»—бываетъ мѣсяца черезъ два или даже иногда черезъ три послѣ заключенія брака.

Обряды эти заключаются въ слѣдующемъ.

„*Сюлык кыскон*“ (сниманіе платка). Сюлыкъ, какъ сказано было выше, составляетъ необходимую принадлежность костюма «вилькэн», такъ какъ онъ служитъ для нея покрываломъ. До «сюлык кыскона» молодушка, при посѣщеніи родственниковъ, не должна входить въ ихъ домъ, поэтому ее въ это время угощаютъ обыкновенно подъ окнами дома, на улицѣ.

Въ назначенный день для «сюлык кыскона» родители приглашаютъ своихъ родственниковъ и сосѣдей, а молодушка приготовляетъ все необходимое для угощенія гостей.

Пирушка эта имѣетъ семейный характеръ, и гостей бываетъ обыкновенно немного. «Вилькэн» одѣвается въ лучшіе наряды и выходитъ къ гостямъ. Пирушка идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, не представляя ничего выдающагося. Когда гости достаточно попируютъ и попляшутъ, одинъ изъ присутствующихъ парней, будущій младшій дружка (покчи казак) подходитъ къ молодушкѣ, снимаетъ съ нея ашьянъ и, надѣвъ его на себя, начинаетъ плясать. Во время перерывовъ онъ подходитъ къ столу, гдѣ его угощаютъ виномъ. Затѣмъ онъ возвращаетъ ашьянъ молодушкѣ, а беретъ другой, который носятъ молодушки послѣ «сюлык кыскона»; этотъ ашьянъ отличается отъ перваго длиною кисточекъ, которыя доходятъ только до глазъ. Подпоясавшись этимъ ашьяномъ, онъ продолжаетъ плясать и, не снимая его въ

продолженіе всей пирушки, уноситъ домой. На другой день онъ приноситъ ашьянъ молодушкѣ, которая угощаетъ его за это кумышкою и даритъ ему что-нибудь, напр., кисетъ для денегъ.

„*Дярашон*“ (примиреніе) [1]. «Дярашон» бываетъ въ домѣ родителей молодого на второй или на третій день послѣ праздника Казанской иконы Божіей Матери, 22 октября [2].

Въ назначенный день пріѣзжаютъ родители молодушки и нѣкоторые родственники и привозятъ съ собою гостинцы: каравай бѣлаго хлѣба, лепешекъ изъ яровой муки и вареной говядины. Теща привозитъ зятю въ подарокъ штаны или рубашку. По пріѣздѣ гостей приглашаются сосѣди и родственники „салам сіины“ (гостинцы ѣсть). По обыкновенію сватамъ предлагаютъ почетное мѣсто за столомъ въ переднемъ углу, около нихъ уже по старшинству усаживаются остальные гости; нужно замѣтить, что женщины, какъ всегда, образуютъ особый кружокъ и сидятъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мужчинъ, хотя и въ одной и той же комнатѣ. На столъ, покрытый бѣлою скатертью, кромѣ различныхъ угощеній, кладутся деньги, завернутыя въ бѣлую тряпочку; онѣ предназначаются для уплаты второй половины калыма. Попировавъ немного, сваты объявляютъ, что цѣль ихъ пріѣзда получить остальную часть калыма. Родители молодого говорятъ, что необходимая для этого сумма приготовлена и лежитъ предъ ними. Денегъ всегда кладется менѣе, чѣмъ слѣдуетъ по условію, что, конечно, вызываетъ неудовольствіе сватовъ. Тѣ въ свое оправданіе говорятъ, что приданаго дано недостаточно, поэтому положенныхъ денегъ довольно. Это служитъ причиною спора о количествѣ приданаго соотвѣтственно калыму. Родители молодушки дѣлаютъ нѣкото-

---

[1]) Названіе это несомнѣнно заимствовано изъ татарскаго языка и происходитъ отъ глагола, означающаго согласоваться, примириться (см. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ *П. Будаговъ*. Томъ II, С.П.Б. 1871 г., стр. 324).

[2]) Время это для „дярашона“ назначается главнымъ образомъ, вѣроятно, потому, что совпаденіе Казанской съ тѣмъ временемъ, когда у каждаго землевладѣльца имѣются достаточные запасы хлѣба, даетъ возможность Вотякамъ приготовить большое количество кумышки и пировать нѣсколько дней.



рыя прибавленія, напр., даютъ шубу, подушки и проч., а родители молодого въ свою очередь прибавляютъ понемногу денегъ. Иногда споръ этотъ доходитъ до ссоры, но всегда оканчивается взаимнымъ соглашеніемъ.

Сосѣди также принимаютъ участіе въ спорѣ и говорятъ, что положенныхъ денегъ по невѣстѣ, т. е. по ея приданому и по ея умѣнью работать, достаточно, или же уговариваютъ родителей молодого прибавить немного. Наконецъ, когда споры приведутъ къ желательнымъ результатамъ, т. е. къ соглашенію, всѣ кричатъ три раза: „берекэт! [1]" (благословеніе, изобиліе, умноженіе); этимъ выражается пожеланіе счастія и изобилія новобрачнымъ. По окончаніи переговоровъ гости со стороны новобрачнаго дѣлаютъ различныя шутливыя замѣчанія и смѣются надъ сватьями примирившимися такъ скоро; они говорятъ: „Марлы ыжыт уксёлы гынэ куниды? Кодолы дюртыны няракмы-но лыктэмы вал" (зачѣмъ на небольшихъ деньгахъ помирились? Свату помогать всѣ мы пришли было). При этомъ они показываютъ свои деньги и смѣются.

Получивъ калымъ, сватъ изъ этихъ денегъ даритъ своей дочери—молодушкѣ рубль или два и обѣщаетъ ей подарить нѣсколько головъ изъ домашняго скота и птицъ, а она отъ имени родителей своего мужа даритъ матери рубашку. Послѣ этого на столъ ставится каша, и всѣ присутствующіе по обычаю, взявъ въ руки чашки, молятся и просятъ счастливой, благополучной жизни для молодыхъ.

Затѣмъ всѣ садятся и продолжаютъ пировать; пьютъ водку, кумышку, пиво (сур) и брагу (му сур) и захмѣлѣвъ начинаютъ пѣть. Чтобы познакомить читателя съ содержаніемъ этихъ пѣсенъ, я приведу здѣсь три, пользующіяся наибольшимъ распространеніемъ.

1) Ойдо сіомы-но дюомы,	Давайте поѣдимъ и попьемъ,
Атайлэн нянез вань дыріа;	Когда у отца есть хлѣбъ;
Ойдо шум потомы-но серектяломы	Давайте порадуемся и посмѣемся,
Ачымылэн кодоіос вань дыріа!...	Когда есть наши сватья!...

[1]) Берекэт — араб. слово отъ глагола, имѣющаго въ III формѣ значеніе—онъ благословилъ, ниспослалъ счастіе, благоденствіе (см. Словарь къ арабской хрестоматіи и Корану. Составилъ проф. *В. Гиргасъ*. Казань 1881 г., стр. 58).

2) Ми татцы лыктим вал ульляса, Дюскимы укно выжыяд; Ми лыктон дыріа тивитиды Лыз дыдык сямен гурлады.	Мы сюда пріѣхали, лошадь погоняя, Выпрягли подъ окномъ; Время нашего пріѣзда вы ждали, Какъ сизый голубь ворковали.
3) Тылэн люгытэз туж люгыт, Нынал люгытлы·мар вуоз?	Свѣтъ огня очень свѣтелъ (ярокъ),— Что можетъ сравняться съ свѣтомъ дня?
Дятын шулдыріос туж уно, Атыкай дюртлы мар вуоз?	У чужихъ веселья очень много,— Что можетъ сравняться съ домомъ батюшки?

Пирушка дяpaшона, смотря по обстоятельствамъ, продолжается дня два—три.

„Берен пуксён“ (возвращеніе къ прежнему мѣсту). Черезъ день или черезъ два послѣ «дяряшона» родители молодого увозятъ вилькэнъ гостить въ домъ ея родителей и пируютъ тамъ; этотъ обычай носитъ названіе «берен пуксён», такъ какъ молодушка съ этого времени какъ бы возвращается къ прежней жизни, садится обратно на свое мѣсто. Вилькэнъ беретъ съ собою небольшой сундукъ съ различнымъ платьемъ, такъ какъ ей придется жить тамъ довольно долго. Во время сборовъ мужъ молодушки старается утащить, незамѣтно для нея, что-нибудь изъ необходимыхъ вещей или изъ лучшихъ нарядовъ, чтобы она, когда они понадобятся ей, вспомнила объ немъ. Къ пріѣзду сватовъ приглашаются гости и приготовляется все необходимое для угощенія.

Во время пирушки родители вилькэнъ исполняютъ свое обѣщаніе, данное въ „дяpaшонъ“ и приводятъ въ избу къ гостямъ обѣщанную скотину и птицъ. Послѣ этого всѣ встаютъ и, держа въ рукахъ чашки съ кашею и проч., молятся о томъ, чтобы скотина умножалась у нихъ и велась благополучно. Затѣмъ всѣ присутствующіе кладутъ на столъ по одной или по нѣскольку серебряныхъ монетъ; деньги эти идутъ въ пользу вилькэнъ, которая, если денегъ достаточно, покупаетъ на нихъ овечку, или же пришиваетъ ихъ къ костюму, какъ украшеніе.

По окончаніи пирушки сваты увозятъ скотину домой, а молодушку оставляютъ въ домѣ родителей, гдѣ она гоститъ до „сюана“ — послѣдней свадебной пирушки, которая бываетъ на масляницѣ. Во время пребыванія въ домѣ родителей

она носитъ вмѣсто ашьяна шапку, чѣмъ и отличается отъ дѣвушекъ, которыя носятъ всегда на головѣ тактью.

Живя у родителей „вилькэнъ“ пользуется свободою и вмѣстѣ съ дѣвушками участвуетъ во всѣхъ играхъ, бываетъ и на посидѣнкахъ, которыя происходятъ зимою въ баняхъ.

Жизнь молодушки при такихъ условіяхъ бываетъ не всегда безупречна: нѣкоторыя изъ нихъ злоупотребляютъ свободою и нарушаютъ супружескую вѣрность, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда молодушкѣ приходится жить далеко отъ своего мужа. Мужъ ея въ домѣ своего тестя, въ качествѣ гостя, не имѣетъ права бывать до Пасхи, поэтому, если позволяетъ разстояніе, приходитъ къ своей женѣ только тайно, по ночамъ.

Обычай этотъ, не смотря на нежелательныя послѣдствія въ отношеніи нравственности, сохраняется, вѣроятно, благодаря особому взгляду дѣвушекъ-вотячекъ на жизнь до замужества. Жизнь дѣвушки до замужества, благодаря полной свободѣ, представляется болѣе привлекательною, чѣмъ жизнь женщины, находящейся подъ постояннымъ контролемъ мужа. Замужняя женщина всецѣло поглощается интересами семьи и уже лишается возможности принимать участіе въ прежнихъ развлеченіяхъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что вотяцкія дѣвушки послѣ «берен пуксёна» совершенно отрѣшаются отъ прежней свободной жизни и становятся вѣрными женами и хорошими хозяйками. «Берен пуксён» является какъ бы переходною стадіею къ семейной жизни, такъ какъ молодушка, будучи уже женою, пользуется правами дѣвушки и наравнѣ съ ними принимаетъ участіе въ развлеченіяхъ молодежи.

V.

Послѣдняя свадебная пирушка, какъ сказано было уже выше, есть „*сюан*“ (свадьба[1]); она бываетъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ всѣ предъидущія и считается

[1]) Слово это вотяки переводятъ обыкновенно—свадьба, но едва-ли можно считать переводъ этотъ правильнымъ; есть основаніе предполагать, что оно происходитъ отъ татарскаго глагола, означ. радоваться, веселиться. (См. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ *Л. Будаговъ*. Вып. I, С. П. Б. 1868 г., стр. 652).



поэтому Вотяками главною. Пирушка эта происходитъ въ домѣ родителей молодушки.

За недѣлю или за двѣ до масляницы родители молодого ѣздятъ къ свату для переговоровъ относительно „сюана". Такъ какъ при этомъ значительное матеріальное участіе должны принять родственники и сосѣди молодушки, то испрашивается и ихъ согласіе на это. Родители молодого также принимаютъ на себя значительную часть расходовъ: на ихъ обязанности лежитъ покупка нѣсколькихъ ведеръ вина, поэтому они даютъ свату на пирушку руб. 15—20. Кромѣ вина къ „сюану" приготовляется еще ведеръ 15 кумышки. Такіе расходы, конечно, возможны только для болѣе или менѣе зажиточной семьи, поэтому у бѣдныхъ Вотяковъ „сюана" не бываетъ.

Всѣ гости со стороны молодого отправляются одновременно, поэтому въ назначенный день они собираются предварительно въ его домѣ. Предъ отъѣздомъ хозяинъ угощаетъ гостей водкою, кумышкою, пивомъ и проч. Лошадей своихъ поѣзжане украшаютъ разноцвѣтными ленточками, обвѣшиваютъ всевозможными бубенчиками и колокольчиками и вообще во время поѣздки стараются по возможности произвести больше шуму.

Во главѣ поѣзда идетъ съ какою-нибудь дѣвушкою „быдзым казак" (большой казакъ), исполняющій роль дружки. Если не считать кисточекъ изъ разноцвѣтной шерсти, пришиваемыхъ къ шляпѣ и къ одеждѣ дружки, костюмъ его не отличается ничѣмъ отъ костюма другихъ поѣзжанъ. Далѣе ѣдутъ остальные поѣзжане, которые занимаютъ мѣста по своему усмотрѣнію, такъ какъ опредѣленнаго порядка для нихъ не существуетъ; между ними ѣдеть «покчи казак» (небольшой казакъ) съ музыкантомъ-скрипачемъ (кубызчи) или же—гармонистомъ (мызканчи). Въ концѣ поѣзда ѣдутъ родители молодого съ маленькимъ сыномъ или съ мальчикомъ, взятымъ у родственниковъ; они везутъ съ собою въ подарокъ свату боченокъ кумышки ведра въ 3, ярового хлѣба и порядочное количество вареннаго мяса.

Поѣзжане съ гиканьемъ и пѣньемъ, звеня и гремя колокольчиками и бубенчиками, выѣзжаютъ со двора; съ та-

кимъ же шумомъ они ѣдутъ въ продолженіе всей дороги, останавливаясь иногда для того, чтобы выпить по стаканчику — другому кумышки. Достигнувъ цѣли своего путешествія, они заѣзжаютъ первоначально не къ свату, а къ «ажь ветлись». Здѣсь поѣзжане, не выпрягая лошадей, пируютъ часа 2—3. Въ это время приходитъ сюда сватъ съ пивомъ и, потчуя гостей, приглашаетъ ихъ къ себѣ. Послѣ его ухода поѣзжане ѣдутъ къ нему. Пріѣхавъ на дворъ къ свату, гости распрягаютъ своихъ лошадей и прячутъ сбрую въ амбаръ, который хозяева запираютъ, чтобы кто-нибудь изъ гостей не могъ уѣхать до окончанія пирушки. Гостей сначала не пускаютъ въ домъ, поэтому они разводятъ на дворѣ костеръ и по возможности больше, чтобы заставить хозяина впустить ихъ скорѣе; матеріалъ для костра поѣзжане собираютъ на дворѣ и иногда, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ долго заставляютъ быть на дворѣ, сжигаютъ даже вещи, необходимыя въ хозяйствѣ. Наконецъ, выходитъ сватъ и приглашаетъ ихъ войти. Вошедши въ домъ, гости не должны итти дальше матицы, поэтому они останавливаются и ждутъ разрѣшенія присоединиться къ гостямъ свата. Тѣ въ это время попиваютъ кумышку и посмѣиваются надъ вновь прибывшими, которымъ приходится пока только поглядывать на нихъ. Немного погодя, имъ подносятъ по большому стакану водки и пива, начиная съ главнаго дружки и кончая младшимъ; выпившій идетъ въ переднюю половину избы и присоединяется къ прочимъ гостямъ, мужчины къ мужчинамъ, женщины къ женщинамъ. Родители молодого по обыкновенію занимаютъ мѣсто въ переднемъ углу, куда вилькэнъ кладетъ для нихъ подушку.

Гости пируютъ и, когда поспѣетъ каша, всѣ встаютъ на молитву, въ которой благодарятъ Бога за благополучный пріѣздъ гостей и просятъ помощи для благополучнаго возвращенія ихъ домой. Черезъ нѣсколько времени всѣ гости снова встаютъ и начинаютъ пѣть «сюан сямен, пыд лёгыса» (т. е. по свадебному, притопывая ногами). Первая пѣсня поется по выбору «ажь ветлись» и поэтому всегда запѣвается ею. Вначалѣ поютъ обыкновенно слѣдующую пѣсню:

Кыржя-но, кыржя шуеськоды,	Пой да пой—вы говорите,
Бам вожьдаськемэз уд тодыськэ ама?	Стыдъ лица развѣ не знаете?
Чын-чынласа куськомыкэ,	Если правильно начнемъ,
Уно устолись ум килемэ.	Отъ мастеровъ на много не отстанемъ.

Послѣ каждаго стиха всѣ поющіе притопываютъ въ тактъ ногами, приговаривая: «ай-гай, ай-гай!»... Молодушки среди гостей въ это время не бываетъ, — она еще въ началѣ пирушки уходитъ къ кому-нибудь изъ сосѣдей; поэтому гости, спрашивая про нея, поютъ:

Кытын мидам милям сяськамы?	Гдѣ же нашъ цвѣтокъ?
Ай-гай, ай-гай!..	Ай-гай, ай-гай!..
Сяська лэсяна шулдыръ овол!..	Безъ цвѣтка не весело!..
Ай-гай, ай-гай!..	Ай-гай, ай-гай!..

Послѣ этого быдзымъ казакъ, покчи казакъ и одна женщина, взявъ съ собою хлѣба и масла, идутъ съ пѣснями за молодушкой. Пришедши къ сосѣду, они поютъ:

Милям сяськамы татын-а?	Цвѣтокъ нашъ здѣсь-ли?
Ай-гай, ай-гай!..	Ай-гай, ай-гай!..
Сяська лэсяна шулдыр овол!	Безъ цвѣтка не весело!
Айгай, айгай!..	Айгай, айгай!..

Затѣмъ женщина даетъ вилькэнъ кусокъ хлѣба, намазанный масломъ, а быдзымъ казакъ даетъ ей какую-нибудь монету, послѣ чего она идетъ съ ними.

Пришедши домой, молодушка угощаетъ гостей пивомъ, начиная съ свекра, и предъ каждымъ стаетъ на колѣни. Съ приходомъ молодушки веселье увеличивается и начинается пляска; первымъ пляшетъ обыкновенно мужъ «ажь ветлись», затѣмъ она сама, «быдзымъ казакъ» и другіе по желанію. По окончаніи пирушки родители молодого остаются ночевать у свата, а поѣзжане уходятъ къ его родственникамъ и сосѣдямъ, которые приглашаютъ ихъ къ себѣ. Лошади же ихъ остаются запертыми у родителей молодушки.

На другой день рано утромъ молодушка, взявъ съ собою пива, идетъ по домамъ, въ которыхъ ночевали гости, и, угощая ихъ пивомъ, приглашаетъ къ себѣ. Дома она угощаетъ пивомъ и свекра, при чемъ стаетъ предъ ними на колѣни.

Къ полудню гости собираются къ свату и, попировавъ немного, всѣ отправляются пировать къ сосѣдямъ, ходя изъ дома въ домъ; къ вечеру же, обошедши всѣхъ, снова идутъ къ свату. Здѣсь молодушка съ женою брата (кэнак) или съ другою родственницею раздаетъ гостямъ подарки, состоящіе изъ различныхъ принадлежностей платья; дружкамъ же даритъ по небольшому полотенцу.

Вторую ночь, какъ .и первую, поѣзжане ночуютъ у родственниковъ и сосѣдей свата.

Третій день также весь проходитъ въ пирушкѣ и въ ходьбѣ по гостямъ, но ночуютъ уже всѣ въ домѣ свата. Но въ продолженіе этой ночи гостямъ приходится спать очень мало: вся ночь проходитъ въ различныхъ шуткахъ другъ надъ другомъ, такъ, напр., спящихъ пришиваютъ къ постели, къ подушкѣ, связываютъ ногу одного съ ногой другого и проч. и смѣются надъ ними. Утромъ опять ходятъ изъ дома въ домъ и пируютъ, въ полдень же собираются къ свату, обѣдаютъ у него и продолжаютъ пировать.

Такъ въ безпрерывной пирушкѣ проходятъ всѣ дни сюана. Благодаря продолжительному употребленію спиртныхъ напитковъ, нѣкоторые гости до того одурманиваются, что перестаютъ сознавать окружающее и ходятъ все время съ безсмысленными лицами.

Пирушка «сюана» заканчивается обрядомъ, носящимъ названіе *«выж улэ пырон»* (входъ въ подполье). Этотъ „выж улэ пырон" заключается въ слѣдующемъ: всѣ гости съ чашками въ рукахъ идутъ въ подполье (выж улэ) или, за неимѣніемъ его, въ заднюю избу, гдѣ хранятся запасы кумышки и вина, и здѣсь выпиваютъ все. По выходѣ изъ подполья поѣзжане борются съ гостями свата, и побѣдители смѣются надъ побѣжденными.

Затѣмъ гости входятъ въ избу, гдѣ ихъ угощаютъ кашею; покушавши каши, они всѣ встаютъ на нары и стоятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока имъ не подадутъ по чашкѣ кумышки и по стакану вина. Этимъ пирушка заканчивается, и поѣзжане идутъ на дворъ, запрягаютъ лошадей и садятся въ сани. Здѣсь на прощаніе ихъ еще угощаютъ кумышкой. Въ это время «покчи казакъ» выноситъ подушку и сундукъ съ на-

рядами «вилькэнъ», кладетъ въ сани и вмѣстѣ съ собою садитъ молодушку. Тутъ еще на прощаніе выпивается порядочное количество кумышки, и наконецъ поѣзжане съ пѣньемъ и гиканьемъ выѣзжаютъ со двора.

Отъѣхавъ немного отъ воротъ, поѣздъ останавливается и дружка (быдзымъ казакъ) проводитъ позади поѣзда по землѣ, или по снѣгу, черту ножомъ, какъ бы окончательно отрѣзывая молодушку отъ родной семьи.

Пріѣхавъ въ домъ молодого, поѣзжане пируютъ еще нѣкоторое время здѣсь, а молодежь, описаннымъ уже выше способомъ, укладываетъ молодыхъ спать въ кэнасъ.

Этимъ заканчиваются свадебные обряды, и жизнь молодыхъ входитъ въ обычную колею.

Въ заключеніе считаю необходимымъ упомянуть еще о слѣдующемъ странномъ обычаѣ: молодушка первое время послѣ сюана не должна говорить съ свекромъ и старшимъ братомъ своего мужа. Она получаетъ право на это только послѣ небольшой пирушки, на которую приглашаются ближніе родственники и сосѣди. При нихъ молодушка даритъ свекру и деверю по рубашкѣ и при этомъ говоритъ: «мэ атайзы» (на, отецъ), «мэ агайзы (на, братъ). Получившіе подарокъ даютъ ей за это по одной или по двѣ серебряныя монеты.

С. Багинъ.

Казань.
3 ноября 1895 года.

СМѢСЬ.

Экскурсы въ область народной пѣсни.

II [1]).

Коротенькія пѣсни, или «припѣвки».

Коротенькія пѣсни, или „припѣвки", въ настоящее время представляютъ изъ себя одну изъ наиболѣе распространенныхъ формъ русской народной пѣсни. Въ сущности коротенькія пѣсенки суть ничто иное, какъ лирическія пѣсни, имѣющія въ себѣ обыкновенно не болѣе шести-восьми стиховъ. Чаще же всего коротенькія пѣсни, или припѣвки, заключаютъ въ себѣ не болѣе четырехъ стиховъ.

Такая форма народной пѣсни особенно распространена въ губерніяхъ великорусскихъ, хотя она встрѣчается точно также и въ губерніяхъ малорусскихъ, а равно и среди бѣлоруссовъ (Жив. Стар. 1894 г. в. I, 83. в. II и др.)

Такія пѣсни извѣстны въ народѣ подъ названіемъ «коротенькихъ», «припѣвокъ», «вертушекъ», «набирушекъ», «частушекъ» и т. п.

Хотя эта форма народной пѣсни и принадлежитъ въ настоящее время къ наиболѣе распространеннымъ формамъ народнаго творчества, тѣмъ не менѣе изслѣдователи народной жизни до сихъ поръ какъ-то мало затрогивали эту форму народной поэзіи въ своихъ изслѣдованіяхъ [2]).

Собиратели этнографическихъ матеріаловъ, обращая особенное вниманіе на записываніе пѣсенъ эпическихъ, былинъ, причетовъ и старинныхъ «протяжныхъ» лирическихъ пѣсенъ, совершенно игнорировали «припѣвки», а если и записывали

---

[1]) См. Этн. Обозр., XXIX—XXX.

[2]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" была статья, посвященная подобнымъ пѣснямъ—„частушкамъ". Въ „Нижегородскихъ Губ. Вѣд." 1895 г. о нихъ писалъ *Н. И. Ахутинъ*. Существуетъ также статья *Н. А. Смирнова*: „Русскія нар. пѣсни новѣйшаго времени" (отдѣльно, Спб. 1895 г., 8⁰, 26 стр.) .*Ред.*

ихъ иногда, то только для курьеза, для того, чтобы «доказать» ими яко-бы паденіе русской народной пѣсни. Неудивительно, что въ нашей литературѣ понемногу установился тотъ взглядъ, что всѣ «припѣвки» представляютъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ безсмысленный риѳмованный наборъ словъ, что эти миніатюрныя пѣсенки стоятъ ниже всякой критики въ художественномъ отношеніи, что онѣ не могутъ имѣть никакого значенія не только для историка народной литературы, но даже и для изслѣдователя-этнографа.

Взглядъ крайне неосновательный... Даже поверхностное знакомство съ народными припѣвками обнаруживаетъ несостоятельность такого мнѣнія. Наряду съ припѣвками, лишенными почти всякаго смысла, встрѣчается множество припѣвокъ, въ высшей степени вѣрно характеризующихъ народную жизнь, служащихъ мѣткимъ изображеніемъ этой жизни, вполнѣ художественныхъ по своему содержанію и формѣ, а потому и заслуживающихъ вполнѣ вниманія историка народной литературы. Что же касается до этнографа, то для него припѣвки заслуживаютъ уже вниманія хотя бы со стороны своей распространенности, какъ явленіе, широко охватившее различныя мѣстности Россіи.

Что можетъ быть, повидимому, безсмысленнѣе такой припѣвки:

Заболѣла голова
Съ великаго посту,
Полюбилъ дѣвченку я
(Вар.: полюбила милаго)
Небольшого росту.

А между тѣмъ она встрѣчается во многихъ губерніяхъ центральной Россіи; она записана нами въ Ярославской губерніи, встрѣчается даже и въ Олонецкой губерніи («Рекрутчина», Жив. Стар. Вып. II 1894 г. стр. 215).

Что можетъ быть такъ сказать ординарнѣе такой шутливой пѣсенки:

Купайла Ивана,
Сучка въ борщъ упала.
Хлопцы вытягалы,
Зубы поламалы,
Дивчата граблямы,
А хлопцы зубамы.
(Труды Кіев. Дух. Акад. 1871 г., т. 1, стр. 544).

А между тѣмъ она встрѣчается во многихъ мѣстахъ юго-западной Россіи («Жив. Стар.» Вып. 1. 1894 г. стр. 89. Чубинскій, т. III, стр. 201), и въ основѣ своей имѣетъ повидимому, миѳическую, стихійную подкладку.

Сколько встрѣчается у насъ дѣтскихъ припѣвокъ, представляющихъ осколки самой сѣдой старины, заставляющихъ иногда задуматься надъ ними историка и этнографа.

Нечего говорить уже о томъ, что въ припѣвкахъ съ особенною рельефностію изображается внѣшняя обстановка

деревенской народной жизни, въ протяжныхъ лирическихъ пѣсняхъ отходящая въ большинствѣ случаевъ на заднiй планъ. Очевидно, что и коротенькiя пѣсенки, или припѣвки, заслуживаютъ полнаго вниманiя изслѣдователей нашего русскаго народнаго творчества.

Записывая съ 1888 г. матерiалы народнаго творчества въ Ярославской губернiи, мы имѣли возможность собрать между прочимъ и множество припѣвокъ. Множество такихъ же припѣвокъ, записанныхъ различными собирателями, было помѣщено на страницахъ «Яросл. Губ. Вѣдомостей» въ восьмидесятыхъ годахъ. Значительное количество сырого матерiала, имѣющагося у насъ подъ руками, даетъ намъ возможность въ настоящемъ очеркѣ дать краткую характеристику народныхъ припѣвокъ, по крайней мѣрѣ существующихъ въ Ярославской губернiи.

Припѣвки эти поются чаще всего на деревенскихъ «посидкахъ» или «бесѣдахъ», какъ пѣсни плясовыя, иногда же ихъ поютъ и такъ, въ перемежку съ протяжными пѣснями, и пожалуй еще чаще и больше, нежели протяжныя пѣсни.

Всѣ припѣвки представляютъ изъ себя или обломки старинныхъ пѣсенъ протяжныхъ, или же самостоятельный продуктъ народнаго творчества, очень часто импровизацiю [1]). Въ припѣвкахъ этихъ воспѣвается главнымъ образомъ любовь, красота той или другой дѣвушки, того или другого парня, дѣлаются намеки на интимныя отношенiя молодыхъ людей, свадьбы и т. д. Однимъ словомъ, всѣ злобы дня, интересующiя деревенскую молодежь, выкладываются въ припѣвкахъ, какъ на ладони.

Особую самостоятельную группу припѣвокъ составляютъ припѣвки дѣтскiя и припѣвки свадебныя; останавливаться на нихъ въ настоящемъ очеркѣ мы не будемъ. (О нихъ см. статьи наши въ Этн. Обозр. 1890 г. № 3. Яросл. Губ. Вѣд. 1889 № 61).

По формѣ своей припѣвки представляютъ пѣсенки въ двѣ, три, четыре, пять, шесть и рѣдко болѣе строкъ. Такъ, напримѣръ:

Подкошенная травинушка не может расцвѣсти,
Обезчещенная дѣвушка не можетъ быть вь чести.

—

„Ужъ, ты батюшко медвѣдушко,
Заломай мою коровушку съ рогамъ,
Обвяжи мою головушку слезамъ.
Не бери ко-ты, Иванушко,
За женой приданаго:
Женино приданое.
На времячко на малое.

И т. д. въ этомъ родѣ.

---

[1]) Срв. Яр. Губ. Вѣд. 1891 г. № 71—72.

Всего чаще припѣвки являются стихотвореніями риѳмованными; нериѳмованныя припѣвки встрѣчаются, но уже гораздо рѣже.

Дѣло брось, возжи брось,
Экая досада!
Отступилъ хорошій прочь.

Или:

На моемъ то ли сердечкѣ
Трехпудовый камешекъ...
Гдѣ бы милаго увидѣть,
Трехпудовый камень снять?

Со стороны литературнаго своего достоинства однѣ изъ припѣвокъ представляютъ весьма удачныя стихотвореньица, другія, напротивъ, являются чистѣйшей безсмыслицей, какъ напр.:

Думала, подумала,
Куда платокъ засунула,
Бѣленькой, хорошенькой,
Поношенной, заброшенной.

На основаніи такихъ-то безсмысленныхъ припѣвокъ и укоренился тотъ неосновательный взглядъ на всѣ припѣвки вообще, о которомъ мы говорили выше, взглядъ, по которому припѣвки считаются безсмыслицей, не стоющей вниманія.

Напѣвъ припѣвокъ въ большинствѣ случаевъ однообразный, монотонный, близко подходящій къ речитативу.

Содержаніе припѣвокъ весьма разнообразно; тѣмъ не менѣе предметомъ большинства ихъ является любовь «милаго» къ «милой» и наоборотъ. Въ припѣвкахъ особенно полно характеризуется эта вѣчно старая и вѣчно новая исторія любви со стороны внѣшнихъ своихъ проявленій: въ данномъ случаѣ припѣвки представляютъ изъ себя весьма цѣнный этнографическій матеріалъ.

Ухаживаніе парня за дѣвушкой начинается въ деревнѣ съ того, что парень сидитъ съ дѣвушкой на бесѣдѣ радомъ, поетъ ей пѣсни, танцуетъ съ ней, разговариваетъ и провожаетъ ее съ бесѣды. Такой парень, если дѣвушка симпатизируетъ ему, становится для нея ея «почетникомъ», ея «прихе-хе» [1]).

Сегодня ночь будетъ темна—
Не пойду домой одна,
Возьму провожатаго,—
Парня вожеватаго.

Ухаживаніе парня за дѣвушкой встрѣчаетъ со стороны послѣдней очень часто недовѣріе въ искренности его, слѣдствіемъ чего бываетъ со стороны дѣвушки отказъ парню въ его исканіяхъ.

Съ неба дождичекъ идетъ,
Съ крыши вода льется.
Во глаза милой леститъ,
Отойдетъ—сміется

Или же:

Понапрасну, милый, ходишь,
Сапоги съ калошамъ рвешь,
Сапоги съ калошамъ рвешь,
Меня обманываёшь.

---

1) Молодые люди, симпатизирующіе другъ другу, ухаживающіе другъ за другомъ, въ различныхъ мѣстахъ Яросл. губ. носятъ различныя названія: „почетникъ“—„почетница“, „любезный—любезная“, „милый—милая“, „любитель—любительница“, „сушильникъ“, „прихе-хе“ и т. п.

Чаще же всего обоюдная симпатія молодыхъ людей укрѣпляется настолько, что у нихъ является уже потребность постоянно видѣть другъ друга, постоянно быть другъ съ другомъ, безъ чего и тотъ и другой страдаетъ. Такое душевное состояніе служитъ обычнымъ мотивомъ припѣвокъ.

Не охота чаю пить,
Охота по воду сходить.
Пойду по воду съ ведромъ:
На путѣ любого домъ.

Или:

Какъ бы не было милашки,
Не пошелъ бы въ тотъ конецъ,
Не пошелъ бы въ тотъ конецъ
Ни по коровъ, ни по овецъ.

Слѣдствіемъ вышеупомянутой потребности являются тайныя свиданія влюбленныхъ, поцѣлуи украдкой, и любовныя игры, съ нашей точки зрѣнія, пожалуй, не вполнѣ приличныя, но зато разрѣшаемыя деревенскимъ этикетомъ.

Вышла я на улицу—
Сѣетъ частый дождикъ.
Я хотѣла убѣжать—
Прихехенькя держитъ.

—

Постой, парень, не валяй,
Сарафанъ мой не морай:
Сарафанъ кумашной
Работы домашной.

—

Ты, мой милый, не балуй—
Принародно не цѣлуй;
Поцѣлуй меня на улочкѣ,
Въ дядиномъ заулочкѣ.

—

Всю я утреннюю зорю
Просидѣлъ на толчеѣ:
Я тебя, моя милая,
Поджидалъ къ себѣ.
Что ты, милка, не идешь?
Иль любить меня не хошь?

Въ деревнѣ, какъ и вездѣ, любовь вполнѣ свободное, своенравное чувство, предпочитающее иногда богатому — бѣднаго, красивому—некрасиваго, и т. д.

Всѣ молодчики въ калошахъ,
Мой-отъ милой безъ калошъ;
Ничего, что безъ калошъ—
Онъ на личико пригожъ.
Ничего что пьяница—
Я иду красавица.
Съ неба звѣзды, съ неба градъ,
Никто милому не радъ,
Только я младешенька
Милому радешенька.

Неудивительно, что и нынѣ, какъ и прежде, влюбленнымъ оказывается часто препятствіе со стороны ихъ родителей, въ ихъ взаимной симпатіи.

Ты любитель, любитель, мальчикъ мой!
Ты не вѣдаешь любови никакой!
Какова любовь на свѣтѣ рождена,
Разгорючіимъ слезами улита,
Вечоръ [1]) дѣвушку счували [2]) за тебя.
Ахъ зачѣмъ, зачѣмъ забавный разговоръ?
Долго, долго не видаться намъ съ тобой!
За тебя матка ругаетъ и бранитъ:
Не велитъ гулять на улицу ходить [3]).

---

[1]) Вчера.
[2]) Счувать—бранить, ругать.
[3]) Обрывки или перефразировка общеизвѣстной пѣсни: „Не велятъ Машѣ за рѣченьку ходить“... *Ред.*

Нерѣдко противодѣйствіе родителей встрѣчаетъ со стороны послѣднихъ самый энергичный отпоръ.

Ты, мамаша-золотцо,
Не брани за молодца.
Стану-буду я ходить,
Стану-буду я любить.

Или: Моя милая подтянется ремнемъ,
Не узнаетъ батько съ маткой —уведемъ [1]).

Но не одни родители приносятъ огорченія счастливымъ влюбленнымъ; счастіе ихъ очень часто омрачается разлукой, измѣной одного изъ влюбленныхъ и т. д. Въ мѣстности, гдѣ отхожіе промыслы весьма распространены, обычная вещь и жалоба въ пѣсняхъ милой на разлуку со своимъ милымъ.

Мой-отъ милой на путѣ [2]) на водяной—
Сердце ноетъ, онъ не ходитъ ли къ иной.

Мой-отъ милый шить уходитъ—
Я одна осталася (2—жды),
Въ тоску, горе впалася,
Хлѣба я лишалася.

Нерѣдки жалобы въ припѣвкахъ и на невѣрность милаго, на разлуку съ нимъ, причиною которой является разлучница-змѣя.

Мой-отъ милый женится —
Меня оставитъ сиротой...
Мой-отъ миленькой вѣнчается—
Вся любовь кончается...
Мой-отъ миленькой женился—
Бѣлый свѣтъ перемѣнился.

Или же: Ой обидѣли, обидѣли меня!
Расхорошаго отбили у меня!
Што отбила у меня дѣвушка,
Непорядочна сосѣдушка.

Иногда въ припѣвкахъ описываются размолвки милаго съ милой, размолвки, конечно никогда, не доходящія до серьезнаго, такъ какъ, по пословицѣ, «милые бранятся—только тѣшатся».

Полно, милая, сердиться,
Полно губы надувать!
Я не буду уважать,
Не пойду тебя съ бесѣды провожать.

Или же: Шила милому рубашку—
Не хватило шелку:
Хотѣлъ милой надсмѣяться—
Не хватило толку.

Въ тѣхъ же припѣвкахъ встрѣчаемъ мы и наставленія, просьбы, увѣщанія къ милому:

Прихе-хе, горе мое,
Въ кабакѣ не пей вино,
Отъ того не пей вино,
Што водой разведено,
Со мной разлучено [3]).

---

[1]) Т. е. уведемъ для того, чтобы обвѣнчаться тайкомъ, безъ согласія родителей. Свадьбы „уводомъ“, „самоходкой“, „самокруткой“ въ Яр. губ.—вещь довольно обычная.

[2]) На путѣ вм. на пути—особенность мѣстн. говора (Яр. Губ. Вѣд. 1888 г. № 45. Жив. Ст. 1893 г. в. IV).

[3]) Зелье отворотное, т. е. имѣющее своею цѣлію отворотить парня отъ любимой дѣвушки, точно также какъ и приворотное зелье, по мнѣнію народа, дается обыкновенно въ какомъ-нибудь напиткѣ, чаще всего въ винѣ, водкѣ, пивѣ.

Но всего чаще описывается въ припѣвкахъ красота милаго или милой, ихъ нарядъ и т. д.

Было бы, впрочемъ, несправедливо предполагать, что содержаніе припѣвокъ исчерпывается исключительно только отношеніями милаго къ милой и наоборотъ. Припѣвки положительно откликаются почти на всякую злобу дня. Въ нихъ находимъ мы и раздумье дѣвушки, желающей выйти замужъ:

Нынѣ замужъ бы пошла—
Жениха по мысли нѣту:
Кой-то бѣденъ, кой богатъ,
Которой на осень солдатъ,—

и боязнь дѣвушки, долго прогулявшей вечеромъ, чтобы ее не стали бранить родители ея:

Наши ужинать садятся—сумлѣваются объ насъ,
Сумлѣваются объ насъ—долго ужинать нѣтъ насъ.

Описываются въ припѣвкахъ иногда и вещи уже прямо экстраординарныя, выходящія изъ рамокъ обыденной деревенской жизни.

Въ томъ краю большая драка,
Моего милого бьютъ,
Моего милого бьютъ—
Мнѣ поплакать не даютъ.

Или же: Намъ въ Оганино ходить не рука:
Опрокинулъ девять кринокъ молока [1])...

Не обходятъ припѣвки молчаніемъ и солдатчину, играющую видную роль въ старинныхъ протяжныхъ пѣсняхъ.

Полпняетъ моя прялка—
Я еще позолочу.
Отдадутъ его въ солдаты -
Я объ немъ похлопочу, (2)
Со дорожки ворочу.
—
Девять брякнуло десятый,
За мной старосты бѣгутъ. (2)
Во пріемный кругъ зовутъ.
Во пріемъ-отъ не идемъ,
Съ собой дѣвушекъ ведемъ.
—
Запряги-ко, тятька, сѣраго коня,
Отвези-ко въ городъ Вологду меня.
Городъ Вологда раздольная—
Середь улица пріемная.
—
Ахъ, гулянье, гуляньице мое!
До чего меня гулянье довело!
Отдаютъ меня въ солдаты молодца!
Отдаетъ меня не батюшко—
Міроѣды сельски старосты.

Значительная часть припѣвокъ относится къ категоріи сатирическихъ и юмористическихъ пѣсенокъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущей статьѣ. Къ сообщеннымъ тамъ пѣсенкамъ этого рода прибавимъ здѣсь еще нѣкоторыя. Напр. для полноты изображенія пряхи:

Ужъ ты, прялица—копылица моя,
Скоро выкину на улицу тебя:
Мнѣ не прясти, да не дергати,
За робятамъ только бѣгати.

---

[1]) Конечно, нечаянно, при посѣщеніи деревенской бесѣды, послѣ чего уже и итти на эту бесѣду становится парню совѣстно.

Для характеристики жителей разныхъ мѣстностей:

Не играй, милой, въ простую,
Поиграй въ тальяночку; [1])
Не люби, милъ, волостную,
Полюби Ухтомляночку [2]).
Ухтомлянка съ янтарямъ.
Полюбилъ, не радъ и самъ.

Паденіе родительскаго авторитета надъ дѣтьми, своеволіе послѣднихъ нашли себѣ откликъ точно также въ юмористическихъ припѣвкахъ.

Матка, матка,
Продадимъ ко батька:
Человѣкъ онъ старый,
Пропадетъ онъ даромъ.

Продай, тятенька, коровку,
Купи сѣтку на головку;
Продай, тятенька, ты бѣлаго быка,
А купи мнѣ голубого казака [3]).

—

Тятька, мамка, я не вашъ,
Я не буду жить у васъ!
Пошто рано будите,
На работѣ морите,
Погулять не даете.

—

Пока тятька парился,
Я въ амбаръ отправился,
Тятька голову чесалъ
Я мѣшечки насыпалъ,
(т.-е. съ цѣлію, конечно, украсть).

Такъ какъ по народной пословицѣ «въ семьѣ не безъ урода», то естественно, что въ каждой деревнѣ наряду съ дѣвушками вполнѣ безупречной нравственности встрѣчаются особы довольно легкомысленныя. Такимъ дѣвушкамъ посвящается множество юмористическихъ припѣвокъ.

Мой-отъ миленькій съ усамъ, таки съ усамъ [4]),
Привязалъ меня къ разсаднику косамъ
За сыропные прянички.
Ой сыропнички всѣ!
Доставалося русоей косѣ...

Такова расправа парня со своей вѣтреной милой, получавшей отъ другихъ парней «сыропные» прянички.

Или же:
Какъ на печкѣ на краю
Драли милую мою,
Ее драли въ три кнута:
Не люби ты некрута...
Хоть дерите въ пять кнутовъ,
Не отстать отъ некрутовъ.

А вотъ уже мотивы и вполнѣ легковѣсной дѣвушки, по народному выраженію настоящей «гулёны».

Полюбила фершала—
Свое сердечко тѣшила;
Полюбила Өединьку—
За одну конфетинку....

---

1) Гармонія итальянскаго лада.

2) Ухтома—монастырская вотчина Пош. у. Волостная—жительница волости, противополагается жительницѣ монастырской вотчины.

3) Одежа въ родѣ кофточки.

4) Т.-е. человѣкъ догадливый, смѣтливый. „Я самъ съ усамъ", т. е. я понимаю дѣло не хуже тебя, говоритъ народная поговорка.

Я конфетинки пріѣла—
Наплевать ему хотѣла.
—
Стыдъ головушкѣ моей—
Трое вяжутся за мной.

Всѣхъ троихъ я полюбила,
Всѣмъ троимъ закладъ дала[1]).
Кому перстень, кому платъ,
Ванѣ зергало въ закладъ.

Неудивительно, что по мнѣнію такой «гулены» «чего хочется—николи не грѣхъ», а «цѣловаться въ уста николи нѣтъ поста»; дѣвичество, по ея мнѣнію, «не лужа — достанется и мужу»; «стыдъ не дымъ — глазъ не выѣстъ». Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что такія «гулёны» представляютъ даже и въ настоящее время явленіе въ деревнѣ исключительное, анормальное. Не смотря на постоянныя сѣтованія о паденіи, будто бы, деревенскихъ нравовъ и въ настоящее время цѣломудренность и чистота деревенской дѣвушки считается лучшимъ ея украшеніемъ. Судить же о народной нравственности только по имѣющимся у насъ въ рукахъ народнымъ пѣснямъ было бы по меньшей мѣрѣ поспѣшно. Едва ли есть гдѣ столько циничныхъ, сальныхъ припѣвокъ, какъ у бѣлоруссовъ, но у тѣхъ же бѣлоруссовъ потеря цѣломудрія даже парнемъ считается дѣломъ крайне позорнымъ; у тѣхъ же бѣлоруссовъ соблюдается и до сихъ поръ глубоко знаменательная церемонія «посада» жениха и невѣсты передъ свадьбой.

Кромѣ указанныхъ нами темъ, какія встрѣчаются въ юмористическихъ народныхъ припѣвкахъ, существуетъ, конечно, и много другихъ: указать ихъ всѣ подробно намъ не было бы никакой возможности.

Сдѣлавъ общую характеристику содержанія юмористическихъ припѣвокъ, нельзя обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что среди ихъ почти совсѣмъ не встрѣчается припѣвокъ характера историческаго [2]) или припѣвокъ, затрогивающихъ болѣе или менѣе общественный строй жизни. Причинами такого явленія могутъ быть: обычная отдаленность нашего

---

[1]) Дѣвушка, желающая обвѣнчаться съ любимымъ парнемъ тайкомъ отъ родителей или даже противъ воли ихъ, въ знакъ своего согласія на то, чтобы парень увезъ ее, даетъ ему въ закладъ кольцо, платокъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губ. „свадьбы-самоходки“ или „самокрутки“ въ большомъ ходу; нерѣдко онѣ дѣлаются съ тайнаго согласія родителей жениха и невѣсты, чтобы избѣжать свадебныхъ расходовъ на „столованье“ и т. п.

[2]) Въ предыдущей статьѣ (Этногр. Обозрѣніе, кн. XXIX—XXX) мы привели пѣсенку о Рындѣ, содержащую намеки на исторію. Сюда можно еще присоединить, пожалуй, слѣдующую:

Попъ, попъ, выпусти собакъ:
Баре ѣдутъ, озимь топчутъ.

Или по другому варіанту:

Попъ, попъ, выпусти собакъ
На боярскій дворъ,
На дворянскихъ ребятъ.

крестьянина отъ общественной государственной жизни, его замкнутость въ районѣ своего околотка, его узкій сравнительно кругозоръ и т. д.

Среди юмористическихъ припѣвокъ встрѣчаются очень часто *пародіи* на нѣкоторыя мѣста изъ общераспространенныхъ народныхъ пѣсенъ. Къ несчастію, всѣ имѣющіяся у насъ пародіи припѣвки, относятся по своей формѣ къ циничнымъ, неблагопристойнымъ пѣснямъ, такъ что привести ихъ здѣсь для примѣра мы не считаемъ возможнымъ.

Относительно неблагопристойныхъ пѣсенъ, впрочемъ, должно замѣтить, что въ Ярославской губерніи онѣ не имѣютъ такого широкаго распространенія, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ подъ такія пѣсни совершаются деревенскою молодежью даже игры и танцы [1]). Неблагопристойную пѣсню можно услышать у насъ въ кабакѣ или трактирѣ среди разгулявшихся мужиковъ забулдыгъ или же въ интимномъ кружкѣ парней, любителей такого рода пѣсенъ. На вечеринкахъ, бесѣдахъ, посидѣнкахъ, деревенскихъ гуляньяхъ—однимъ словомъ, тамъ, гдѣ парни „гуляютъ“ съ дѣвушками вмѣстѣ, такой пѣсни почти никогда не услышишь.

Прослѣдивъ содержаніе народныхъ припѣвокъ и охарактеризовавъ его въ общихъ чертахъ, мы должны отказаться, конечно, отъ той предвзятой мысли, что всѣ припѣвки представляютъ изъ себя простой наборъ риѳмованныхъ строкъ, наборъ безъ смысла и складу, что всѣ припѣвки не заслуживаютъ никакого вниманія, какъ неудачная попытка народнаго творчества. Мы уже видѣли, что очень многія изъ припѣвокъ безукоризненны даже и по формѣ; по содержанію же своему эти припѣвки даютъ вѣрную и яркую картину народной жизни, почему онѣ и заслуживаютъ вниманія не только изслѣдователя этнографа, но и историка русской народной литтературы.

Вышеприведенный ошибочный взглядъ на народныя припѣвки произошелъ главнымъ образомъ вслѣдствіе стремленія нѣкоторыхъ этнографовъ записывать *все*, что они слышатъ на деревенскихъ гуляньяхъ и бесѣдахъ, не подвергая свои записи никакой дальнѣйшей провѣркѣ. Отсюда получается масса различныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ часто никакого смысла, и еще чаще не имѣющихъ рѣшительно никакой научной цѣнности. Вещь вполнѣ понятная: и въ нашей книжной литературѣ на одно сочиненіе выдающееся, достойное прочтенія, прихо-

---

1) См. Замѣтки по бѣлорусской этнографіи *М. Довнаръ-Запольскаго.* „Живая Старина“, 1894 г. I в., 1893 г. II в.



дится десятка два, три произведеній, которыхъ не стоитъ и читать. И въ нашей книжной литературѣ, наравнѣ съ изданіями сочиненій безупречными, встрѣчаются изданія этихъ же самыхъ сочиненій никуда негодныя, наполненныя множествомъ опечатокъ, пропусковъ, ошибокъ и т. д. Тѣмъ болѣе такое явленіе возможно въ литературѣ народной, гдѣ пѣсня является часто импровизацей, гдѣ хранителемъ народныхъ пѣсенъ является исключительно одна только слабая человѣческая память. Всякій болѣе или менѣе знакомый съ жизнію деревни знаетъ, что далеко не всѣ дѣвушки и парни обладаютъ большимъ запасомъ хорошо извѣстныхъ имъ народныхъ пѣсенъ: на деревню приходится одна, много двѣ хорошо одаренныхъ дѣвушекъ, обладающихъ богатымъ, хорошо извѣстнымъ имъ пѣсеннымъ матеріаломъ. Большинство же поетъ пѣсни какъ придется, какъ подскажетъ имъ память и сметка, съ пропусками, смѣшивая и переиначивая слова пѣсни. Попадетъ этнографъ собиратель на одну изъ первыхъ дѣвушекъ — въ результатѣ у него получится запись полной народной пѣсни, обладающей смысломъ, а очень часто и извѣстнымъ литературнымъ достоинствомъ; встрѣтится онъ съ пересказчицею второго сорта—у него получается въ записи безсмысленный наборъ словъ. Очевидно, что при записываніи пѣсенъ необходимо по возможности сравнивать различные варіанты одной и той же пѣсни, распространенной въ одной и той же мѣстности, подвергать записанныя пѣсни тщательной провѣркѣ.

Какимъ образомъ появляются иногда въ народѣ пѣсни, лишенныя всякаго смысла, можетъ показать слѣдующій фактъ. Въ настоящее время въ деревнѣ повсемѣстно распространены кадриль, лянсье и такъ называемые „коротенькіе танцы", представляющіе изъ себя видоизмѣненіе нѣкоторыхъ фигуръ кадрили. Танцы эти танцуются чаще всего подъ пѣсни съ аккомпанементомъ гармоники. Въ томъ случаѣ, если танцующихъ паръ не много, одна фигура танца быстро смѣняется другою, причемъ, не успѣвъ спѣть нѣсколько строфъ одной пѣсни, обыкновенно начинаютъ пѣть новую пѣсню и т. д. И вотъ въ результатѣ является пѣсня, представляющая попури изъ нѣскольких пѣсенъ, соединенныхъ безъ всякаго смысла вмѣстѣ. Существованіе такой пѣсни крайне не долговѣчно и записывать ее едва ли представляетъ какой интересъ. Огуломъ же отрицать достоинства народныхъ пѣсенъ на томъ только основаніи, что среди нихъ встрѣчаются безсмыслицы, было бы крайне ошибочно. Все сказанное нами сейчасъ о народныхъ пѣсняхъ и ихъ записяхъ вообще, всецѣло относится и къ интересующимъ насъ припѣвкамъ.

Что же такое представляютъ изъ себя эти припѣвки? представляютъ ли онѣ новую форму народнаго творчества, или же эта форма была извѣстна и въ старину? представляютъ ли припѣвки продуктъ распаденія старинныхъ, протяжныхъ пѣсенъ, или же на самомъ дѣлѣ это самостоятельный продуктъ народнаго творчества?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что припѣвки или коротенькія пѣсни въ нѣсколько строфъ, были извѣстны и въ старину. Доказательствомъ этого можетъ служить, какъ мы уже сказали, нашъ старинный свадебный ритуалъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ припѣвки свату, свахѣ, дружкѣ, поѣзжанамъ и т. д. въ видѣ шуточныхъ импровизацій, какъ напр:

Ахъ ты самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Уши ножницами;
У тя шея бѣла—
Будто въ петлѣ была;
У тя рожа пестра—
Будто оспа трясла.
(Свѣточъ 1861 г. № 2).

Или:

Какъ на сватѣ-то штаны—
Послѣ дѣда сатаны,
Какъ на сватѣ-то шапченка—
Послѣ дядюшки чертенка .. (ib).

Что же касается до второго вопроса, то, какъ мы сказали выше, можно вполнѣ утвердительно сказать что однѣ изъ припѣвокъ — продуктъ распаденія старинныхъ протяжныхъ пѣсенъ, обломки этихъ пѣсенъ, другія же, напротивъ, представляютъ изъ себя самостоятельный продуктъ народнаго творчества [1]).

А. Баловъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ [2]).

1. *«Сбирушки» изъ Череповецкаго уѣзда Новгородской губерніи.*

Ужъ ты, миленькой, форси, хошъ не форси,
Брюки выпустишь, блиновъ не поѣсн.
—
Нѣту, нѣту присталету,
Нецѣмъ утоцькю убить;
У милово завтро празникъ—
Нѣтъ мяска въ горшкѣ сварить.
—
На окошкѣ свицькя таѣтъ,
Во́ полѣ собацькя лаѣтъ.
Бѣлолапая, не лай,
Придётъ завтро Николай.
—

---

1) См. объ этомъ статью нашу въ Яр. Губ. Вѣд. 1891 г. №№ 71—72.

2) Печатаемые ниже тексты изъ Новгородской и Владимірской губерній подтвердятъ наблюденія автора предыдущей статьи, а можетъ быть возбудятъ и новые вопросы. Череповскія „сбирушки", помимо содержанія, могутъ представить интересъ филологическій, благодаря точности записи, которая нами лично провѣрена. *Ред.*

Поду на руцей на текуцей,
Гдѣ протошная вода,
Не поитъ ли мой зазнобушка
Вороново коня.

—

Въ томъ краю у родницька
Собацёнка злаяла;
Лиходѣйка дѣушка
(Да) всѣмъ миня нахаяла.

—

Какъ подъ нашею гацелью
Только глина да песокъ;
Пропадай моё колецько,
Носовой бѣлой платокъ.

—

Не поду по этой лисёнкѣ
По новой, по цястой;
Недавно узнала милово—
На басёнкафъ пустой.

—

Поносила бы я дѣушка
Широково ремня.
Да напугана у милово:
Боюся, какъ огня.

—

Не играй, игрушка [1]), бéзъ толку;
Не люби Параньсю пѣстунью.

—

Въ полѣ кустышки подсохлые;
Для тебя хожу, для здохлые.

—

Въ полѣ кустышки не рѣдкіе;
Отбиваютъ, такъ не бѣдко [2]) ли?
Отбиваютъ—не отбить, не отбить;
Захоцю, такъ ни за што не перебить.

—

Ужъ ты, милая моя,
Меня приворожила;
Дорожки не было сюда—
Дорожку проложила.

—

Съѣду въ городъ, не забрѣютъ ни за што,
Тебѣ милка плакать нè по што.

—

Надоѣла въ дѣвкахъ воля—
Поду замужъ терпѣть горя,
Передамси, бабы, вамъ
Ко горюціимъ слёзамъ

—

Много утоцёкъ, гусей
У бережка на волѣ.
У милово много горя,
У миня поболѣ.

—

Не одна подсушона
Въ полѣ вересиноцькя;
Не одна покинута
На свитѣ сиротиноцькя.

—

Какъ у нашово двора
Подворотня кривитцы,
Полно, миленькой, тіѣ
На миня надіятцы.

—

Какъ за нашимъ за дворомъ
Узенькая глобоцькя [3]),
Всѣ дѣвцёнки кой-какіе,
А моя, какъ бобоцькя [4]).

—

Брови цёрные, глаза—смородина,—
Это, дѣушки, моя зазнобина.

—

Двѣ березки расцьвѣли,
Третья раскудрявилась,
Я сама сіѣ дивлюсь,
Какая дрянь понравилась [5]).

—

Не брани, мамашенькя,
Я не виновата:
Не велика, да ловка—
Вяжутцы робята.

—

Миня мамонька за Сашенькю
Пытала проберать.
Не брани, мамашенькя,—
Хорошой парень Сашенькя.

—

Не брани, мама, миня,
Иду съ бисѣдушки одна:
Провожатой милой мой
Ушелъ ранёшенько домой.

—

Не большая, да пригожая—
Сухоты дѣвка наложила.

—

Въ томъ краю у родницька
Злаяла собацькя;
Потому миня не любятъ,
Што я не богацькя.

—

---

1) Гармонія.
2) Бѣдко—обидно.
3) Глóбка, глóбочка—тропка, тропочка.
4) Бòбки, бòбоцьки—дѣтскія игрушки, куклы.
5) Срав. также „замрàвушка"—милая, иначе „прихехѐнька.

Сидитъ воронъ на березѣ,
А кукушка на елѣ.
Коля молитцы Миколѣ
На цюжой на сторонѣ.

—

Сидитъ воронъ на березѣ,
Соловейко на кусту;
Съ прихехенецькой розсталась,
Слава Богу и Христу.

—

Накрутило, намело
Снѣгу голубово;
До севдгудново[1]) году
Не было любово.

—

Минѣ сѣноци приснилась[2])
Голова коровья:
Придётъ милой изъ салдатъ
По слабостѣ здоровья.

—

Я скажу тіѣ отъ серця, отъ души:
Не подходи, коли другіе хороши.

—

Подъ ребиною стояла—
Ребинушка гнётцы;
Раньше миленькой сміялсы,
Ныньце не придётцы.

—

Купи, миленькой, гостиньцёфъ
Мнѣ орѣшокъ меледы;
Не люба, такъ не садися,
Времецько не меледи.

—

Я гуляла подъ берёзкамъ во лужкафъ—
Не остатній ли годокъ во дѣушкафъ?

—

Въ рицькѣ тоненькой лёдокъ,
Водиця непротéцьная;
Неужели съ миленькимъ
Розлука вѣковицьная?

—

Каёмки вышиты, серёдка во кумаць;
Милой заноситцы, куды какой богаць!

—

Кромки вышиты, серёдка бѣлая,
Я осталася сиротка бѣдная.

—

Неужели ты повянёшь,
Траушка шолковая?
Неужели замужъ выдёшь,
Дура безтолковая?

—

Неужели не сольётцы,
Съ горъ не скатитцы вода?
Неужели насміётцы,
Не возьмётъ замужъ миня?

—

Попросила рѣшето,
Подали лукошко.
Силой милой цѣловалъ
Съ улицы въ окошко.

—

Ужъ ты, риценькя, рѣка,
Утопила парнёка,
Парнёка Олёшку
Топила помалёшку.

—

Вы спросите, я скажу,
За рѣку зацѣмъ хожу:
Тамъ тальянки[3]) новые,
Робята цёрнобровые.

—

Ой тальяноцька не дура
Это дѣло знаётъ — да!
У милóво на рукафъ
Вéсёло играётъ — да!

—

Пецькя топитцы галаноцькя,
Варитцы кофіёкъ.
Ты не смійси надъ дѣвцёноцькой.
Лукавый паренёкъ.

—

У миня много имѣнья,
Полна горниця каменья.
А другая кирпицю —
Съ богатымъ знатцы не хоцю.

—

Сядь-ко, миленькой, рядоцькомъ,
Погляди-тко на миня:
Говорятъ, што похудѣла,—
Это всё изъ-за тія.

—

Ой, дѣушки, тошно, тошно,
Отъ милово письмо пришло,
Роспецятаю пецять,
(Да) со слёзамъ буду цитать.

—

Моя милка не высока, не мала,
Самоваръ поставила, не налила,
И тово дура не смыслила,
Самовара не поцистила.

—

Въ нашой рицькѣ нѣтъ каменья,

---

1) „Севдгуди"—въ этомъ году; „лони, лонись"—въ прошломъ году; „до лóньсково" (въ смыслѣ нарѣчія)—въ третьемъ году.
2) Или: Мнѣ приснилася ноцёсь.
3) Тальянка, тальяночка—гармонія.

Только жолтые пески;
На моёмъ-то на сердецькѣ
Много горя и тоски.

—

Мы съ подружкой мирно жили:
Одново обѣ любили,
Славы не боялися,
За однимъ гонялися.

—

Мы съ подружкой мирно жили,
Сарафаны модны шили,
Казаки со складкамъ,—
Осталися солдаткамъ.

—

Всю я траушку стоптала,
Всѣ крутые бережка,
Ужъ я той травы искала,
Штобы высушить дружка.

—

Словно солнышко изъ глазъ
Милой укатилсы,
Не на вѣки ли со мной
Въ Успеньевъ день простилсы?

—

Я ходила ǒсенью,
Дивилася надъ озимью:
Эка озимь, эка рожь!
До цеǒ милой хорошъ!

—

Пѣсни пой, пока поётцы,
Выдёшь замужъ, не придётцы.
Будётъ горе да бѣда,
Забудёшь всѣ припѣвы. Да!

—

Ой, милашка, дай гумажки,
Скоро писарь буду я:
Напишу такіе глазки,
Какъ, милашка, у тія.

—

Неужсли это сбудётцы,
(Да) отъ миня милой отступитцы?
Неужели это время подойдётъ,
Што милой женитцы, съ женой мимо подётъ.

—

Слышу, цюю колокǒльцё[1]), цюю звонъ,
Милой женитцы,—бѣжать за нимъ вдогонъ!

—

Мамонькя родимая,
Свѣтъ пореминилсы:
Изъ деревни вись (= вѣсть) пришла,
Што миленькой женилсы.

—

Говорила мамкѣ въ самые уста:
Пріѣдутъ свататцы, отдай ради Христа!
Не отдаси, такъ, мамка, скáёшьси —
Со мной нà лѣто намаёшьси:
Не поду я не жать, не косить,
Не поду изутра рано молотить.
Захоцю, такъ молоцю и вороцю,
Не хоцю, такъ изъ овина укацю.
Молотила, ворохъ віяла,
Изъ овина дружка видѣла;
Я завидѣла однимъ глазкомъ
Непорядки за милымъ дружкомъ,
Непорядки, непорядоцьки,
За милымъ дружкомъ доглядоцьки.

—

Поносила бы платка съ кружкомъ,
Посидѣла вецёрǒкъ съ дружкомъ.
Поносила голубово, алово,
Полюбила парнёка удалово.
Посидѣла либо вéцёръ, либо два,
Не могла худово вывѣдать ума.

—

Вересǒвый кустикъ тоненькой —
Паренёкъ Пéша молоденькой.
Пеша въ гору подымаетцы,
Объ сударушкѣ сумлёваетцы:
Дома, дома ли сударушка моя,
Не ушла ли на бисѣдушку куда?

—

Я сидѣла подъ окошкомъ,
Ѣла кашу съ молокомъ,
Розсердилась на милово —
Хвать по кашѣ кулакомъ.

—

Мой-отъ миленькой во щи въ горшокъ попалъ,
Изъ-подъ вǒлоха[2]) выглядываётъ,
Миня дѣвицю выманиваётъ.

—

Всѣ робятушки не пьяные идутъ,
Моево милово подъ руки ведутъ.

—

На рябинкѣ на вершинкѣ вѣтоцьки распукались,
Какъ Зацюроськи[3]) робята въ конопłѣ запутались.

—

[1]) Иначе: *колокольцикъ*; не уменьшит. форма — *колоколó* ср. р.
[2]) Вǒлохъ, волошǒкъ—покрышка отъ горшка.
[3]) Зачурово—деревня А'ндогской волости

Милой розвальни купилъ,
Мамонькя усѣласи;
Тятька мамку прокатилъ,
(Такъ) со смѣху надсѣласи.
—
Я сидѣла на анбарѣ,
Ѣхалъ миленькой на парѣ.
—Миленькой, куда ты?
—Охъ, милая, въ солдаты.
—
Отморозилъ Ванькя пятки,
Всё на пальцикафъ ходилъ;
Закололо подъ лопатки,
Знать поповну полюбилъ.
—
За овиномъ въ нашомъ полюшкѣ
Снѣжки да ледешки;
Понимаемъ, мы не дуроцьки,
Што вы не женишки.
Или:
Наша рицька не глубока,
Да крутые бережки;
Понимаемъ и т. д.
—
Ой топай, нога,
Не жалѣй сапога!
Сапоги у мня худые,
Ишшо хуже дома ѐсь.
—
Пожалѣла сапога:
Сапоги-то рвутцы.
Прахъ съ нимъ съ сапогамъ —
Новые сошьютцы.
—
Самъ играю, самъ пляшу,
Сапоги съ дырамъ ношу;
Сапоги опорки,
Сарафанъ съ наборкой (оборкой).
Сапоги со скобамъ [1]),
Посулила, да не дамъ.
—
У мня мама золотая,
Никовды не забранитъ;
Приведу милово на домъ,
Ишшо цяёмъ напоитъ.
—
Ставь-ко, мамка, самоваръ,
Бѣленкіе цяшки,
Буду потцевать дружка
Въ голубой рубашкѣ.
Скажу: сяди, милый, пей,
Голубые не облей;
Голубая выгоритъ,
(Такъ) всё сердецько выболитъ!
—
Моя мама золотая,
Тятенька серебряной,
Отпустите погулять,
Севодня день не вѐдряной.
—
За работу батько билъ, колотилъ,
За гуле́нье кофту драпову купилъ.
—
Тятькя, мамка, я не вашъ,
Я не стану жить у васъ!
На работѣ морите́,
Рѣдко цяёмъ поите̇ (2),
Минѣ гулять не дате̇.
—
Колько брату не работай,
Не нажить у брата домъ;
Только силушку уложишь,
Покатишь изъ до́му вонъ.
—
Не поду я въ поле жать,
Тамо рожь зелёная:
Поду въ Цяромськое [2]) замужъ,—
Сторона весёлая.
—
Жито здрѣло, жать поспѣло,
Не поду я жито жать;
Не поду я жито жать,
Поду мило́во провожать.
—
Провожала дружка милово
Вплоть до города Кирилова,
До Канавы Бѣлозерськіе [3]),
(Да) хороши робята сельськіе.
—
Мой-отъ миленькой на гонкафъ, на лѣсу,
Напеку рогушокъ [4]) болѣ, понесу.
—
У мило́во у крыльця утоптана земелькя,

---

[1]) Разумѣются мѣдные накаблучники, т. е. полоски желтой мѣди, облегавшія каблукъ съ наружной стороны; эти скобы были въ модѣ лѣтъ 15 назадъ у мужчинъ и у женщинъ. Съ того-же приблизительно времени стали особенно входить здѣсь въ моду „сбирушки“.

[2]) Чаромское — волость.

[3]) Разумѣется Бѣлоозерскій обводный каналъ.

[4]) Рогушка — ватрушка.

Я пошла бы за него, да не люба семейка.
Не люба семейка—матка лиходійка.

—

Мой-оть милой живётъ пóдъ городомъ,
Принесетъ игрушку [1]) пóдъ золотомъ.

—

Милая корьё драла —
Куды деньги дѣвала?
Подвѣнецьно платьё шыла,
Всѣ деньжонки истошшыла;
На послѣднёй пятацёкъ
Купила лéнтоцёкъ пуцёкъ.

—

Моя милка не высока на ногафъ,
Накопила много сала на бокафъ;
Надо сало-то повырѣзать,
Сапоги съ калошамъ вымазать.

—

Черёмха въ городѣ цвѣтётъ,
У насъ не нацинаетъ;
Коля въ Андогѣ [2]) живётъ,
Письма не посылаётъ.
Потому не посылаётъ —
Прихехéнька нажита;
Прихехенька Пашка —
Рваная рубашка.

—

Отъ Слудинки-то [3]) лѣсокъ невысокъ,
Ваня схахаётъ [4])—услышу голосокъ.

—

Я куплю сибѣ отласу по рублю.
Милой жéнитцы—другово полюблю.

—

Моево милово хаяти хитрó:
Кто похаётъ, тому высажу нутро.

—

Пецькя, пецькя, пеценькя,
Есь на пецькю лисёнка;
Приходи, милой, искать,
Я на пецькѣ буду спать.

—

Миленькой, кудрявенькой,
Купи конфетку съ бáро(ы)нькой.

—

Шыла милому рубашку,
Не хватило шолку;
Здумалъ милой надсьміятцы,
Не хватило толку.

—

Уронила кольцё въ воду,
Кольця съ роду не достать;
Полюбила прихехéньку —
Съ роду, съ роду не отстать.

—

Погляжу на матицю,
Не мой ли милой катитцы.

—

Я любила, уважала одново,
Въ салдаты отдали—не надо никово.

—

Я пакетикъ полуцяла,
Роспецятала, цитала.

—

Ой, дѣушки, рóстошно:
Съ кѣмъ играла, дѣло врозь пошло.
— Вѣрю, вѣрю я, подруженькя, тіѣ,—
Это горе у миня у самыé.

—

За рѣкой огонь горитъ,
Милашка ужину (рыбушку) варитъ,
Бѣлую бѣлужину
Самому на ужину.

—

Я рябинушку ломала,
Витоцькю оставила;
Лишь разокъ поцёловала,
Тосковать заставила.

—

Надо подъ гору спуститцы,
Быстру рицькю перейти;
Надо мамоньку спроситцы,
За которово итти.
Моя мамка золотая,
Половина олова,
Не отдастъ насильно замужъ,
Выбирай которово.

—

Матушка не рóдная,
Похлёбушка холодная!
Какъ бы родная была,
Погорящяе-бъ налила,

—

У присуствія суда
Плацётъ дѣвка безъ стыда,

---

[1]) Гармонія.
[2]) Андога — рѣка; здѣсь разумѣются такъ наз. Андогскія сёла, составляющія Андогскую волость Череп. уѣзда.
[3]) Слудинка—сельцо Андогской вол.
[4]) Засмѣется.

Плацётъ дѣвка, говоритъ:
На кругу милой стоитъ[1]).

—

Моево дружка поставили на кругъ,
У ево спросили, много ли подругъ.
Онъ сказалъ, што у мня семь,
(Да) за миня охота всѣмъ.

—

Къ Богу схожоно, рука была дана,
Бабы-дуры поросхаяли миня.
Къ Богу схожоно у насъ наединѣ,
Всѣ сказали, што хорошъ не по минѣ.

—

Милой, рядомъ не садися,
Милой, рядомъ тѣсно;
Коли думаёшь любить,
(Такъ) на колѣняхъ мѣсто.

—

Юпка, юпка каленкоровая,
Я тебя-ли, юпка, въ дѣвкахъ берегла,
Замужъ вышла,—на пелёнкя прирвала.

—

Пришолъ вéцёръ, дѣлать нéцё,
Нацяла кисеты шить;
Было штофу поларшина,
На кисеты всё ишшыла,
А отласу полтора —
На кисеты извела;
Куплю цетверть кумацю —
Весь кисетъ отороцю

—

На улицѣ морозъ, ледешки,
Дѣвки сердятцы, не ѣдутъ женишки.

—

Прихехенька у мня Колюшка,
Притерпѣла много горюшка,
Много горя, много бѣдъ
Со семнадцяти я лѣтъ.

—

Я его любила страшно,
Онъ меня любилъ лютó.

—

Ой-ой-ой-ой, ой-ой-ой,
Застрылилсы милой мой,
Застрылилсы коль лютó,
Повезли въ городъ евó;
Въ лазаретъ полóжили,
Помáтой наволóжили;
Дóхтура приставили,
Ево лицить заставили;
Ево дохтуръ-отъ не лицитъ,
А валéтуръ[2]) больно пьянъ.

—

Полюбила коцёгáра,
Только онъ-то мнѣ не пара:
Оцень цéренъ, нехорошъ,
На арапа онъ похожъ.

—

Полюбила парня важново
Изъ пятистѣнка двоётажново,
Полюбила полюбителя —
Черезъ полюшко уцителя,
Полюбила полюбовницька —
Церезъ три поля цнновницька.
Полюбила-бы прикашшицька,
Ѣла-бъ пряницьки изъ яшшицька
Полюбила дѣвка куцера,
Лишь сама себя измуцила.

—

Ой милашка, сóньчё,
Подарила кольчё,
Не иму куды дѣть,
Али нá палечь надѣть?[3])

—

Я посіяла пшеницю —
Уродилсы виноградъ,
Не любите, дѣвки, Ваню:
Ваня нá осень салдатъ.

—

Сарафанъ съ наборкой шыла по пятáмъ,
Всю я осень прогуляла съ некрутáмъ.
Я сидѣла у цюланьцика,
Дожидалась новобраньцика.
Юпка бѣлая, обшыта кумацёмъ,
То и слава, што сидѣла съ богацёмъ,
То и слава, то и цесь (= честь).—
У милóво цясы есь.

—

Нице(в)о, што безъ калошъ,
Дѣвки любятъ: самъ хорошъ.
И въ калошафъ, да не гожъ,
Вотъ не любятъ, кой-то ножъ![4])

—

1) „Стоитъ на кругу“ — записанъ въ рекруты.
2) Также „фалéтуръ“; смыслъ не поясненъ.
3) Шухтовской волости; такое-же произношеніе въ Уломской вол. и вообще въ южной части Череповецк. уѣ да.
4) „Кой-то ножъ“—бранное выраженіе въ смыслѣ: „кой-то чертъ“.

Посидите, посидильницьки,
Дорогіе вы бисидницьки,
Мы дадимъ вамъ провожатую,
Дивцёноцькю вожоватую.

—

Ужъ ты, милая моя,
Какая за бѣдовая, —
Съ головы до самыхъ пятъ
Сладкая, медовая.

—

Што за рицькя за такая —
Голубокъ купаётцы;
Што за милой, за такой —
Съ кажинной занимаётцы.

—

Пецькя топитцы, выходитъ въ трубу цядъ,
Казацихи[1]) наигрались, такъ молцятъ.

—

Во своёй деревнѣ милово люблю,
Ходитъ баско (красиво), наглядѣтцы не могу.
Наглядитесь мои глазки про запасъ,
Штобы сердецюшко не ныло кажный цясъ.

—

Заболѣла голова съ Великово посту,
Полюбила парнёка небольшово росту;
Небольшово росту — Курмакова Костю.

—

Мнѣ не тошно на Кошту[2]) ходить,
Мнѣ не тошно Антошку любить
Голова болитъ по Пёшенькѣ,
Серцё ноётъ по Антошенькѣ,
Сенькя, Ванькя, Викулко,
(Да) на поддацю Сидорко.

—

Голова болитъ, въ постелѣ маюся,
Милой женитцы, съ ума сбиваюся

—

Я за быструю за риценькю хожу, буду ходить,
У Онтона сына милово люблю, буду любить.

—

Отъ Зацюрова до мельницы и глазъ не осушилъ,
По тіѣ, моя сударушка, все плакалъ да тужилъ.

—

Сама знаю, понимаю, милой мой,
Всю ты зимушку сміялся надо мной.

—

Дрёмлётцы, зѣваётцы,
Никто не догадаетцы;
Догадалсы милой мой —
Проводилъ миня домой.

—

Ой, миленькой мой, дружёцикъ нарицённой,
Поиграй въ тальяноцькю на зоринькѣ вецёрнёй.

—

Мой-отъ миленькой уѣхалъ укатилъ,
Миня дѣвицю оставилъ, позабылъ.

—

На подолѣ бѣло кружево,
По тіѣ, милой, потужено.

—

Ужъ ты, милая моя,
Я тія потѣшу:
Куплю нитку янтарей,[3])
На шею повѣшу.
(*Вар.*: Куплю торбу да суму,
За спину повѣшу).

—

Наше полюшко широко,
Сіютъ всяки сѣмена:
Сіютъ ленъ, сіютъ пшеницю,
Наростетъ одна трава.

—

Тра(в)ушка, мура(в)ушка,
Косила тутъ сударушка,
Кбсила, кбсила,
Косу въ кустикъ бросила,
Лопатоцьку[4]) подъ ёлоцьку,
Сбѣгала къ милёноцьку.

—

Дѣвки, суците, не суците,[5])
Съ милымъ дружкомъ не разлуците

—

Ой, дѣушки, обидно мнѣ.

---

[1]) Казáкъ, казачиха—работникъ, работница.

[2]) Рѣка, впад. въ Суду, притокъ Шексны.

[3]) Янтарныя бусы—любимое украшеніе дѣвушекъ и замужнихъ не только въ праздникъ, но и будніе дни. Покупаются у разносчиковъ по 1—3 р. за нитку; носятся „для чистоты тѣла“.

[4]) Лопатка деревянная съ нарѣзами, смачивается водою, посыпается пескомъ —для точенія косы.

[5]) Сучить—то же, что судачить; производятъ отъ сущ. „сука“.

Дружка милово невидно нигдѣ.
Ой обидой обижаюси (*также:*—ся),
Съ кѣмъ ненадобно—видаюси.

—

Ой по ельницькю березьницёкъ цястой,
Придётъ милой — разговоръ одинъ пустой.

—

Поглядите, дѣвоньки, миленьково нѣту;
Черезъ три года въ четвёртой придётъ по билету.

—

Кабы было у мня дéнёгъ сотъ пятокъ,
Воротила бы милово на годокъ;
Кабы было денёгъ тысяця,
Воротила бъ на два мисяца.
На моёмъ-то на миломъ бордовáя [1] блюза.
Я скажу вамъ, дѣушки, што ево люблю я.

—

Ишшо это-то не дивушко—
Сидитъ Пéша подъ ребинушкой,
Ёнъ во биленькой фурашецькѣ,
Въ кашемировой рубашецькѣ;
Кашемирова рубашецькя,
Молодецькяя замашецькя;
Кашемирова—прямой воротокъ,
Што на этотъ на прямой воротокъ
Насажу двѣнадцять пуговокъ въ рядокъ,
По хресьянському—цётыре впоперёкъ.

—

Вставай, мамка, дуй огня,
Пришли свататцы [2]) меня.

—

Люби, доцькя, дохтуроцькя,
У ево бѣлая сороцькя.
Полюбила дохтура,
Тольки мамка охнула.

—

Не отъ сонца травка вянётъ—
Отъ зелёново лужка;
Не отъ дѣла похудѣла—
Отъ любимово дружка.

—

Кабы серцё не болѣло,
Я не похудѣла бы;
Кабы жилъ милой поближе,
Цяшше бы видала бы.

—

Эту зимку белъ милово буду жить,
Пусть сердецюшко въ спокоѣ полежить.

—

Мой-отъ милой гроша стоитъ,
Надо мной фигуры строитъ:
Я сама ево дороже,
Цётырёмъ годамъ моложе:
Ему двадцять первой годъ,
Мнѣ семнадцятый идётъ.

—

На Слудинкѣ милой тёсъ дорожилъ [3]),
Баютъ дѣушки—миня приворожилъ.
Милой тёсу не доражилалъ,
Ёнъ миня не привораживалъ.

—

Сяди [4]), милой, посиди, ноженки устали;
Мы съ тобой поговоримъ, больно соскуцяли.

—

Дома ужинать садятцы, сумлѣваютцы объ насъ:
Гдѣ отцяянны голóушки шатаютцы у насъ?
Ужъ ты, милая моя,
Цвѣтикъ огурешный,
Не надійся на миня:
Я не подвѣнешный.

—

Извините, господа,
Я не огурешникъ [5]),
Старовѣрку полюбилъ—
Передъ Богомъ грѣшникъ;

—

Охо-хо, милашка старая стаётъ,
Охо-хо, скоро по бабушкамъ, подётъ.

—

Дѣдко умеръ, бадка сивая.
У вдовы доцькя красивая.

—

[1]) Произносится почти: бурдовая; также иногда и въ другихъ словахъ: корова, ворота.

[2]) Говорятъ: сватать кого и свататься кого.

[3]) Тесъ дорожить — дѣлать стругомъ дорожки (желобки) на тесинахъ для стока воды по нимъ съ крыши.

[4]) Сяди, съ удареніемъ на 1-мъ словѣ (также ляги) — употребительная форма при другой—сядь; неопред. накл. сѣсь, прош. сялъ.

[5]) Огурешниками называютъ разносчиковъ огуречныхъ и другихъ сѣмянъ; это преимущественно ярославцы, романовцы.

Ужъ какъ тетушка, откуды и куды?
Присылай ребятъ хорошифъ сюды.

—

Миленькой милёноцёкъ,
Перевези-тко дòмицёкъ;
Перевези, не подрубай,
Миня люби, не забывай.

—

Дитятко бажóное, [1]
Куда ты снаряжоное?
—Матушка, въ солдатушки
Отъ родной отъ матушки.

—

Не лѣсъ трешшытъ,
Не комаръ пишшытъ,
Смородина вьётцы;
Хозéина [2]) дома нѣтъ—
Дѣло обойдётцы [3]).

—

Слава Богу, науцилась молотить,
Молотиломъ[4]) буду мужа колотить.

—

Кольки Богу не молилсы—
Во святые не попалъ;
Кольки дѣушокъ любилъ—
(Да) ни одной не цёловалъ.

Сиротинкѣ бѣдному
Ему привитцы нé къ кому;
Привилсы къ вдоушкѣ одной
За мѣсто матери родной.

—

Какъ не оглянися—
Нѣтъ милашки здися.

—

Болитъ сéрцё и пецёнка,
За рѣкой живётъ дѣвцёнка.

—

Свититъ сòньцё и луна,
Дѣвка ишшотъ колдуна—
Приговоритъ милово—да!

—

Тёшша, бей яишницю,
Зять пришолъ, я ись (=ѣсть) хоцю.

—

Ой, дѣушки, вицъ-перевицъ [5]),
Колотиха [6]) изъ двѣнадцяти яицъ.

—

Всѣ я пѣсни перепѣла, дѣвки, вамъ;
За три тысяци милово не отдамъ.

Записала **Кл. М. Гарднеръ.**

2. *«Частушки» изъ Покровскаго уѣзда Владимiрской губер iи.*

I. Рекрутскiя.

1. Дѣвочка Анюточка,
Послѣдняя минуточка:
Тебя замужъ отдадутъ,
Меня въ солдаты повезутъ.
Повезли меня въ солдаты,
А я думалъ, на базаръ;
Посадили меня брить,
А я думалъ вино пить.

2. Ай папаша, ай мамаша,
Я теперича не вашъ,
Я теперича царевъ,
На машинушку готовъ.
На машинушку садился,
Ровно соколъ возвился;
Я съ милашечкой простился,
Самъ слезами залился.

—

3. Вотъ недолго бѣлу снѣгу

1) Бажить и бажницать чего-ниб.—сильно желать; особенно о прихотяхъ больныхъ, беременныхъ. „Дайте садового яблока: невѣстка бажницяетъ брюхомъ“.— („Садовый яблокъ“—яблоко; просто „яблокъ“—картофель).

2) Также: хозéйка, хозейство. Срв. выше: гулèнье.

3) Эта пѣсенка и другiя подобнаго размѣра (нар. выше: „Ой топай, нога!...) поются „подъ ногу“, для пляски.

4) Слово „цѣпъ“ неупотребительно.

5) „Вицъ-перевицъ“—часто употребляемое выраженiе въ пѣсняхъ для рифмы, особенно въ величальныхъ и игровыхъ. Нпр.:

Изъ-подъ снѣгу изъ-подъ талю,
Изъ-подъ бѣлово хрусталю.
Вицъ—перевицъ—
Николай Егоровицъ.

Не надо луку, перцю,
Прижму ево къ серцю.
Вицъ—перевицъ—
Николай Егоровицъ. И т. п.

(„Таль“—талый снѣгъ. Кстати: „наслюзъ“ — верховая вода на льду. Выраженiе: „рвóда не вышла“ — не отталъ нижнiй слой почвы).

6) „Колотиха“—яичница на молокѣ; „верешшага“ — яичница-глазунья („верещитъ“, когда жарится на маслѣ)

На сырой землѣ лежать:
Вотъ не долго намъ молодчикамъ
Забритыимъ гулять.

—

4. Ты подуй, подуй, погодка,
Разнеси на Вольгѣ ледъ,
Разнеси на Вольгѣ ледъ,
Пароходамъ дай ты ходъ,
Пароходамъ дай ты ходъ,
На насъ турка идетъ.
Изъ за быстраго Дунаю
Императоръ письма пишетъ —
Ему нуженъ сталъ народъ (2 раза.),
Все по уѣзднымъ городамъ (2р.),
Да по селамъ, деревнямъ
Изъ за быстраго Дунаю
Императоръ письма шлетъ.
Повели меня молодчика
Въ уѣздный городокъ (2 раза)
Мои ноженьки нейдутъ (2 р.),
Братья подъ руки ведутъ (2 р.),
Мать на троечкѣ везутъ (2 р.),
Отцу шапочку даютъ (2 р.),
Снохи шали подаютъ (2 р.)
Сестры голосомъ ревутъ.

—

5. Летѣла пава̀
Черезъ сини моря,
Сронила пава̀
Съ крыла перышко.
Мнѣ не жалко крылышка.
Жалко перышка,
Мнѣ не жалко мать, отца,
Жалко молодца.
Служилъ годъ я, служилъ два,
Письма нѣту никогда,
А на третій то я годъ
На побывочку пришелъ (конецъ забытъ[1]).

II. Любовныя и семейныя.

6. Что за стукъ, что за ленъ,
Два десятка веретенъ.
Ты пряди попрядывай,
На меня, милка, поглядывай.
Нитки рвутся, я вяжу,
На тебя, милый, гляжу.

—

7. Ай, милашка,
Дай бумажки,
Живописецъ буду я.
Нарисую твои глазки,
Будешь милая моя.

—

8. На горѣ огонь горитъ,
Милка яблочко варитъ;
На горѣ огонь угасъ,
Милка яблочка не дастъ.

—

9. Поглядѣла бъ я въ окошко,
Знать мое дитя катитъ (2 р.),
Папиросочку куритъ.
Папироса духовая
Сама закурилася,
Я дѣвчонка молодая
Парню полюбилася.

—

10. Катится—катается,
Гдѣ моя красавица?
Катится горошина,
Гдѣ моя хорошая?

—

11. Ты канава, ты канава,
Ты канавушка моя!
По тебѣ, моя канава,
Ѣхалъ милый на конѣ. (2 р.)
Сидитъ Сашенька въ окнѣ,
Сидитъ Саша, рукой машетъ:
— „Заѣзжай, милой, ко мнѣ!"
— Я тогда къ тебѣ заѣду,
Когда выростетъ трава (2 р.)
У твово. Саша, двора (2 р.),
У паратнаго крыльца
Вколочу я два кола,
Привяжу свово коня,
Коня воронова,
Кругомъ кованова.
Конь копытомъ землю рветъ,
Вплоть до камня достаетъ.
Меня милая не любитъ,
А другого признаетъ.

—

12. Поглядите-ка, дѣвчонки,
Кто то ѣдетъ по рѣкѣ —

---

[1]) Обыкновенно (по крайней мѣрѣ подъ Москвой) этотъ отрывокъ соединяютъ съ извѣстной пѣсенью:
Ахъ, ты садъ ли мой, садъ,
Садъ зелененькій (срв. ниже № 17),
гдѣ рѣчь идетъ о царской службѣ. Это пѣсня протяжная. Конецъ ея поютъ такъ:
„Служилъ годъ онъ, служилъ два,
Служилъ три года,
На четвертый годъ
Милъ письмо ко мнѣ шлетъ,
А на пятый годъ
Милъ въ побывку идетъ". *Ред.*

Въ бѣлорозовой рубашкѣ
Итальяночка[1]) въ рукѣ.

—

13. На горѣ то сковрода,
Подъ горою сковрода,
За то меня милый любитъ,
Что я горька сирота.

—

14. Сколько звѣздочекъ на небѣ,
Одинъ мѣсяцъ больше всѣхъ;
Сколько дѣвокъ въ хороводѣ,
Одна милка лучше всѣхъ.

—

15. Нѣту яблоньки пониже,
Негдѣ яблочка сорвать;
Нѣту милаго поближе,
Не съ кѣмъ горе горевать.

—

16. Шила милому рубашку,
Я строчила воротокъ;
Я строчила въ елку,
Не хватило шелку;
Съ милымъ рѣчи говорила,
Не добилась толку.

—

17. Ахъ ты садъ, ты мой садъ,
Садъ зелененькій.
Ты зачѣмъ рано цвѣтешь,
Осыпаешься?
Сколь далече, милый мой,
Собираешься?
Не во путь ли, во походъ,
Во дороженьку?
Ты со всѣми, милый мой,
Распрощаешься,
А со мною молодою
Все ругаешься.
Не ругайся, не бранись,
Скажи: „милая, прощай!“ [2])

—

18. Вдоль я улицы пройду,
Проть часовни встану:
Если милка моя спитъ,
Я будить не стану.

—

19. Сидитъ Дуня у окошка,
Прядетъ бѣленькій ленокъ;
Глядитъ Дуня изъ окошка:
„Гдѣ мой миленькій идетъ?“
Милъ идетъ, идетъ, идетъ,
Дунюшкѣ подарочекъ несетъ:
Съ правой рученьки колечко подаетъ.
На колечушкѣ написаны слова:
Мому милому великая гроза.
Мой-отъ милый крѣпко руки сожималъ,
При народѣ милъ Дуняшей называлъ,
Безъ народа—Дуня барыня моя.
Дуня барина полюбливала,
На сюртукъ сукна покупливала,
На желеточку атласу все брала.

—

20. Разнесчастный мальчикъ мой,
Разнесчастный удалой,
А что ходишь — не можишь?
А что болитъ, ты скажи-жь?
— Болитъ больно голова.
Пойду въ Ладовы поля,
Сорву травки горошку,
Залѣчу милому головку.
„Я теперя живъ, здоровъ,
Цѣловать тебя готовъ“.
(все опять bis, но болятъ *глазыньки*, а рвутъ *травки язынька*).

21. Послѣдній часъ разлуки
Съ тобою, дорогой;
Не вижу, кромѣ скуки,
Утѣхи никакой.
Никто меня не утѣшитъ,
Никто не увеселитъ,
Одна моя утѣха —
Милъ плакать не велитъ.
Гуляла я въ садочкѣ,
Гуляла въ зеленомъ.
Искала тѣ слѣдочки,
Гдѣ милъ гулялъ со мной.
Гуляла, пріустала,
Садилась подъ кустомъ,
Садилась подъ кусточекъ
На мятую траву (2 раза),
Подъ вѣтку зелену.
Сидѣли двѣ голубки
На вѣткѣ зеленой.
Одна изъ нихъ вспорхнула
Ко мнѣ на бѣлу грудь,
А я млада вздохнула
По милому дружку.
А гдѣ-жъ моя отрада —

---

[1]) Двухрядная гармонія. *А. Г.*—Вѣроятно надо читать въ два слова: „И тальяночка“; обычныя формы въ народномъ употребленіи безъ и: тальянецъ, тальянка и т. д. Срв. № 46. *Ред.*

[2]) Далѣе продолжаютъ (напр. около Москвы) такъ:
„Тутъ летѣла пава“, и т. д. (срв. выше № 5). *Ред.*

Сережа пастушокъ?
Ходилъ гулялъ отъ стада
На крутой бережокъ,
Игралъ душа-Сережа
Въ серебряный рожокъ.

—

22. На окошечкѣ цвѣточекъ
Словно бархатиночка.
Послѣ милочки остался
Горька сиротиночка.

—

23. Мой-отъ милый больно простъ;
Наступилъ на бѣлый хвостъ.
— Замаравши, вымою,
Про милашку вздумаю.

—

24. Моя милка плакала,
Фартучекъ окапала,
Она вышла на морозъ
У ней фартучекъ замерзъ.

—

25. Сколько звѣздочекъ на небѣ,
Полуношной звѣзды нѣтъ;
Сколько дѣвокъ въ хороводѣ,
А моей милашки нѣтъ (2 раза),
Улетѣла на тотъ свѣтъ.
Я записку напишу,
На тѣмъ свѣтѣ разыщу.

—

26. Погоди, собака, лаять,
Дай съ милашечкой побаять;
Погоди, собака, выть,
Дай мнѣ съ милою побыть.

—

27. Ай, сударушка дружка
Проводила до лужка,
До лужка, до камушка,
Сказалъ: „прощай, сударушка!"

—

28. Всѣмъ сердцемъ сушусь, крушусь, слезами зальюсь;
Самъ я знаю, для кого:
Знаю, понимаю, кого вѣрно люблю.
Любовь разлучають съ милымъ дружкомъ.
За моремъ далеко, межъ горъ высоко,
Тамъ моя несчастна красна дѣвушка живетъ.
Кабъ жилъ я поближе, могъ бы къ дѣвушкѣ сходить,
Къ дѣвушкѣ сходить, про все ее разспросить:
„Сударушка - дѣвушка, вѣрно любишь-ли меня?
Если меня любишь, возьму замужъ за себя;
Если ты не любишь, убью, мальчикъ, самъ себя.
Убью, застрѣлю стрѣлой, пойду въ землю тлѣть,—
Пускай люди скажутъ, что я вѣренъ, мальчикъ, былъ,
Что я вѣренъ былъ — одну дѣвушку любилъ".

—

29. Что хотите, говорите,
Милка по сердцу пришлась:
Улыбнется. разсмѣется —
Точно солнышко взойдетъ.

—

30. Упущу колечко въ море,
Пущай тонетъ глубоко.
Отдадутъ дружка въ солдаты —
Пущай гонятъ далеко.

—

31. Была тропочка любима,
А теперь пройду я мимо;
Пройду мимо, по задамъ,
Своей милкѣ спокой дамъ.

—

32. Шелъ я улицей зимой,
Снялъ колечко у милой;
Снялъ колечко съ пробой,
Погуляю съ новой.

—

33. Наше поле каменисто,
Не поѣду боронить;
Мой то миленькій капризенъ,
Не потрафлю говорить.

—

34. Суди люди, суди Богъ —
Кого я любила,
По морозу босикомъ
Къ Сашѣ я ходила.

—

35. Мимо оконъ, мимо стеколъ
Пробѣжалъ Ванюшка-соколъ,
На немъ бархатный картузъ,
Здѣшнимъ дѣвушкамъ конфузъ.

—

36. Мои бѣлы рученьки
На солнышкѣ горятъ:
Про меня дѣвчоночку
Все напрасно говорятъ.

—

37. За лѣсомъ, за рощей въ зеленомъ саду
Тамъ источникъ чистый. На томъ берегу
Тама есть могилка, обросла травой,
Памятникъ унывный и цвѣты кругомъ.

Тамъ лежитъ дѣвчонка неприкрытая.
Я въ нее влюбился, взялъ ее прикрылъ.
Я съ отцомъ спознался, ручку попросилъ:
„Дай же, отецъ, ручку дочери своей".
А отецъ-то злобный дочь свою проклялъ.
Тутъ лежитъ дѣвчонка, отцомъ проклята.
Ты прощай дѣвчонка — жизнь, радость моя!

—

38. При долинкѣ[1]) поетъ соловей,
А я на чужбинкѣ забытъ отъ людей.
Несчастный родился, несчастный возросъ,
Въ одну я влюбился, и та невѣрна.
Какъ зорька[2]), смотрѣла она мнѣ въ лицо
И молча надѣла на ручку кольцо;
Надѣвши сказала: златое оно,
Златое, влитое, на память дано.
Покамѣстъ колечко всякъ можетъ блистать[3]),
Потамѣсть, мой милый, своей называть.

—

39. Дѣвочка чухоночка,
Неси воду легонечко,
Неси воду, не качай,
Своему милому на чай;
Неси воду, не плещи,
Своему милому на щи.

—

40. Дѣвушка не травушка,
Не выростетъ безъ славушки:
Какъ и 20 лѣтъ пройдетъ,
На дѣвку славушка пойдетъ.

—

41. Бѣжитъ желтенька лисичка,
Тащитъ въ зубахъ рукавичку.
Рукавичка — небыличка,
Все про дѣвушку да про Аннушку.
Анна выходъ выходила,
Бѣлы руки выносила;
Она вѣшала платокъ
На Ивановъ то садокъ.

—

42. Журавли вы долгоноги,
Не нашли пути-дороги;
Они шли стороной,
Борновали бороной.
Борона желѣзная,
Поцѣлуй, любезная.
—Глазки дремлютъ, спать хотятъ,
Цаловаться не велятъ,
Цѣловаться не бѣда —
Куда дѣться отъ стыда?

—

43. Нарумяню свою милку,
Чтобы можно поглядѣть.
Поцѣлую свою милку:
Что-то вздумалъ пожалѣть.

—

44. Ты, милашка, модишься,
Красотою носишься:
Тако времячко придетъ,
Ты за мной погонишься.

—

45. Ой мамаша, воля ваша,
Не хочу я съ вами жить:
Вы работой маете,
За гульбу ругаете.
За работу тятька билъ,
За гульбу гармонь купилъ.

—

46. Сколько разъ я зарекался
Подъ тальянку пѣсни пѣть, —
Какъ тальянка заиграетъ,
Мому сердцу не стерпѣть.

—

47. Съ неба звѣздочка упала,
Я за пьяницу попала;
Ничего, что пьяница,—
Я сама красавица;
Ничего, что пьетъ вино,—
Шла охотой за него.

—

48. Гдѣ ты, пьяница, шатался?
Гдѣ ты ночку ночевалъ?
—У богатой, у проклятой
Подъ окошкомъ простоялъ.
А богатая, проклятая

---

[1]) Моск. вар.: Въ лѣсу (въ саду) при долинѣ.... *Ред.*
[2]) Моск. вар.: Такъ зорко....
[3]) Подъ Москвой поютъ:
Покамѣстъ колечко такъ будетъ блистать,
Во мнѣ ретивое такъ будетъ пылать (страдать);
Кольцо потускнѣло—измѣна моя:
Меня измѣнила, ко мнѣ невѣрна. *Ред.*

Жалетку отняла,
А бѣдная, сердечная
Послѣдню отдала.

—

49. На кладбищѣ вѣтеръ свищетъ,
Покойнички крѣпко спятъ.
Я сходилъ бы на кладбище,
Разбудилъ родную мать
Мое горе горевать,
Горюшко великое—
Сношенька сердитая.

—

50. Напишу царю прошенье
Что на гербовомъ листу,
Чтобы вышло разрѣшенье
Взять хорошую жену.

III. Шуточныя.

(Иногда „на случай" или „на лицо" 1).

51. Всѣ то елочки, сосеночки
Подрубленыя,
Всѣ то Костински ребята
Всѣ полюбленые.

—

52. Какъ и красненько винцо
Краситъ шейку и лицо,
Грудь мягчитъ, карманъ легчитъ,
Ногамъ спокою не даетъ.

—

53. Изъ Семенкова тропа,
Изъ саду дорожка;
Какъ Семенковски ребята
Ходятъ правда не нарочно.

—

54. Какъ у Скрябинскихъ ребятъ
Сапоги новы скрипятъ,
А у Крюковскихъ гадовъ
Сапоги въ восемь пудовъ.

—

55. Какъ вотъ Крюковски мѣщане
Приходили къ намъ за щами;
Они щей-то простудили,
Только славу пропустили.

—

56. Шелъ я улицей Покровской,
Стоитъ Машка на крыльцѣ.
Знать недавно изъ больницы:
Нѣтъ румянца на лицѣ.

—

57. Наше поле каменисто,
Надо камушковъ набрать,
Черезъ рѣчку мостъ настлать.
Надо Стѣнинскихъ зазвать.

—

58. Разсохнулась бадеечка,
Повытекла вода,
Какъ Крюковскимъ дѣвченкамъ
Нѣту хода никуда.

—

59. Какъ Костински молодцы
Испугалися овцы:
Вплоть до Старова бѣжали,
Въ зубахъ гашники держали.

—

60. Какъ по Крюковой деревнѣ
Телеграмму провели:
Трехкопеечну Анютку
Ее въ волость повели.
У Жаровскаго суда
Анютка плачетъ безъ стыда;
Она плачетъ и реветъ:
Никто замужъ не беретъ 2).

—

61. Сидѣла Маша у окошка
Шила платьица;
Двѣ оборочки подрядъ —
Для Крюковскихъ ребятъ.

—

62. У Володи
Въ огородѣ снѣгу много,
Не насадитъ огурцовъ.
Не надѣйтеся, дѣвчонки,
На красивыхъ молодцовъ.

—

63. У мого миленочка
Лошадь-кобыленочка.
Не доѣхалъ до горы,
Ее съѣли кумары.

—

64. Изъ за лѣса вижу я:
Пляшетъ милая моя;

---

1) *Костино, Крюково, Скрябино, Стѣнино, Семенково, Жары* — названія сосѣднихъ деревень; записывались частушки въ Костинѣ.

2) Эта пѣсня сложена по такому случаю: Дѣвка не уважила парня, не хотѣла пѣсни пѣть („а дѣвки завсегда должны уважать"), да еще называла его *путляемъ*. Онъ, снявъ свою курточку, началъ ее хлестать. Дѣвка пожаловалась старостѣ; ихъ повели въ волостное правленіе (въ Жары) и обоихъ посадили въ *холодную*. Съ тѣхъ поръ дѣвку прозвали „*подсудной*", и никто ее не сватаетъ. Теперь ей уже 25 лѣтъ, и она стала „*путаться*".

Пляшетъ дура, ума нѣтъ.
„Перестанешь, или нѣтъ!"

—

65. Купилъ тятенька телѣжку —
Тарантасикъ безъ колесъ.
Какъ захватили дѣвчонку,
На головѣ-те нѣтъ волосъ.

—

66 Катя, Катенька,
Какъ водичка, слатенька,
Ключева, холодная —
Какȧ Катя модная!

—

67. Что ты, милка, пріуныла,
Не слыхать твоихъ рѣчей?
Али брюхо заболѣло,
Захотѣло калачей?

—

68. Приходи, милый, въ субботу,
Припасла тебѣ работу:
Буду платья полоскать —
Тебѣ на берегъ таскать.

—

69. Мой-отъ миленькій скупой,
Купилъ бараночки сухой:
Ѣла торопилася,
Баранкой подавилася.

—

70. Солома пиленȧ
Дрова рубленыя;
Какъ молодиньки дѣвчонки
Всѣ полюбленыя.
Какъ и стары то глядятъ,
Имъ гулять не велятъ.

—

71. Полно, милый, ты сердиться,
Полно губки надувать;
Не пора ли намъ мириться,
За полштофомъ посылать?

—

72. Ай, милашечка моя!
Моли Богу за меня,
Моли Бога и Христа [1]).
Я не пьяница, не воръ:
Три мѣшечка ржи уперъ,
А четвертый куль овса,—
Прощай, Питеръ и Москва!
Прощай, Питерска губерня!
Прощай, сорокъ два двора!
Прощай, милая моя!

—

73. Посылала Ваню мать
Яровое поле жать:
„Поди, Ванюшка, зажни!"
Вышелъ Ваня на крылечко,
Положилъ серпикъ на плечко,
Заплакалъ, да пошелъ.
Не по той пошелъ дорожкѣ,
Не нашелъ своей полоски,
Началъ чужу жать.
Ваня жать-то не нажалъ,
Все съ любезной простоялъ,
Одинъ снопикъ лишь связалъ,
А другой-то ради скуки,
И порѣзалъ серпомъ руки, —
Пошла у Вани кровь.
Недалечко Маша жала,
Скорю къ Ванѣ подбѣжала:
„Уймись у Вани кровь!"
Отецъ съ матерью стоятъ,
Все про Ваню говорятъ:
„Ступай, Ванюшка, домой!"
Шелъ Ванюша, торопился,
Каменъ мостикъ надломился;
Еще съ Ваней то бѣда:
Течетъ подъ мостомъ вода,
Не знаю самъ, куда.
Течетъ рѣчка по песочку
Во матушку Москву.
Беретъ меня въ тоску.

Записалъ **А. Е. Грузинскій.**

---

[1]) **Московскій варіантъ:**
Моли Богу и Христу,
Что не пьяница росту. *Ред.*

Къ вопросу о новыхъ мотивахъ въ малорусской народной поэзіи.

(Изъ украинскихъ сахарозаводскихъ пѣсенъ).

Съ тѣхъ поръ какъ прошелъ героическій періодъ въ жизни украинскаго народа, ослабѣло творчество его въ области исторической поэзіи; произведеній же вызванныхъ новыми условіями жизни записано немного, и это обстоятельство поддерживаетъ мнѣніе, будто творчество украинскаго народа пріостановилось. Мы думаемъ, что это невѣрно: если данное время не выдается крупными событіями, могущими вызвать высокій поэтическій рефлексъ, то во всякомъ случаѣ въ экономической жизни народа опредѣляется все болѣе и болѣе вліяніе новыхъ факторовъ, напр. хотя бы развитіе заводской промышленности рядомъ съ приростомъ населенія и увеличеніемъ безземелья; эти факторы вносятъ культурно-экономическія измѣненія въ народную жизнь, и народная поэзія отмѣчаетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что со времени освобожденія крестьянъ пѣсня останавливалась на „волѣ", на безземельи, бурлачествѣ, на экономической зависимости отъ пановъ, евреевъ, на работѣ на сахарныхъ заводахъ, на рекрутчинѣ и солдатчинѣ; правда и неправда общественная въ ихъ взаимоотношеніи сдѣлались предметомъ поэтическихъ размышленій [1]).

Мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности также и мнѣніе о быстрой денаціонализаціи украинской поэзіи; въ то время какъ на шумныхъ гульбищахъ, на плантаціяхъ, на улицѣ завоевала себѣ право гражданства залихватская, то циничная, то безсмысленная, солдатско-городская пѣсня,—въ жизни интимной, въ минуты исполненія души тревогой, горемъ или

1) См. Драгоманова, Нові укр. пісні про громадські справи (1764—1880), Женева, 1881 г., стр. 66—113.

радостью господствуетъ исключительно своя народная пѣсня, какъ единственный соотвѣтственный, гармоничный отзвукъ волненію народной души; въ интимности національной поэзіи и лежитъ, между прочимъ, причина, почему поверхностные наблюдатели такъ склонны констатировать фактъ денаціонализаціи народной украинской поэзіи. Изъ общаго количества почти четырехъ сотъ украинскихъ пѣсенъ, записанныхъ нами лично или переданныхъ намъ знакомыми въ періодъ 1883—90 гг., пѣсенъ записанныхъ въ одиннадцати уѣздахъ семи южныхъ губерній[1]), около 60-ти т. е. 15% приходится на долю городскихъ, солдатскихъ и бытовыхъ великорусскихъ; такой % говоритъ лишь о томъ, что и украинскій народъ, по общимъ законамъ психологіи, не лишенъ способности участвовать въ культурномъ взаимодѣйствіи со своими сосѣдями и подобно имъ поддается общему ходу культурнаго развитія; что же касается денаціонализаціи, то до нея еще далеко.

Выше мы упомянули о пѣсняхъ, созданныхъ подъ впечатлѣніемъ работы на сахарныхъ заводахъ; на одномъ изъ новѣйшихъ варіантовъ заводской пѣсни мы и думаемъ остановиться на этотъ разъ.

Развитіе свеклосахарной промышленности въ Малороссіи пошло быстрыми шагами впередъ, и сосѣдство сахарнаго завода сдѣлалось серьезнымъ экономическимъ факторомъ въ быту сельскаго населенія; весь избытокъ рабочихъ рукъ, при теперешнемъ малоземельи, можетъ имѣть приложеніе осенью и зимой на заводѣ, весной, лѣтомъ и осенью на свекловичныхъ плантаціяхъ, площадь которыхъ все болѣе и болѣе расширяется[2]).

Сахарные заводы, начавшіе возникать въ 30-хъ годахъ, принадлежали преимущественно помѣщикамъ и были мѣстомъ отбыванія болѣе тяжелой формы панщины; сахарные заводы представляли собою скопище грязи и міазмовъ, мѣсто невѣдомыхъ при трудѣ земледѣльца несчастныхъ случаевъ; если и теперь еще обстановка труда на заводѣ въ смыслѣ гигіеничности и безопасности оставляетъ желать многаго, то можно себѣ представить, что было пятьдесятъ лѣтъ тому на-

---

[1]) Аккерманскій у. Бессараб. обл.; Чигиринскій, Кіевскій и Каневскій—Кіев. г., Елисаветград., Александрійск.—Херсонск. г.; Бахмутск., Верхнеднѣпровск. — Екатериносл. губ.; Остерск., Конотопск — Черниговск. г.; Бѣлгородск. — Курск. губ. и Харьк. губ.

[2]) Количество сах. заводовъ на югѣ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ опредѣляется цыфрой 220; количество десятинъ земли, засѣянной подъ свекловицу, равняется 252 910,4. Зап. Кіевск. Отд. И. Р. Технич. Общ. по свеклосах. промыш. 1890 г. 196.

задъ[1]). На сахарозаводскихъ пѣсняхъ, сложенныхъ въ дореформенное время, лежитъ отпечатокъ и крѣпостныхъ отношеній и того низкаго техническаго совершенства, на которомъ тогда стояли сахарные заводы; эти пѣсни и до сихъ поръ распѣваются въ подходящихъ случаяхъ; варіанты ихъ записаны по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; еще въ срединѣ 80-хъ гг. намъ удалось записать въ Кіевск. губ. два варіанта этихъ пѣсенъ[2]).

Въ качествѣ комментарія по крѣпостнымъ сахарозаводск. пѣснямъ мы приведемъ выдержки изъ воспоминаній о панщинѣ, записанныхъ нами въ 1890 году въ Чигиринскомъ уѣздѣ.

«Цілий день робишъ на полі—та ще прийиде кіньми у ночі: „одчини! убірайся у заводъ, ступай, не росказуй!“ —не дивляться, чи неділя, чи празникъ; не йде, то по шиї: „ви всі такі, що ховаетесь!“ А у заводі тяжко сильно було; теперъ все парами, де було десять дівчатъ—теперъ дві; були пресла (прессы), коло їхъ наряжальниці—було ноги поріжуть, руки поріжуть, задрипаються, позатёповані, та холодно, та замерзнуть, та Боже!.. А теперъ все лапацони (такъ называютъ бѣлоруссовъ, нанимаемыхъ теперь для черныхъ работъ) та легко—тільки що жара!“ Крестьянинъ села Вязивокъ, работавшій платно на Орловецкомъ сахарномъ заводѣ, вспоминаетъ объ этомъ времени такъ: „......били, то за чуба, то въ морду“...

Интересно преданіе, сообщенное тѣмъ же крестьяниномъ, о работѣ на свекловичныхъ плантаціяхъ Орловецкаго завода во времена принадлежности завода Потоцкому. Потоцкій пахалъ землю подъ буряки людьми, женщинами; для этого была приспособлена упряжь на шесть душъ; былъ случай, что женщина „нашла дитину у плузі“, т.-е. родила; оратаемъ и погоничомъ были мужчины. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока случайно не проѣзжалъ мимо какой-то важный «чиновникъ»; увидавъ эту сцену, онъ подъѣхалъ, переписалъ работавшихъ и далъ знать куда слѣдуетъ; послѣдовалъ при-

---

1) См. „Фабричный рабочій“. Изслѣдованіе здоровья русскаго фабрич. рабочаго (изъ наблюденій фабричнаго инспектора) *В. В. Святловскаго*, а также нашу статью: „Къ вопросу о несчастныхъ случаяхъ на сахарныхъ заводахъ“ и т. д. Техническій сборникъ и Вѣст. Промышлен. 1890 г. № 5 и 6.

2) Основа 1862 г. IV. 108; II. 96 (запис. въ Черниговск. губ.); Записки Ю.-Зап. Отд. И. Р. Географ. Общ. т. I, 306—307 (зап. Чубинскимъ въ Кіевск. губ.); Кіевская Старина 1886, кн. 10, стр. 407 (зап. нами въ Кіевск. губ.); Нові українські пісні (1764—1880) 1881, стр. 107—109 (цитируются изъ рукописей варіанты, записан. Манжурою въ Изюмскомъ, Новомосковскомъ, Переяславскомъ, у.—Харьковск., Екатер. и Полтавск. губ.



казъ разслѣдовать дѣло. Потоцкій бѣжалъ за-границу; его же управляющій и экономы были судимы; управляющій, по словамъ преданія, былъ приговоренъ, между прочимъ, къ такому позорному наказанію: его посадили на бричку, у которой на колесахъ были обрублены ободья и такимъ образомъ возили по ярмаркамъ и базарамъ, демонстрируя его какъ человѣка, работавшаго людьми. Самъ Потоцкій больше не возвращался; жена же его оставалась и сдала съ тѣхъ поръ «Вірловецкій» заводъ въ аренду «французу».

Съ паденіемъ крѣпостного строя все измѣнилось; заводы, благодаря развитію техники и вмѣшательству государства, правда только начинающемуся, приняли совершенно другую физіогномію, нравы смягчились, отношенія же между свободными работниками и работодателями развиваются по общему типу отношеній капиталистическаго строя; послѣднее обстоятельство и представляетъ тѣ данныя, на почвѣ которыхъ развивается соціальная сахарозаводская пѣсня.

Начиная съ мая, весь женскій элементъ села переходитъ на поля для прорывки и полки бураковъ, а потомъ для выкапыванія ихъ; работа, особенно въ томъ случаѣ, если вблизи находятся другіе сахарные заводы, оплачивается довольно хорошо. Въ случаѣ отвлеченія рабочихъ конкурирующими сосѣдями, плантаторы, помимо повышенія цѣнъ, прибѣгаютъ къ разнаго рода приманкамъ, на которыя охотно поддается женская молодежь. Такъ, въ Кіевской губ. для работающихъ нанимается музыка (съ музыкой же ѣздятъ по селамъ, заманивая на работу); по окончаніи уроковъ или вообще вечеромъ начинаются танцы, и веселье затягивается до глубокой ночи. Въ Курской губ. предметами соблазна служатъ платки, нѣсколько аршинъ ситцу, которые выдаются проработавшимъ недѣлю сверхъ слѣдуемаго имъ за это время заработка; иныя экономіи дарятъ небольшія зеркальца и куски мыла, а иногда, въ качествѣ добавленія, даютъ водку (так. наз. «порціи»).

Все это вмѣстѣ съ хорошей платой и отсутствіемъ другихъ болѣе подходящихъ заработковъ обусловливаетъ стеченіе на плантаціи сотенъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, какъ мѣстныхъ такъ и захожихъ [1]), часто нанятыхъ заранѣе, по договору, на „зрокъ“.

Не смотря на всю привлекательность работъ „на бурякахъ“ [2]), неудовлетворительность экономическихъ харчей, без-

---

[1]) Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ ихъ называютъ: „сторонні“, „странні“, „сторона“.

[2]) Работать „на бурякахъ“ — такъ выражаются въ Кіевск. губ.; терминъ же „плантація“ употребляется въ Курск. губ.

церемонное и грубое обращеніе досмотрщиковъ въ связи съ большимъ физическимъ напряженіемъ, если дѣлаютъ эту работу трудной, вызываютъ подчасъ тяжелое, злобливое настроеніе толпы.

Веселое настроеніе „зроковыхъ", выступающихъ впервые на работу, смѣняется временами элегическимъ настроеніемъ, выливающимся, напр., въ слѣдующей прекрасной пѣснѣ:

Наряжала мати дочку
У білу сорочку,
Випроважала мати дочку
Въ чужу сторононочку;
Въ чужую, далекую,
Міжъ чужні люди.
„Хто жъ мене, ненько моя,
Жаловати буде?"
— „Дочки мої, пані,
Горе мені зъ вами,
Тоска печаль на серденьку
Та ніхто не знае;
Робитемешъ, годитемешъ —
Жалітимуть люди".
Злетівъ півень на тарілку.
Крикнувъ ку-ку-рі-ку!
Не дожидай, мати, дочки въ гості
До вічнóго віку;
Посій, мати, трави на помості,
Тоді жди дочки въ гості;
Якъ не буде дочки у неділю —
Дожидай на Миколу,
Якъ не буде на Миколу
Не дожидай ніколи!

(с. Биленьке Корочанск. у. Курск. губ.).

Трудная работа среди открытаго поля, подъ лучами солнца, работа, требующая и силы и выносливости, сопровождается въ промежуткахъ для отдыха всѣми проявленіями веселья и молодой бодрости; это настоящій праздникъ въ честь весны; пѣсни, присказки, остроты такъ и слѣдуютъ однѣ за другими. Для этнографа, занимающагося изученіемъ народной поэзіи и языка, представляется богатая жатва; здѣсь заучиваются и перенимаются пѣсни, устанавливается на ту или другую мода; при смѣшанномъ населеніи края (какъ напр. въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ) здѣсь устанавливаются то насмѣшливыя, то внимательныя отношенія между молодежью малорусскаго и великорусскаго села [1]). Этнографъ не могъ бы не

---

[1]) Сознаніе культурной обособленности какъ со стороны малорусскаго, такъ и со стороны великорусскаго населенія, конечно, не формулируется, но на каждомъ шагу даетъ себя знать. Возьмемъ хотя бы формальный признакъ національности — языкъ; вотъ что говоритъ великороссіянинъ: „ихъ (хохловъ) не разберешь, что и говорятъ", „у насъ вонъ какъ, у нихъ вонъ какъ гуторятъ", „мы ихъ языка не разбираемъ", „выворачиваютъ языкъ"; „хохлы не нравятся"— чѣмъ?—„усѣмъ не нравятся"; „все, какое ни есть, все свое лучше"; „у нихъ хохловъ не водится ни игръ,—сидятъ—поглядишь—хитро какъ-то". Далѣе разсказываютъ, какъ въ русской деревнѣ насмѣхаются надъ малороссами случайно попавшими туда—„все переймутъ, какъ гуторятъ, и дразнятъ. Смѣшанныхъ браковъ почти не бываетъ; хохлушкѣ, которая вышла бы замужъ за русскаго — „такъ ей смутно покажется". Малороссы Курск. губ. (собств. Бѣлгородск. и Корочанск. у-овъ) называютъ великороссовъ—„руськими", „москалями", а женщинъ—„московками" („пойти въ солдаты"—„піти у службу", а не „въ москалі", какъ въ Кіевск. губ); великороссы же малороссовъ именуютъ „хохлами". Малороссы смотрятъ на москалей, какъ на людей малоспособныхъ, неловкихъ, и указы-

остановиться на практикуемыхъ на плантаціяхъ (въ Бѣлгородск. уѣз.) играхъ „въ весилля", „въ мертвеця"; при первой усваивается весь циклъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ, при второй заучиваются „голосиння"; при этихъ играхъ закрѣпляется національно-поэтическое наслѣдіе, передаваясь слѣдующимъ поколѣніямъ [1]).

Среди многихъ другихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ на свекловичныхъ плантаціяхъ, выдается одна по своему содержанію; она имѣетъ отношеніе къ исполняемой работѣ и къ ея обстановкѣ; вотъ эта пѣсня:

Хто въ N [2]) не бувавъ,
Нужди-горя не видавъ.
Ми въ N побули —
Нужды-горя приняли.
А у N у дворі
Стоять горниці нові,
А у тіхъ же горницяхъ
Стоять столи дубові,
По за тими столами
Сидять купці рядами;
Ми думали, що купці, —
Прикащики подлеці!
Бодай же ти, N,
Съ хозяйливечкомъ твоїмъ,
Хліба-соли дае мало;
На роботу ідемо —
Сухарики гриземо;
Ізъ роботи ідемо
Гірьки слёзи ллемо.
І съ плантаторомъ дурнымъ!
Що вінъ ні чорта не знае,
Понапрасно насъ ругае;
Якъ наваре борщу, каши —
Поприставали зрокові наши;
Якъ наваре кандеру —
Хочъ вилий додолу;
Якъ укине чабака —
Тільки кісточка одна;
Якъ укине тарані —
Бодай не вставъ зарані;
Якъ наваре галушокъ —
Бодай не вставъ съ подушокъ!
На роботу буде (будить) рано,
Якъ наймався, вихвалявся,
При рощоту заховався;
Якъ наймався, хваливсь,
При рощоту сказивсь! [3]).

(Зап. отъ работавшей на плантаціи май, 1890 г.).

вають при этомъ на тотъ фактъ, что, молъ,—„якъ нашъ піде у службу, то непремінно вийде гундеромъ, хочъ би бувъ такий, що й у миръ не годиться"; „москаливъ" считаютъ нечистоплотными; въ хворостяныхъ бѣдныхъ малороссійскихъ хатахъ лучше и чище, нежели въ хатахъ зажиточныхъ великороссіянъ; хаты послѣднихъ походятъ на хлѣвы; за великороссіянками, какъ хозяйками, признаютъ лишь одно достоинство — умѣнье печь хорошіе, упругіе гречаники. Браки, какъ мы уже сказали, между великороссами и малороссами очень рѣдки; въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ рядомъ стоятъ два села—Шебекино, населенное малороссами, и Устенки—великороссами;священникъ села Шебекина о. Потаповъ сообщалъ намъ, что, почти за 30 лѣтъ своего здѣсь священства, онъ не помнитъ браковъ между молодежью помянутыхъ селъ; если и есть примѣры браковъ, то эти послѣдніе были заключаемы между вдовыми. т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда главную роль въ сближеніи играетъ матеріальная сторона (тоже относительно браковъ см. „Древн. и Нов. Россія" 1879 г. IX, 434—435). Между жителями Шебекина и Устенки до сихъ поръ еще происходятъ на Рождество кулачные бои.

1) Работа „на бурякахъ" со всѣмъ ея бытовымъ значеніемъ и обстановкой талантливо и этнографически правдиво изображена въ повѣсти *Ив. Левицкаго* (онъ же—*Нечуй*), изданной на украинскомъ языкѣ—„Бурлачка" (Кіевъ 1881 г. 223 стр. 8°, ц. 75 к.).

2) Имя владѣльца завода.

3) Приводимое произведеніе записано въ мѣстности, гдѣ сходятся южныя части Бѣлгородскаго, Корочанскаго и Новооскольскаго уѣздовъ Курской губерніи.

Въ пѣснѣ выражена жалоба на дурную пищу съ присовокупленіемъ соотвѣтствующихъ пожеланій виновникамъ этого обстоятельства; кромѣ этого, негодованіе поющихъ вызываютъ несправедливыя отношенія и поступки прикащиковъ и плантатора; послѣднія строки констатируютъ перемѣну отношеній къ работающимъ при разсчетѣ сравнительно съ тѣмъ заискиваніемъ, какое практикуется при наймѣ.

Въ случаѣ дѣйствительнаго неудовольствія пѣсня эта шумно поется всей массой, и надзирающему за работой остается только слушать ее, потому что, бросившись въ одну сторону, онъ въ отвѣтъ на угрозы получаетъ ту же пѣсню съ другой; «затюкаютъ такъ, що не знае, якъ и выбраться!» Сообщившая приведенный варіантъ упоминала въ немъ фамилію одного сахарозаводчика; на мой вопросъ—дѣйствительно ли у N такая плохая пища — она замѣтила: «у N харчи ловкі, намъ хлиба якъ печуть, той дома такого не печуть!» Какъ видно, безпристрастное отношеніе можетъ имѣть мѣсто, и если пѣсня сложилась, то сложилась на почвѣ дѣйствительно дурныхъ порядковъ нѣкоторыхъ экономій.

Въ 1889 году на страницахъ „Кіевской Старины“ былъ напечатанъ варіантъ сахарозаводской пѣсни, записанный въ с. Тарановкѣ, зміевск. уѣзда, Харьковск. губ. г. И. Зозулей; такъ какъ онъ имѣетъ отношеніе къ разсматриваемому нами, то мы позволимъ себѣ привесть его здѣсь:

Ой горе намъ молодымъ
Зъ цимъ прыкажчикомъ дурнымъ,
Гей, гей! охъ-хо-хо!
Зъ цимъ прикажчикомъ дурнымъ } bis [1]).
До роботы прыганя,
А про ижу не спыта.
Якъ наварыть буряквиъ,
Годуе насъ дураквиъ.
Якъ наварыть кандеру,
И собакамъ у волю.
Якъ наварыть галушокъ,
Годуе насъ дурочокъ.

Ой, прыкажчику нашъ,
Та выдай же намъ прыказъ.
Мы до домушку пойдемъ,
Славну писеньку споемъ.
Славну писеньку споемъ
И до тебе нé прійдемъ.
И сусидамъ закажемо,
И собаку прывьяжемо:
Не ходы жъ ты, рябко,
Бо тамъ тебе изъидять.
Бо тамъ тебе изъидять
И косточки ростpощать.
(Кіев. Стар. 1889. 8, стр. 534).

и интересно, между прочимъ, тѣмъ, что оно передано чистымъ украинскимъ языкомъ и сложено по пріемамъ украинской бытовой поэзіи; это обстоятельство, вмѣстѣ съ цѣлой массой другихъ поющихся здѣсь украинскихъ пѣсенъ, еще разъ опровергаетъ высказанную мысль въ изданіи: „Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія“. Курскъ 1887 года. Отъ близкаго соприкосновенія великорусскаго и малорусскаго населенія между ними почти изгладилась разница и даже получился какой-то особенный средній языкъ“. См. Кіев. Стар. 1889 г. кн. 3, стр. 583—587, въ статьѣ: „Особенности статистич. изслѣд. Курской губ.“.

1) Послѣ каждаго двустишія съ повтореніемъ второго стиха.

Какъ по содержанію, такъ и по языку варіантъ г. И. Зозули представляетъ собою какъ бы переходъ между Корочанскимъ варіантомъ и сахарозаводской пѣснью, записанной нами отъ бѣлорусса—рабочаго на Лебединскомъ сахарномъ заводѣ, Чигиринскаго уѣзда, Кіевск. губ.[1]).

Ой на горѣ, на горищѣ
Стоитъ сахарный заводъ,
Стоитъ сахарный заводъ —
Да все разный народъ.
Три дня праздничка ждали,
Да все праздновали;
Выходили на лужокъ,
Становилися въ кружокъ.
Запоемте, братцы, пѣсню
Про N-скаго купца,
Про подрядчика подлеца[2]).
Кто въ (у) N не бывалъ,
Нужды горя не видалъ;
Мы въ N побывали,
Нужды-горя узнавали.
Какъ убросятъ борщу - щей,
Хочъ собакамъ вылей;
Какъ убросятъ мохана,
Только косточка одна.
На работу рано гонитъ,
На работушку идемъ,
Горьки слезы льемъ,
Изъ работушки идемъ,
Веселыя пѣсни поемъ.
Р.....ь, панъ-хозяинъ,
И съ заводомъ твоимъ,
Съ инструментомъ стояннымъ,
И съ твоими рядчиками,
И съ подрядчиками,
Да ще съ тыми панычами,
Да ще съ тыми кур....ми!
Мы до дому пойдемъ,
На другой годъ не прійдемъ,
И собаки не пришлемъ,
И сосѣдямъ закажемъ,
И собаку привяжемъ![3])

Несомнѣнно, что всѣ три варіанта имѣли одинъ общій первообразъ, возникшій на почвѣ дурныхъ условій, среди которыхъ живетъ иногда работающій на сахарныхъ заводахъ и плантаціяхъ.

Корочанскій варіантъ наиболѣе полонъ по содержанію и чистъ по языку; зміевскій и записанный въ чигиринскомъ уѣздѣ отъ бѣлорусса сходствуютъ въ угрозахъ обезславить экономію и этимъ отвлечь приливъ рабочихъ силъ; интересно въ зміевскомъ варіантѣ обращеніе въ ироническомъ духѣ къ собакѣ Рябку: послѣдній предупреждается о томъ, что онъ рискуетъ быть съѣденнымъ при появленіи въ такой-то экономіи—нужно понимать—за недостаткомъ пищи, „за злыднями";

---

[1]) Она распѣвалась также на Теткинскомъ заводѣ (Курск. губ.) рабочими с. Кучеровки Глуховск. у. Черниг. губ.

[2]) См. о кабалѣ у евреевъ-подрядчиковъ сахарозаводскихъ рабочихъ заводовъ Каменецъ-Подольской губ. по отчету помощника фабричн. инспектора Кіевскаго округа д-ра Модестова у *В. В. Святковскаго.* „Фабричный рабочій" Стр. 34—35.

[3]) См. факты о продовольствіи рабочихъ на сахарныхъ заводахъ Харьковск. округа у *В. В. Свѣтловскаго*: «Фабричн. рабочій» стр. 106—108. Намъ извѣстенъ заводъ, въ которомъ продовольствіе рабочаго обходится меньше 3-хъ рублей въ мѣсяцъ; въ „Фабричн. рабоч." сообщаются данныя: о длинѣ рабочаго дня, заработной платѣ, праздникахъ, штрафахъ, жилищахъ, о несчастныхъ случаяхъ—вообще объ условіяхъ, которые вызвали приведенное то озлобленное, то насмѣшливое отношеніе рабочихъ къ заводчикамъ.

въ чигиринскомъ—упоминается о распущенности „панычей[1])“, что каждому знакомому съ заводскими нравами не покажется не основательнымъ.

Характерно то, что и въ данномъ случаѣ мы можемъ наблюдать фактъ общенія и заимствованія въ области народной поэзіи между малоруссами и бѣлоруссами—фактъ, констатированный уже не разъ.

А вотъ еще одна запись, дающая кой-какіе новые мотивы:

Хто въ заводі не бувавъ,
Той горечка не видавъ,
Мы въ зоводі побували,
Много горя повидали;
Намъ і голодъ, намъ і холодъ,
Намъ і хліба не дають,
Прийде празникъ воскресенье,
Намъ хочется погулять,
Намъ хочется погулять—
Прикащики не вилять;

Ну якъ прийде темна нічъ,
Ідемъ гулять на всю нічъ;
Ми гуляли-негуляли,
Цілу нічку прогуляли;
Ми приходимъ по утру,
Держать розокъ по пуку:
Ми хотіли оправдаться,
Вилять скоро роздіваться;
Ми хотіли побожиться,
Вилять скоро намъ ложиться...

(Запис. на Шебекинскомъ сахарномъ заводѣ бѣлгородскаго уѣзда Курской губ. 1890 г).

Дальнѣйшія записи, быть можетъ, дадутъ намъ еще болѣе цѣнные образчики соціальной, заводской пѣсни, а работы фабричной инспекціи выяснятъ намъ причины ихъ возникновенія, лежащія въ условіяхъ и отношеніяхъ, въ которыя поставленъ рабочій при капиталистической организаціи производства.

М. К. Васильевъ

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Пѣсня о Носовскомъ сахарномъ заводѣ.

Пѣсня записана въ м. Material Мринѣ Нѣжинск. у. отъ дивчатъ, работавшихъ въ м. Носовкѣ на сахарномъ заводѣ. Въ говорѣ жителей Мрина и вообще западной части Нѣжинскаго у. и сосѣднихъ селъ Козелецкаго у. слѣдуетъ отмѣтить звуки: 1) уи,—соотвѣтствующій вл.кр. о и украинскому і (напр. конь-кінь-куинь); звукъ у произносится вдвое протяжнѣе, чѣмъ и; 2) юи, причемъ ю слышится, болѣе протяжнымъ, чѣмъ и, напр. тюитка-тітка-тётка.

[1]) Такъ называются младшіе помощники, наблюдающіе за ходомъ работъ на отдѣльныхъ заводскихъ станціяхъ.



Шо въ Носу*и*вци на заводи
Нема коней не волу*и*въ,
Идуть машыны безъ пару*и*въ,
Машынисты безъ штану*и*въ,
Усе косы да и босы.
Да все курать папыросы.
Шо въ Носу*и*вци хлопци модны,
По тры дня сыдять голодны.
Якъ наварать намъ борщу, —
Хочъ собаци пу*и*дтащу;
Якъ укынуть барана,—
Ту*и*лько ку*и*сточка одна;
Мы ку*и*сточку обгрыземъ;
На роботу рано йдемъ.
Изъ роботы пу*и*зно йдемъ,
Дру*и*бненькыйи слёзы льемъ.
Якъ прыду я да домой:
Дай, хозяйину, рощотъ;
Мы додомочку пойдемъ
И на той годъ не прыйдемъ,
И собаку прывъяжемъ,
По всему Мрыну закажемъ,
Шобъ собака не 'дырвався,
Да въ Носу*и*вку не попався,
Бо въ Носу*и*вку попадеця, —
Много гора набереця.

Сообщилъ **А. Малинка**.

Собиранiе и изученiе латышскихъ народныхъ пѣсенъ [1]).

Какъ латышскiй языкъ представляетъ эпоху въ большинствѣ языковъ уже отжившую, такъ и памятники латышскаго народнаго творчества рисуютъ предъ нами картины давно минувшихъ временъ. А между памятниками народнаго творчества нѣтъ другихъ, столько распространенныхъ среди народа и столь глубоко проникнутыхъ его духомъ, какъ его пѣсни; ибо трудно чужимъ элементамъ проникать въ совершенно не хитрую, однако строго соблюдаемую форму этихъ пѣсенъ. Поэтому эти пѣсни могутъ имѣть нѣкоторый интересъ относительно изученiя старины.

Хотя надо предполагать, что и самые первые наши писатели, употреблявшiе латышскiй языкъ, были знакомы съ народными пѣснями, но первые ясные слѣды такого знакомства встрѣчаются только у Манцелiя въ 1638 году, въ его «Lettus das ist Wortbuch». Встрѣчаемые у Манцелiя отголоски народной поэзiи хотя не очень обширны, однако они могутъ уже служить свидѣтельствомъ того, что латышская народная поэзiя уже и въ тѣ времена по формѣ совпадала съ теперешней. Это предположенiе еще больше подтверждаетъ пасторъ Вишманнъ въ своемъ «Инонѣмецкомъ Опицѣ». (Johann Wischmann: Der Unteutsche Opitz, das ist Poeterei. 1697). Здѣсь примѣровъ уже больше, и данная Вишманномъ характеристика поэзiи латышскихъ крестьянъ заслуживаетъ и теперь еще вниманiя.

Больше пѣсенъ записывается въ 18 вѣкѣ. Старшiй Стендеръ въ обоихъ изданiяхъ своей грамматики (1761 и 1782 гг.) сохранилъ намъ значительное число четверостишiй. Въ то же самое время извѣстный Гердеръ знакомилъ нѣмецкую публику съ латышскою музою въ своихъ «Stimmen der Völker in Liedern». Гиппель въ своихъ Lebensläufe говоритъ, что отецъ его героя собралъ цѣлый «снопъ» (Garbe) латышскихъ пѣсенъ тихаго

---

1) Читано на X Археологическомъ Съѣздѣ въ Ригѣ, въ августѣ 1896 г.

пастушескаго характера. Соотвѣтствуетъ ли это истинѣ и что съ этими пѣснями сталось впослѣдствіи, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно.

Сборники пѣсенъ въ полномъ смыслѣ этого слова принадлежатъ нашему вѣку, въ началѣ котораго (1806—1808) пасторы Бергманнъ (въ Руенѣ) и Варъ (въ Пальцмарѣ) издали три сборника, содержавшихъ всего около 1000 пѣсенъ. Эти изданія, бывшія уже въ свое время библіографическими рѣдкостями, теперь почти исчезли, но содержаніе ихъ намъ приблизительно извѣстно по статьямъ Ульманна и Каттерфельда и по сборнику Бюттнера.

Мысль, высказанная Каттерфельдомъ въ 1835 г.: «Въ чемъ мы нуждаемся, это—собираніе» (Was uns Noth thut—ist sammeln),— была радостно встрѣчена дѣятелями страны. Въ 1844 г. пасторъ Бюттнеръ могъ представить публикѣ свой объемистый трудъ: «Пѣсни и баллады латышскаго люда». (Latweeschu lauschu dzeesmas un zinges). Пѣсенъ всего 2854, большинство записано Бюттнеромъ самимъ, но въ составъ книги вошли и прежніе сборники, равно какъ и пѣсни, записанныя Ульманномъ. Всего у Бюттнера было болѣе 4500 номеровъ, но онъ, какъ видно, и половины не напечаталъ, чѣмъ было достигнуто, что пѣсни этого изданія имѣютъ большое преимущество: это въ большинствѣ случаевъ пѣсни тщательно записанныя отъ хорошихъ исполнителей. Попадались, конечно, и пѣсни менѣе законченныя; въ такомъ случаѣ Бюттнеръ ихъ издаетъ съ своими конъектурами, о которыхъ однако даетъ отчетъ въ примѣчаніяхъ. Эти конъектуры не всегда могутъ быть признаваемы удачными, но всегда свидѣтельствуютъ о тонкомъ чутьѣ автора относительно свойствъ народнаго творчества. Такъ, если въ сборникѣ Бюттнера и встрѣчаемъ пѣсни, чисто національно-латышское происхожденіе которыхъ можетъ быть оспариваемо, то это случай рѣдкій и является слѣдствіемъ вліянія старыхъ авторитетовъ.

Прошло около 20 лѣтъ послѣ появленія трудовъ Бюттнера, а ничего замѣчательнаго не было совершено на этомъ поприщѣ. Но въ 60-хъ годахъ проснулись такъ называемыя національныя стремленія, и плодомъ ихъ была серьезная работа самихъ латышей надъ собираніемъ своихъ преданій. Юросъ Аллунанъ, Звайгзнитъ, Аусеклисъ, Кронвальдъ и другіе латышскіе дѣятели обращали свое вниманіе на этотъ вопросъ и возвратили народнымъ пѣснямъ въ глазахъ народа должное уваженіе.

Въ 1869 году Спрогисъ издалъ свои «Памятники латышскаго народнаго творчества». Изданіе Спрогиса, состоящее изъ пѣсенъ, почти исключительно имъ самимъ записанныхъ,

отличается двумя особенностями: 1) Спрогисъ первый въ своемъ сборникѣ соблюдаетъ систематическій порядокъ въ распредѣленіи пѣсенъ и 2) снабжаетъ свой сборникъ комментаріемъ.

У Спрогиса 5 главныхъ отдѣловъ: 1) Неорганическая природа и времена года, 2) Растенія, 3) Животныя, 4) Человѣкъ, 5) Сверхъестественный міръ. Каждый главный отдѣлъ распадается на подотдѣлы. И такимъ образомъ въ общемъ довольно легко у Спрогиса отыскать извѣстную пѣсню. Но этотъ порядокъ представляется довольно механическимъ, если примемъ въ соображеніе, что ни растенія, ни животныя, вообще ни одинъ предметъ, не воспѣвается отдѣльно отъ человѣка, а все получаетъ смыслъ и значеніе только отъ связи, въ какой находится съ человѣкомъ. Такъ, напримѣръ, подъ заглавіемъ «рѣка» Спрогисъ приводитъ слѣдующую пѣсню:

На камнѣ я сѣкла дрова,
Въ ручьѣ разводила огонь,
Дабы грѣлись тѣ люди,
Которые мнѣ не желаютъ добра.

Главная мысль здѣсь отношеніе къ недоброжелателю, а ручей или рѣка имѣютъ лишь постороннее значеніе. Но не смотря на такія неизбѣжныя затрудненія, которыя встрѣчаются при каждомъ принципѣ дѣленія, можно сказать, что Спрогисъ съ большимъ пониманіемъ и искусствомъ исполнилъ начатое дѣло. Его комментарій состоитъ въ точномъ переводѣ латышскихъ пѣсенъ на русскій языкъ. (И латышскій текстъ у него напечатанъ русскими буквами). Такимъ образомъ сборникъ Спрогиса имѣлъ въ виду читателей русскихъ. А чтобы для читателей, незнакомыхъ съ латышскимъ бытомъ, эти пѣсни были понятны, Спрогисъ намѣревался свое изданіе обставить обширными учеными объясненіями латышскихъ обычаевъ и нравовъ. Много такихъ замѣчаній уже было имъ написано, но по недостатку средствъ не было возможности ихъ напечатать, и Спрогисъ принужденъ былъ свои «Памятники» издать «въ скромномъ видѣ», какъ онъ самъ говоритъ, но и этотъ скромный видъ представляетъ много хорошаго и надежнаго матеріала для изученія латышей.

Одновременно съ Памятниками Спрогиса напечатаны были въ «Магазинѣ» общества, Lettisch-litterärische Gesellschaft пѣсни, собранныя въ Креславской окрестности графиней Целиною фонъ-Платеръ. Всего здѣсь 170 номеровъ, безъ всякаго дѣленія и объясненій; значеніе этого небольшого сборника заключается въ поэтичности нѣкоторыхъ пѣсенъ.

Четыре года спустя издано было Ѳ. Я. Трейландомъ-Бривземніаксомъ собраніе латышскихъ пѣсенъ. («Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи

и странахъ ей прилежащихъ, издаваемый В. Дашковымъ». Книга II. Москва, 1873). И здѣсь, какъ у Спрогиса, имѣется русскій переводъ, и латышскій подлинникъ напечатанъ русскими буквами. Пѣсенъ 1118. Встрѣчаются и поддѣльныя, какова, напримѣръ, безъ сомнѣнія 236 пѣсня. Особенное значеніе дѣятельности Трейланда состоитъ въ томъ, что онъ, получивши на собираніе этнографическихъ матеріаловъ о латышахъ премію В. А. Дашкова, объѣзжалъ по командировкѣ Моск. Общества Люб. Естеств., Антроп. и Этнографіи разныя мѣста населенной латышами страны и при помощи печати сталъ призывать къ собиранію въ большихъ размѣрахъ. Въ отвѣтъ на эти призывы началась неутомимая работа собиранія среди народа, предпринятая мѣстными силами[1]). Эти многочисленные «этнографы», конечно, не во всѣхъ случаяхъ удовлетворяли всѣмъ требованіямъ науки, но это не бѣда, лишь бы работа исполнялась добросовѣстно.

Параллельно съ записываніемъ текстовъ съ этого времени стали записывать и латышскую народную музыку. Здѣсь долженъ быть упомянутъ директоръ учительской семинаріи Цимзе, который при помощи своихъ семинаристовъ собралъ и издалъ латышскіе народные напѣвы. (Dzeesmu rota, lauka pukes). Сборники Цимзе встрѣчены были съ восторгомъ, и вездѣ стали ими пользоваться. Такимъ образомъ заслугою Цимзе является пробужденіе любви къ пѣнію между латышами. Но съ другой стороны эти сборники вліяли на латышскій вкусъ, и нежелательнымъ образомъ, ибо понятія Цимзе о народной пѣснѣ часто не соотвѣтствовали истинѣ: выдавались часто за латышскія пѣсни, генію латышскаго народа совершенно чуждыя, какъ напримѣръ ямбическія; чисто народные напѣвы часто передѣлывались на современный ладъ; гармонія же примѣнялась вездѣ совершенно современная, искусственная, подходящая къ нѣмецкому характеру.

Вѣрхомъ воодушевленія при этихъ работахъ является первое общелатышское пѣвческое празднество въ Ригѣ въ 1873 г. Тутъ были подняты вопросы, въ которыхъ потомъ еще долго обсуждалась суть латышской народной поэзіи. Латыши, теперь въ первый разъ съ полнымъ сознаніемъ убѣдившись въ красотѣ своихъ пѣсенъ, не знали имъ цѣны, между тѣмъ какъ Биленштейнъ назвалъ ихъ пѣснями, соотвѣтствующими дѣтскому возрасту (bernu dzeesmas), что принято было за обиду,

1) Кромѣ пѣсенъ, Ѳ. Я. Трейланду доставлялись чрезъ Общество и другіе матеріалы; изъ нихъ сборникъ сказокъ латышскихъ находится до сихъ поръ въ архивѣ Этнографич. Отдѣла, и нѣтъ надежды, чтобы онъ былъ изданъ Отдѣломъ, вслѣдствіе недостатка средствъ. *Ред.*



хотя этимъ Биленштейнъ вовсе не хотѣлъ сказать ничего обиднаго.

На ряду съ этимъ шелъ споръ и относительно музыки, причемъ одна сторона отличалась строгими, исключительными понятіями о народной музыкѣ, другая же признавала народною пѣснею каждую пѣсню, поющуюся народомъ.

Въ это время выступаютъ съ своими трудами Ульманнъ (младшій), Биленштейнъ и опять Бюттнеръ. Ульманнъ издаетъ около 500 пѣсенъ на нѣмецкомъ языкѣ въ метрическомъ переводѣ, а Биленштейнъ при помощи Ульманна начинаетъ печатать собранныя имъ пѣсни. Обѣ послѣднія книги относятся къ пятидесятилѣтнему юбилею помянутаго общества «Lettisch-litterärische Gesellschaft».

При всемъ искусствѣ Ульманна иная пѣсня въ его переводѣ лишается смысла или получаетъ другой отпечатокъ. Въ латышской пѣснѣ часто все построено на сравненіи, а когда грамматическій родъ предметовъ на другомъ языкѣ другой, тогда и самое сравненіе дѣлается чѣмъ-то невозможнымъ. Дѣвица, напримѣръ, чаще всего сравнивается съ яблонею, но такъ какъ яблоня (abele) по-нѣмецки мужескаго рода, то сравненіе дѣлается натянутымъ. Но въ этомъ конечно вина не Ульманна, а недостаткомъ его я считаю то обстоятельство, что онъ въ переводѣ пѣсни иногда слишкомъ отступаетъ отъ подлинника, разрывая, напримѣръ, существительное и его опредѣленіе въ разныя строки, что даетъ совершенно невѣрное понятіе о латышской пѣснѣ въ формальномъ отношеніи. Напримѣръ:

Für die Mädchen reiten stolze
Knaben ihre jungen Rosse (№ 53).

Въ составъ сборника Биленштейна должно было войти около 10,000 пѣсенъ, собранныхъ самимъ Биленштейномъ и его друзьями, включая сюда и сборникъ Бюттнера. Но это изданіе не было окончено. Вышло только два тома, содержащихъ 4793 пѣсни. Но и не будучи оконченнымъ, сборникъ Биленштейна въ свое время былъ не только самымъ обширнымъ, но и самымъ богатымъ въ разныхъ отношеніяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ пѣсни изъ всѣхъ областей латышской земли; очень хорошъ и порядокъ дѣленія пѣсенъ по отношеніямъ человѣка къ человѣку и къ разнымъ событіямъ семейной и домашней жизни. Другія, проектированныя части, какъ уже сказано, не вышли въ свѣтъ.

Мѣстами Биленштейнъ даетъ короткія примѣчанія, въ большинствѣ случаевъ очень характерныя. Въ каждомъ главномъ отдѣлѣ пѣсни размѣщены по мѣсту ихъ записи; неизбѣжно

при этомъ является повтореніе нѣсколькихъ очень похожихъ другъ на друга текстовъ. Азбука употребляется нѣмецкая, но безъ обыкновеннаго знака долготы «h». Зато каждый долгій слогъ означенъ горизонтальною чертою. Сопоставленіе текстовъ изъ одной мѣстности очень удобно для изученія разныхъ говоровъ, но жаль, что не упоминается, кто записалъ каждую пѣсню, такъ какъ авторитетъ сотрудниковъ въ соблюденіи тонкостей языка играетъ важную роль.

Снова собираніе встрѣтило поощреніе на третьемъ латышскомъ пѣвческомъ праздникѣ въ 1888 г., которому сборникъ Арона прямо и былъ посвященъ. Но этотъ сборникъ не имѣетъ научнаго характера, а съ своими глубоко прочувствованными введеніями обращается къ народу. Азбука простая нѣмецкая, безъ усовершенствованій; гдѣ и кѣмъ пѣсня записана, не говорится.

Послѣ этого пѣвческаго праздника изданы были два сборника: одинъ «Научнымъ комитетомъ при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ», а другой «Отдѣломъ письменности при Митавскомъ Латышскомъ Обществѣ». Первый есть изданіе нѣкоторыхъ матеріаловъ комитета и соблюдаетъ порядокъ Спрогиса; второй есть собраніе длинныхъ пѣсенъ (zinges), чего то въ родѣ балладъ; онъ похожъ на одно небольшое изданіе, явившееся уже гораздо раньше: это «Народныя пѣсни, собранныя на прибрежьи рѣки Венты» (по-латышски). При послѣднихъ трехъ изданіяхъ едва ли можетъ быть рѣчь о редакціи.

Болѣе важно то обстоятельство, что по поводу 3-го пѣвческаго празднества была при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ основана Музыкальная Комиссія. Этой то комиссіею—особенно стараніемъ проф. Юрьяна — было собрано множество чисто латышскихъ напѣвовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и изданія комиссіи и выставленные ею матеріалы на латышской этнографической выставкѣ при X Археологическомъ Съѣздѣ.

Изданіе доцента Э. А. Вольтера (Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губ. 1890) пытается записанныя пѣсни отчасти уже исчерпать въ этнографическомъ отношеніи. Пѣсенъ здѣсь около 1000. Встрѣчается очень много недоразумѣній, происшедшихъ, какъ кажется, по недостаточному знанію инфлянтскаго нарѣчія.

Мало знакомъ въ латышскомъ краѣ (но долженъ быть упомянутъ) сборникъ Уляновской, изданный съ польскими введеніями и польскимъ переводомъ въ Краковѣ 1892 г.; онъ содержитъ нѣсколько сотенъ номеровъ пѣсенъ на инфлянтскомъ нарѣчіи, между которыми есть и пѣсни сравнительно новыя, ибо въ нихъ упоминается Спаситель, что въ латышскихъ пѣсняхъ явленіе очень рѣдкое.

Это множество сборниковъ, какъ и рукописные матеріалы, накопившіеся у частныхъ собирателей, породили желаніе имѣть одинъ обнимающій всѣ матеріалы сборникъ. Такое предпріятіе было задумано Барономъ, который въ свое время въ Москвѣ раздѣлялъ съ Трейландомъ трудъ этнографическаго изученія латышей. Барону и ввѣрили всѣ остальные собиратели свои собранія, а Виссендорффъ далъ на это изданіе большія средства. Когда изданіе было начато, въ распоряженіи у Барона было 153000 пѣсенъ, число которыхъ впослѣдствіи возрасло до 200000. Конечно, въ этихъ матеріалахъ одна и та же пѣсня можетъ повторяться нѣсколько разъ, но все-таки Баронъ увѣренъ, что самостоятельныхъ пѣсенъ найдется около 20000. По большей части это четырехстишія.

Баронъ раздѣляетъ пѣсни соотвѣтственно періодамъ жизни человѣка. Азбука обыкновенная, за исключеніемъ инфлянтскихъ текстовъ, которые печатаются латинскими буквами. Варіанты не печатаются отдѣльно, но группируются около одной пѣсни, принятой за главную. По областямъ записыванія, какъ у Биленштейна, пѣсни здѣсь не распредѣляются, но условные знаки къ каждой строчкѣ варіанта, показываютъ, если это вообще возможно, кѣмъ и гдѣ пѣсня записана. Введеніе даетъ списокъ сотрудниковъ и число записанныхъ ими въ той или другой мѣстности пѣсенъ; но было-бы ошибочно на основаніи этихъ данныхъ составить статистическіе выводы относительно распространенія пѣсенъ. Числа здѣсь довольно случайны, ибо зависятъ отъ числа и неутомимости собирателей. Въ общемъ можно сказать, что легче встрѣтить живую пѣсню на окраинахъ, чѣмъ вблизи культурныхъ центровъ страны. Изданіе Барона-Виссендорффа «Latwju dainas», изъ котораго до сихъ поръ явилось 6 выпусковъ, превосходитъ уже и теперь всѣ другіе сборники. Число самостоятельныхъ пѣсенъ пока только 3334, но зато при этомъ издано и много тысячъ варіантовъ, что въ разсчетъ не принимается. Одинъ № 2258 имѣетъ болѣе ста варіантовъ.

Съ собираніемъ почти всегда совпадаетъ и изученіе пѣсни. Неумѣстно было бы здѣсь перечислять всѣ сочиненія, относящіяся къ народной пѣснѣ, въ виду того, что пѣсня служитъ исходною точкою при изслѣдованіи разныхъ вопросовъ: миѳологіи, древней культуры и т. п. Но считаю нужнымъ еще сказать нѣсколько словъ объ изслѣдованіяхъ относительно формы народной пѣсни. Исторія этихъ изслѣдованій мною изложена въ 1896 г. въ одномъ изъ выпусковъ журнала Латышскаго Литературнаго Общества. (Metrik des lettischen Volksliedes).

По вопросу о формѣ латышской народной поэзіи существуютъ три главные взгляда:

1) Биленштейнъ 40 лѣтъ тому назадъ объяснялъ форму лат. нар. пѣсни логическимъ удареніемъ; значеніе имѣютъ одни лишь арзисы; тезисы не принимаются въ разсчетъ, какъ въ древне-нѣмецкой поэзіи; важную роль играетъ parallelismus membrorum.

2) Зандерсъ вступается за старинное свободное удареніе, сохранившееся будто бы еще въ народныхъ пѣсняхъ.

3) Мое мнѣніе, что въ латышской народной пѣснѣ господствуетъ нынѣшнее грамматическое удареніе съ тѣмъ лишь условіемъ, что въ случаѣ столкновенія двухъ удареній оба слова относительно произношенія принимаются за одно. Этотъ случай бываетъ тогда, когда предшествующее слово односложное. Тезисы необходимы; parallelismus membrorum, аллитерація и т. п. не признаются основными принципами.

Вотъ примѣръ: Kam, saulite... (зачѣмъ, солнышко?...)

По нынѣшнему грамматическому ударенію слѣдуетъ сказать: sáulite съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а пѣсенники говорятъ: kam saulite съ удареніемъ на второмъ слогѣ: «li». По Биленштейну это потому, что слово «kam» логически важнѣе слова saulite; по Зандерсу здѣсь слово «saulite» сохранило старинное удареніе; по моему оба слова «kam saulite» слились въ одно звуковое единство, а saulite получаетъ вспомогательное удареніе.

Несомнѣннымъ результатомъ этихъ изслѣдованій является то, что латышская народная поэзія знаетъ только хореи и дактили. Строго соблюдается цезура, а передъ нею различаются долгіе, короткіе и средніе слоги; короткіе: a, e, i, u; as, es, is, us; средніе: ai, ei; долгіе—всѣ остальные. Это явленіе занимаетъ наблюдателей отъ времени Вишманна (срв. его Инонѣмецкій Опицъ 1697 г.) до нашихъ дней.

Долгій слогъ посредствомъ прибавленія краткихъ a, e, i можетъ передъ цезурою образовать два слога, равно какъ двухсложное слово съ короткимъ слогомъ на концѣ передъ цезурою можетъ сокращаться въ одинъ долгій слогъ. Эта измѣнчивость числа слоговъ, которая не только возможна, но при пѣніи всегда необходима, очень препятствуетъ переводу латышской народной пѣсни на другіе языки съ сохраненіемъ свойственной этой пѣснѣ формы. Чѣмъ эта измѣнчивость обусловливается, еще недостаточно уяснено. Зубатый это объясняетъ древними окончаніями, которыя уже исчезли въ обыденной рѣчи, но въ поэзіи еще могутъ употребляться. Но такъ какъ эти формы почти безъ исключенія замѣчаются только передъ цезурою, то остается еще сомнительнымъ, органическое ли это явленіе.

Но выше всякаго сомнѣнія стоитъ та истина, что латышская народная пѣсня по простотѣ формы и содержанія есть поэзія глубокой древности, и что она насъ знакомитъ съ бытовыми явленіями старины посредствомъ свѣтлыхъ картинъ дѣтскаго міросозерцанія, въ которыхъ весь древній міръ отражается какъ живой.

Л. А. Берзинь.

Къ исторіи этнографическихъ изученій.

Письма Ю. Фейфалика и В. Маннгардта къ А. Н. Аѳанасьеву.

Работая надъ біографіей А. Н. Аѳанасьева, мы нашли печатаемыя ниже письма въ перепискѣ его, любезно сообщенной намъ Е. И. Якушкинымъ. Печатая ихъ здѣсь, мы полагаемъ, что они могутъ послужить не лишнимъ матеріаломъ къ исторіи русской науки. Кромѣ того, одно изъ писемъ Маннгардта напоминаетъ о любопытномъ фактѣ въ исторіи собиранія народнаго эпическаго запаса, имѣвшемъ отношеніе къ Россіи. Въ началѣ 60-хъ годовъ Маннгардтъ, начавъ заниматься земледѣльческими обрядами, задумалъ обширный планъ собиранія необходимыхъ для его темы матеріаловъ и разослалъ почти по всѣмъ европейскимъ странамъ выработанную имъ программу, съ просьбой распространить ее возможно шире и присылать ему собранный матеріалъ. Ту-же просьбу обратилъ онъ черезъ А. Н. Аѳанасьева къ Московскому Археологич. Обществу. Общество напечатало въ своихъ «Древностяхъ» программу Маннгардта и разослало ее въ большомъ количествѣ отдѣльныхъ оттисковъ по Россіи (часть попала и въ Славянскія земли). Объ этомъ предпріятіи и говоритъ Маннгардтъ въ своихъ письмахъ. Дальнѣйшая исторія предпріятія не вполнѣ ясна. Изъ письма Маннгардта къ П. В. Шеину въ концѣ 1876 г.[1]) видно, что въ Археологич. Общество поступали отвѣты на программу, и много записей изъ Болгаріи было передано Каравеловымъ, но Маннгардтъ не получилъ ничего. Какая судьба постигла этотъ матеріалъ? Наведенныя нами справки (которыя, по обстоятельствамъ, не могли быть вполнѣ точными) не обнаружили въ Археологич. Обществѣ слѣдовъ этихъ отвѣтовъ; точно также ни къ чему не привели попытки узнать, не остались ли они въ бумагахъ А. А. Котляревскаго (въ письмѣ къ Шеину Маннгардтъ го-

---

[1]) См. Этнографич. Обозрѣніе кн VII. 1890 г. стр. 150—164. Здѣсь есть свѣдѣнія о планѣ Маннгарда.

воритъ, очевидно со словъ Аѳанасьева, что собранный матеріалъ перешелъ отъ Аѳанасьева къ Котляревскому). По крайней мѣрѣ въ тѣхъ бумагахъ Котляревскаго, къ которымъ имѣлъ доступъ А. Н. Пыпинъ при составленіи біографіи его, данныхъ матеріаловъ не было. Такимъ образомъ, слѣды этого собранія пока затеряны. Жаль, что оно не попало своевременно въ руки Маннгарда; еще болѣе жаль, если оно лежитъ и теперь гдѣ-либо, затерявшись между какими-нибудь бумагами, безъ пользы для науки.

Неизвѣстно также, заинтересовалъ ли кого-либо въ Археологическомъ Обществѣ вопросъ о Данцигской урнѣ, подробныя свѣдѣнія о которой даны Маннгардтомъ въ одномъ изъ писемъ.

Въ „Исторической Запискѣ" о дѣятельности Общества за первые 25 лѣтъ, въ спискѣ трудовъ членовъ, напечатанныхъ въ его изданіяхъ, мы нашли только одну статью Маннгардта «Къ исторіи древнеславянскаго народа», помѣщенную въ «Археологическомъ Вѣстникѣ» 1867 г., мартъ—апрѣль, страницы 57—61; это и есть то сообщеніе о Кашубскихъ древностяхъ и о завязываніи бороды, о которомъ говорится въ его письмѣ 1866 г.

Въ письмахъ Ю. Фейфалика, кромѣ програмы къ собиранію дѣтскихъ пѣсенъ и поговорокъ (повидимому ему не удалось довести до конца свой сборникъ,—мы не нашли такой книги въ спискѣ произведеній Фейфалика) заслуживаетъ вниманія указаніе, что нѣсколько сказокъ (изъ двухъ первыхъ выпусковъ собранія Аѳанасьева) были помѣщены имъ въ переводѣ въ какомъ-то журналѣ. Намѣреніе Фейфалика перевести все собраніе, очевидно, не осуществилось; о немъ уже не говорится во второмъ письмѣ.

Мы не знаемъ размѣровъ переписки Аѳанасьева даже съ двумя названными учеными, не говоря уже о другихъ сношеніяхъ, которыя навѣрно были. Въ семьѣ его помнятъ хорошо, что онъ переписывался съ Гриммомъ. Вѣроятно, это былъ Яковъ; въ концѣ 50-хъ годовъ Як. Гриммъ встрѣтилъ въ Берлинѣ молодого русскаго, занимавшагося народнымъ творчествомъ (П. В. Шеина) и бесѣдовалъ съ нимъ о Сказкахъ Аѳанасьева, которыхъ онъ зналъ первые два выпуска, очевидно, получивъ ихъ отъ автора. (Гриммъ немного разбиралъ по-русски). Гриммъ поручилъ П. В. Шеину по возвращеніи въ Россію обязательно отправиться къ Аѳанасьеву, съ которымъ Шеинъ не былъ тогда знакомъ, и свезти ему поклонъ[1]). Въ имѣющейся у насъ подъ руками перепискѣ А. Н Аѳанасьева есть также дружеское письмо отъ А. Патеры (1867 г.),

1) Слышано отъ П. В. Шеина.

который очевидно познакомился съ Аѳанасьевымъ во время Славянскаго Съѣзда въ Москвѣ, въ 1867 г.

Уже изъ этихъ скудныхъ и отрывочныхъ данныхъ видно, что А. Н. Аѳанасьева и его работы знали за границей. Тонъ всѣхъ дошедшихъ до насъ писемъ свидѣтельствуетъ о полномъ уваженіи къ его трудамъ и о признаніи ихъ научнаго значенія. Въ такомъ же смыслѣ говоритъ объ немъ Маннгардтъ въ предисловіи къ 2 тому своихъ «Wald und Feldkulte».

А. Грузинскій.

I.

Письма Ю. Фейфалика.

I. Извините, что я, будучи совершенно незнакомъ съ Вами, отваживаюсь обратиться къ Вамъ съ однимъ научнымъ вопросомъ. Мнѣ придаетъ смѣлости сознаніе, что я поступаю такъ съ серьезной цѣлью, и съ другой стороны увѣренность въ томъ, что при Вашемъ отличномъ знаніи русской народной жизни Вы можете дать мнѣ самый лучшій и точный отвѣтъ.

Именно, я уже давно занимаюсь изданіемъ собранія чешскихъ и моравскихъ дѣтскихъ риѳмъ, поговорокъ и игръ.

Вы отлично понимаете, насколько необходимо въ такихъ сборникахъ сравненіе того, чѣмъ обладаютъ различныя славянскія племена; это особенно относится къ русскимъ, у которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ сохранилось столько стариннаго и поучительнаго, что лишь у русскихъ и въ русскихъ народныхъ обычаяхъ находились объясненіе и смыслъ иначе совершенно непонятнымъ вещамъ. Но къ сожалѣнію литературныя связи между нами и Вашимъ отечествомъ крайне слабы, и всякій, занимающійся миѳологіей или чѣмъ-либо сроднымъ ей, долженъ сожалѣть объ этомъ въ виду всё увеличивающагося значенія, которое пріобрѣтаетъ Россія въ наукѣ.

Болѣе или менѣе случайно доходятъ сюда книги изъ Россіи, здѣшнія-же библіотеки очень бѣдны въ этомъ отношеніи. Поэтому мои свѣдѣнія о поговоркахъ и играхъ русскихъ дѣтей очень скудны и ограничиваются почти тѣмъ, что сообщаютъ объ играхъ Сахаровъ въ своихъ Сказаніяхъ и Снегиревъ въ своей книгѣ «О народныхъ праздникахъ». Я осмѣливаюсь поэтому обратиться къ Вамъ съ двойною просьбою: прежде всего сообщить мнѣ названія тѣхъ книгъ или журналовъ, въ которыхъ уже появились русскія дѣтскія пѣсни, поговорки и игры; я постараюсь ихъ пріобрѣсти впослѣдствіи. А затѣмъ, если только это не доставитъ Вамъ слишкомъ много труда, (я прошу Васъ) сдѣлать мнѣ письменное сообщеніе о такихъ поговоркахъ и играхъ.

Само собою разумѣется, что я былъ бы Вамъ очень обязанъ за Вашу доброту и всегда готовъ при первой возможности отплатить Вамъ подобной-же услугой.

Позволю себѣ намѣтить Вамъ нѣкоторые пункты, на которые Вы будете добры обратить особенное вниманіе при собираніи такихъ поговорокъ.

1) Риѳмованный счетъ, т.-е. такія поговорки, которыя въ ходу у дѣтей, когда они конаются передъ игрой. Такія поговорки существуютъ навѣрно и въ Россіи, и я прошу Васъ сообщить мнѣ ихъ даже и въ томъ случаѣ, если онѣ, какъ это часто бываетъ, повидимому совершенно безсмысленны.

2) На животныхъ и растенія у дѣтей тоже существуютъ различныя поговорки. Такъ, у западныхъ славянъ (также и у васъ?) на божью коровку (Coccinella septempunctata, по-русски козявка), чтобы она слетѣла съ пальца; на улитку, чтобы она высунула рожки; на кукушку, когда она кукуетъ весною; на ворону, вóрона, сокола, на быка, корову и стадо коровъ, на дикаго голубя, бабочку и т. д. Точно также на различныя растенія. — Какая птица или какое животное по русскому народному повѣрью приноситъ дѣтей? У западныхъ славянъ это — ворона, или коршунъ (falco milvus), у нѣмцевъ—аистъ; точно также у обоихъ народовъ дѣтей находятъ въ колодцахъ, созданными изъ воды. — Какое повѣрье связано съ кукованьемъ кукушки?

3) Возгласамъ и крикамъ животныхъ принято придавать извѣстное значеніе. Такъ, малороссы говорятъ про одинъ изъ видовъ синицы, что она кричитъ весною: «покынь сани, визьмы визъ!» Подобныя толкованія крика животныхъ я прошу Васъ сообщить мнѣ.

4) Дѣти западныхъ славянъ, срѣзая весною себѣ свистульки изъ ивы или другихъ вѣтокъ, употребляютъ при этомъ извѣстныя поговорки. Есть ли это и у русскихъ?

5) Точно также есть поговорки и пѣсни, относящіяся къ дождю и солнцу, которыя въ высшей степени интересны въ миѳологическомъ отношеніи. Не меньше этого важны и пѣсни при жатвѣ, при молитвѣ (? bei der Bitte) и проч. Есть поговорки и пѣсни, произносимыя дѣтьми безъ всякаго опредѣленнаго повода.

6) Пока дѣти малы, родители охотно принимаютъ участіе въ ихъ играхъ; они катаютъ ихъ верхомъ у себя на колѣняхъ, ласкаютъ ихъ на всякіе лады, щекочутъ, пересчитываютъ имъ пальчики и т. д. На всё это имѣются различныя поговорки и пѣсенки.

7) Также принято говорить дѣтямъ сочетанія трудно произносимыхъ словъ, скороговорки, которыя часто заключаютъ въ себѣ *аллитерацію*, и дѣти учатся повторять ихъ.

8) Дѣти и народъ находятъ удовольствіе въ загадкахъ, при чемъ это часто переходитъ въ игру словъ. Прошу Васъ обратить здѣсь особенное вниманіе на загадки о *яйцѣ*. Вѣроятно, у васъ имѣются печатные сборники такихъ народныхъ загадокъ.



9) У дѣтей, или, смотря по обычаямъ, и у взрослыхъ существуютъ разнообразныя поговорки и пѣсни на опредѣленные праздники. Такъ, на Рождествѣ и въ Новый Годъ, при Коледѣ или Колядѣ, на Пасхѣ. У западныхъ славянъ (едва-ли у русскихъ) за 2 недѣли до Свѣтлаго Воскресенья, въ недѣлю Laetare изгоняютъ смерть, Морену. Также въ Григорьевъ день (12-го марта) и на Власія у здѣшнихъ школьниковъ бываютъ школьные праздники. При всѣхъ этихъ праздникахъ дѣти ходятъ изъ дому въ домъ распѣвая и попрошайничая (что это употребительно при колядованіи у русскихъ, я знаю изъ Исторіи Карамзина, но тексты такихъ пѣсенъ мнѣ неизвѣстны).

10) Дѣтскія игры, наконецъ. Я прошу Васъ обратить особенное вниманіе на такія игры, гдѣ дѣти пляшутъ въ кругу и при этомъ поютъ. Пожалуйста, приложите также и описаніе порядка такихъ игръ.

Вотъ, кажется, все существенное. Если у васъ въ обычаѣ еще что нибудь, чего я не знаю, передайте это мнѣ. Во всемъ матеріалѣ, который Вы будете добры сообщить мнѣ, прошу Васъ удерживать русскій языкъ и также хоть приблизительно указывать мѣстность, гдѣ въ ходу тотъ или другой обычай.

О рѣдкихъ устныхъ выраженіяхъ я, разумѣется, долженъ буду просить Васъ давать поясненія, такъ-же, какъ Вы это сдѣлали въ Вашихъ сказкахъ.

Разъ ужъ я заговорилъ о Вашихъ прекрасныхъ народныхъ русскихъ сказкахъ, которыхъ я знаю два выпуска, я не могу высказать Вамъ своей искренней радости по поводу этой въ высшей степени интересной книги. Я позволилъ себѣ говорить о ней въ одномъ нѣмецкомъ періодическомъ изданіи и воздалъ ей должную честь. Нѣкоторыя-же изъ сказокъ я помѣстилъ въ переводѣ въ журналахъ, разумѣется съ обозначеніемъ моего источника.

Было бы очень желательно, чтобы Вы позволили перевести всю книгу на нѣмецкій языкъ, и я попросилъ бы Васъ на этотъ случай указать Ваши условія.

Еще разъ, позвольте поручить Вашему благосклонному вниманію мою, можетъ быть, слишкомъ смѣлую просьбу. Въ случаѣ недостатка у Васъ времени для ея исполненія Вамъ, конечно, можно будетъ поручить это кому нибудь другому. Можетъ быть, Вы укажете кого нибудь и въ Царствѣ Польскомъ, къ кому я могъ бы обратиться съ подобной-же просьбой.

Примите увѣренія въ моемъ совершенномъ почтеніи, съ которымъ я остаюсь,

Вашъ преданный *Юліусъ Фейфаликъ*,
членъ многихъ ученыхъ обществъ.

Вѣна,
14 сент. 1858 г.

P. S. Я позволилъ себѣ написать Вамъ по-нѣмецки, потому что, какъ я увидалъ изъ сказокъ, Вы владѣете этимъ языкомъ. Что ка-

сается до Вашего благосклоннаго отвѣта, я прошу Васъ сообщить его мнѣ по желанію на нѣмецкомъ, французскомъ или русскомъ языкахъ, прилагаемыя-же пѣсни во всякомъ случаѣ на русскомъ языкѣ.

II. Я долженъ у Васъ просить извиненія за то, что я такъ поздно, только теперь, приношу Вамъ благодарность за Ваши дружескія и цѣнныя сообщенія, а также за 3 и 4 выпуски Вашихъ интересныхъ Сказокъ; я всё откладывалъ отвѣтъ до тѣхъ поръ, пока получилъ возможность послать Вамъ съ своей стороны вещь, хоть сколько-нибудь стоящую вниманія, и такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. То, что я могу послать Вамъ на этотъ разъ, конечно, совершенно несравнимо по важности съ Вашимъ подаркомъ, и я не имѣю на то притязаній, но, быть можетъ, Вы найдете въ этомъ кое что интересное для Васъ. Вы получаете рядъ моихъ академическихъ работъ: 1) О королѣ Венцелѣ Богемскомъ, какъ о нѣмецкомъ пѣвцѣ, и о недостовѣрности древнебогемскихъ písen milostná Krále Václava. 2) Объ отрывкѣ одного древне-верхне-нѣмецкаго стихотворенія о страшномъ судѣ (Muspilli). 3) Изслѣдованія о древнебогемскомъ стихосложеніи, выпускъ I-й. 4, 5) двѣ богемскія народныя книги къ сказанію о Рейнфритѣ Брауншвейгскомъ, съ прибавленіемъ къ этому труду. 7, 8, 9, 10) Этюды по исторіи древнебогемской литературы, тетради I—IV; далѣе—рядъ небольшихъ статеекъ изъ XII тома Трудовъ Записокъ историко-статистической секціи въ Бруннѣ и наконецъ мою, только что появившуюся книгу о Краледворской рукописи. Я не прибавляю сюда двухъ изданныхъ мною древнегерманскихъ стихотвореній, такъ какъ они не должны имѣть для Васъ никакой цѣны.

Приблизительно черезъ 2 мѣсяца я думаю докончить и предложить Вамъ книгу о «Славянскихъ народныхъ зрѣлищахъ въ Моравіи», которую я теперь издаю и гдѣ мною сообщается рядъ моравскихъ рождественскихъ игръ, крещенскихъ, Paradeis und Dorotheenspiele; всѣ онѣ, быть можетъ, представятъ для Васъ извѣстный интересъ; за этимъ послѣдуетъ рядъ другихъ статей изъ Записокъ нашей академіи, находящихся теперь въ печати.

Простите, что и на этотъ разъ я буду утруждать Васъ просьбами. Несмотря на всѣ старанія, мнѣ не удалось достать здѣсь книгу „Малорусскія и Галицкія загадки, изданныя Александромъ Сементовскимъ". Кіевъ 1851 г. въ 8°. Не можете-ли Вы мнѣ доставить ее? Я съ удовольствіемъ возвращу Вамъ потомъ ея стоимость или деньгами, или вышлю Вамъ, если Вы пожелаете, взамѣнъ этой какую-либо нѣмецкую книгу. Точно такъ-же напрасно старался я достать очень важное и какъ разъ теперь необходимое для меня сочиненіе Пекарскаго, „Мистеріи и старинный театръ въ Россіи"; можетъ быть, оно помѣщено въ одномъ изъ періодическихъ изданій; въ послѣднемъ случаѣ я попросилъ бы Васъ скорѣе извѣстить меня объ этомъ, если-же статью эту можно имѣть отдѣльно, пожалуйста, вышлите мнѣ и эту книжку.

А. Н. Пыпинъ въ своемъ Очеркѣ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 223, упоминаетъ, ссылаясь на Снегирева, о двухъ не изданныхъ народныхъ книгахъ: 1) о Василіи Королевичѣ Златовласомъ Чешскія земли и 2) объ Атылѣ королѣ Угорскомъ; особенно послѣдняя имѣла бы для меня большое значеніе, но и первая благодаря своему содержанію; нельзя ли дать мнѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о содержаніи той и другой книги или, смотря по обстоятельствамъ, и копію съ рукописей? Вообще книги по народной литературѣ имѣютъ для меня громадный интересъ; не появилось-ли чего либо новаго въ этой области и нѣтъ-ли какихъ либо напечатанныхъ сборниковъ? въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности Тихонравова появились въ печати нѣкоторые очень важные изъ нихъ. Я знаю объ этомъ прекрасномъ предпріятіи черезъ Миллошича, который получилъ тетради отъ самого издателя, къ сожалѣнію лишь 1859 г., тетради I и III, такъ что оно повидимому запаздываетъ, что очень жаль. Что вообще появилось у Васъ новаго въ области русской исторіи литературы?

Можно пожалѣть, что у васъ нѣтъ такихъ библіографическихъ журналовъ и литературныхъ обзоровъ, которыми мы такъ богаты въ Германіи, или, если они существуютъ, что они совершенно неизвѣстны у насъ. Въ общемъ дѣло съ русской литературой обстоитъ у насъ въ высшей степени плачевно, узнаёшь о новѣйшихъ научныхъ трудахъ почти всегда случайно, и если хочешь пріобрѣсти себѣ то, что заинтересовало — не съ кѣмъ поговорить и посовѣтоваться.

Я прилежно занимаюсь изученіемъ Вашихъ сказокъ; III и IV томы имѣютъ для меня совершенно особую важность, потому что они касаются животнаго эпоса, которымъ я много занимался. Я нашелъ въ нихъ теперь богатый запасъ интереснѣйшихъ сказокъ о животныхъ, котораго никогда бы не предположилъ у Васъ; еще болѣе интереса придаетъ имъ то, что онѣ такъ часто согласуются съ западными народными преданіями, причемъ нельзя допустить и самой отдаленной мысли о заимствованіи.

Примите еще разъ мою сердечную благодарность и мой лучшій привѣтъ. Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ

Вѣна, Вамъ преданный *Юлiусъ Фейфаликъ.*
17 ноября 1860.

II.

Письма В. Маннгардта.

Данцигъ, $18\frac{15}{9}66$.

I. Замедленіе всѣхъ книжныхъ сношеній вслѣдствіе войны было причиной того, что Вашъ хорошій и цѣнный подарокъ, отправленный изъ

Москвы въ маѣ, дошелъ до меня только нѣсколько недѣль назадъ [1]). Вотъ почему я только теперь собрался выразить Вамъ свою горячую, сердечную благодарность за Ваше письмо, за Вашу превосходную книгу и за сильную поддержку въ Археологическомъ Обществѣ моего предпріятія. Къ сожалѣнію, я слишкомъ плохо знакомъ съ русскимъ языкомъ, такъ что не могъ совершенно читать Вашу книгу безъ помощи одного друга, владѣющаго русскимъ языкомъ, но и съ нимъ мы пока прочитали лишь нѣкоторыя мѣста Вашей книги. А именно, меня въ высшей степени заинтересовало то, что сообщается тамъ о *завязываніи зерновой бороды*, какъ Вы можете видѣть изъ моей замѣтки объ этомъ, недавно посланной въ Археологическое Общество. Собственно говоря, она предназначалась Вамъ лично, но мнѣ хотѣлось въ то-же время дать хотя слабое доказательство моего добраго желанія исполнять обязанности члена-корреспондента. Если сообщеніе мое о кашубскихъ древностяхъ возбудило интересъ между членами Общества, я могъ бы, лишь только узнаю это, написать имъ еще о другихъ немаловажныхъ находкахъ, которыя проливаютъ свѣтъ на древнеславянскую жизнь въ нашей мѣстности. Каменный вѣкъ у насъ очень скудно представленъ и большинство находокъ относятся къ новѣйшему періоду бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ; нахожденіе англосаксонскихъ и Оттоновскихъ монетъ заставляетъ пріурочивать къ X—XII столѣтіямъ наши вендскія могилы, въ которыхъ были найдены также и урны съ изображеніями лицъ (Gesichtsurnen). Здѣшнее Общество Естествоиспытателей обладаетъ урною, выкопанною въ началѣ прошлаго столѣтія и содержащею въ себѣ надпись, шрифтъ которой несправедливо признали за руническій; въ дѣйствительности же она не имѣетъ ничего общаго ни съ рунами ни вообще съ какой-либо производной формой древнесемитической азбуки (изъ которыхъ, какъ извѣстно черезъ многія посредствующія звенья, происходятъ и руны). Эта знаменитая руническая урна (очень дурно изображенная у В. Гримма въ «Нѣмецкихъ Рунахъ») заслуживала бы, конечно, болѣе точнаго воспроизведенія.

Такого-же вниманія заслуживаетъ найденный въ болотѣ, въ семи миляхъ отъ Данцига, и находящійся на сохраненіи въ одномъ изъ сосѣднихъ замковъ, большой гранитный обломокъ, покрытый съ 3-хъ сторонъ грубыми изображеніями человѣческихъ фигуръ и служившій когда-то, вѣроятно, пограничнымъ камнемъ, — онъ стоитъ вниманія потому, что, можетъ быть, эти человѣческіе образы суть изображенія боговъ. Если-бы я располагалъ нѣкоторыми средствами, я привелъ бы въ исполненіе давнишнее свое желаніе фотографировать эти предметы въ соотвѣтственномъ размѣрѣ, но теперь собственныя мои ограниченныя средства вовлечены въ предпріятіе, которымъ я въ настоящее время занятъ, такъ какъ правительственной субсидіи далеко не хва-

[1]) Рѣчь идетъ о I т. „Поэтич. Воззрѣній“, вышедшемъ въ 1864 г. *А. Г.*



таетъ на покрытіе расходовъ; а здѣсь нѣтъ никого, кто хотя сколько нибудь интересовался бы древностями страны.

Ваши сообщенія возбуждаютъ во мнѣ сильное желаніе хорошенько вникнуть во *все содержаніе* Вашей книги и получить изъ нея вмѣстѣ съ литературными указаніями *основы* знакомства съ истинными источниками русской миѳологіи, и обозрѣть всю наличность какъ древнихъ свидѣтельствъ, такъ и традиціи, вновь выводимой изъ народныхъ сказаній и преданій. Касательно Эстляндіи и Лифляндіи я довольно хорошо освѣдомленъ, и могу критически сопоставить источники, опираясь на довольно полный подборъ всѣхъ подлинныхъ древнихъ свидѣтельствъ, идущихъ въ хронологическомъ порядкѣ; относительно же русскихъ — у меня еще большой недостатокъ въ пригодныхъ пособіяхъ. При всемъ выдающемся значеніи Вашихъ замѣчаній о завязываніи въ честь Волоса зерновой бороды, они возбуждаютъ во мнѣ нѣкоторые вопросы, и желаніе болѣе подробныхъ сообщеній. Вы упоминаете, что этотъ обрядъ «завязыванія Волосу зерновой бороды» въ обычаѣ на югѣ Россіи; но при этомъ нѣтъ *точнаго обозначенія* мѣстности. Извѣстенъ ли этотъ обычай въ *одномъ* лишь мѣстѣ или во *многихъ* и гдѣ именно онъ прослѣженъ? Не бываетъ ли въ мѣстахъ, гдѣ констатированъ этотъ обычай, варіацій въ подробностяхъ? Далѣе, Вы говорите, что «въ честь этой бороды поются употребительныя при этомъ обрядѣ пѣсни». Записаны ли онѣ? Для сужденія объ обычаѣ важно было бы имѣть и тексты.

Также очень заинтересовало меня Ваше положительное утвержденіе (на стр. 34, 35), о вліяніи *аналогіи* на происхожденіе примѣтъ, гаданій и заговоровъ.

Благодаря присутствію въ нашей странѣ многихъ тысячъ австрійскихъ военноплѣнныхъ, я получилъ случай этимъ лѣтомъ не только значительно увеличить мой запасъ аграрныхъ обычаевъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ имперіи, но и собрать весьма интересный и важный матеріалъ изъ Богеміи, Моравіи и Галиціи. Такъ, между прочимъ, я пріобрѣлъ рѣшительное доказательство, что многоголовыя божества, съ которыми насъ познакомили Гельмольдъ и Саксонъ Грамматикъ у Вендовъ, у Чеховъ находятъ подтвержденіе въ дѣйствительномъ народномъ повѣрьи.

Такъ какъ я на этихъ недѣляхъ жду изъ Варшавы отъ г. К. В. Войцицкаго присылки польскихъ записей изъ этого королевства, то можно надѣяться, что я буду имѣть въ рукахъ достаточно средствъ для взаимной провѣрки сообщеній изъ различныхъ частей Польши (Прусскіе Мазуры, Австрійская Галиція и Русская Польша). Тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ я буду ждать изъ Россіи дальнѣйшихъ находокъ, которыхъ, надо надѣяться, появится въ свѣтъ большое количество, благодаря любезной разсылкѣ моихъ вопросовъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ; тогда я могу рѣшить, насколько совпадаетъ восточнославянская традиція съ германской и съ западно и южно-славянской и чѣмъ она отъ нихъ отличается.

Если Вы мнѣ дадите возможность поставить въ границы нѣмецкій народный обычай и установить его отношенія къ преданіямъ нашихъ восточныхъ сосѣдей, то я надѣюсь избѣжать многихъ односторонностей, въ которыя неизбѣжно впадаетъ изслѣдованіе, ограниченное одною этнографическою областью; тѣмъ самымъ я, быть можетъ, окажу въ свою очередь нѣкоторую услугу и Вашимъ изысканіямъ. Поэтому я принимаю съ глубочайшею благодарностью то цѣнное содѣйствіе, которое Вы оказали моему предпріятію, и прошу Васъ не оставить его и дальше своей поддержкой и участіемъ въ Археологическомъ Обществѣ. Позвольте мнѣ также обратиться къ Вамъ за совѣтомъ, когда мнѣ это понадобится при болѣе подробной разработкѣ русскихъ матеріаловъ.

Я былъ бы крайне счастливъ, если бы могъ Вамъ оказать съ своей стороны какую-либо услугу. Съ чувствомъ высокаго уваженія остаюсь

Вамъ преданный *Вильгельмъ Маннгардтъ.*

Данцигъ, $18\frac{2}{6}67$.

II. Вы получаете очень поздно выраженіе моей живѣйшей признательности за Ваше любезное письмо отъ января мѣсяца и за сообщеніе относящихся къ завязыванію зерновой бороды пѣсенъ. Продолжительное нездоровье и усиленная работа вызвали это промедленіе. При этомъ благоволите получить фотографіи, которыя вы желали имѣть.

Двѣ изъ нихъ изображаютъ знакомыя уже Вамъ урны съ лицами, рисунокъ которыхъ я Вамъ уже посылалъ; три остальныя представляютъ такъ называемую Данцигскую руническую урну, о которой я не разъ говорилъ. Красныхъ чертъ на оригиналѣ нѣтъ; это — просто проведенныя мѣломъ линіи, которыя я велѣлъ начертить, чтобы отдѣлить надпись. Цифры I, II, III обозначаютъ раздѣленіе въ послѣдовательномъ порядкѣ слѣва направо.

Означенная урна представляетъ въ настоящее время собственность Общества Естествоиспытателей въ Данцигѣ и хранится въ его помѣщеніи. Она была выкопана въ одной милѣ отъ Данцига изъ Померанско-Прусской цѣпи холмовъ, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія. Она стояла въ могилѣ, которая, судя по описанію, относилась, вѣроятно, къ нашимъ обыкновеннымъ Венденскимъ могильникамъ желѣзнаго вѣка.

Могила представляла гробообразную каменную кладку изъ расколотыхъ полевыхъ камней, между которыми стоялъ еще второй сосудъ съ пепломъ изъ красноватой глины, отличавшійся болѣе значительными размѣрами и болѣе изящной работой. Находки попали во владѣніе Данцигскаго бургомистра Шрёдера, и потомъ уже отъ его сына перешли къ городу. Во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка онѣ сохра-

нялись въ библіотекѣ Ратуши. Какъ и когда онѣ перешли въ собственность Общества Естествоиспытателей — неизвѣстно.

Уже въ 1723 г. Bayer въ своей диссертаціи De nummo Rhodio in agro Sambiensi reperto и въ 1724 г. Reusch въ своемъ сочиненіи De tumulis et urnis sepulcralibus in Prussia сообщили свѣдѣнія объ одной изъ этихъ урнъ, снабженной надписью, и дали ея изображеніе. Лишь сто лѣтъ спустя К. Риттеръ въ своемъ Введеніи къ исторіи народовъ Европы 1820 г. снова напомнилъ объ урнѣ. Вильгельмъ Гриммъ въ своемъ произведеніи «Deutsche Runen» Göttingen, 1821, стр 291, вернулся опять къ ней, повторилъ по Байеру изображеніе и объяснилъ что Риттеръ ошибался, признавая вполнѣ ясную надпись сосуда за сѣверныя руны. Финнъ Магнуссенъ, въ соч. «Runamo og Runerne» Kjöbenhavn 1841 г., далъ рисунокъ по гипсовому слѣпку и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о немъ. Наиболѣе подробно высказался Giesebrecht въ періодическомъ изданіи «Baltische Studien», Jahrg. XII, 1846, стр. 1—27, который снова объявилъ надпись сѣверною руническою и предложилъ чтеніе ея на древненорвежскомъ (исландскомъ) нарѣчіи, одинаково несостоятельное, какъ съ палеографической, такъ и съ лингвистической точки зрѣнія. Обозрѣніе литературы предмета, сдѣланное Е. Форстеманомъ, можно найти въ «Neue Preussische Provinzialblätter» 1851, B. XII, стр 411. Наконецъ, мнѣ извѣстно, что и І. І. Ганушъ упомянулъ объ урнѣ въ статьѣ «Zur slavischen Runenfrage» въ Архивѣ (Kunde oesterreich. Geschichtsqu., стр. 114).

Германскій музей въ Нюрнбергѣ владѣетъ черезъ меня гипсовымъ слѣпкомъ съ этой урны. Кто когда либо занимался нѣмецкими и скандинавскими рунами, признаетъ тотчасъ же, что о рунахъ здѣсь не можетъ быть никакой рѣчи, но знаки несомнѣнно представляютъ надпись; наиболѣе вѣроятнымъ кажется предположеніе, не древнеславянская ли она, или даже, не принадлежитъ ли она древнему германскому населенію Остзейскаго края въ до Тацитовское время. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ было бы важно снова обратить вниманіе на этотъ предметъ и между прочимъ ближайшимъ образомъ сравнить знаки данной надписи съ «рунической урной» найденной въ 1852 году на Кэбелевскомъ полѣ у Штаргарда въ Мекленбургѣ, о которой слѣдуетъ навести справки у Воцеля въ Прагѣ «Sitzungsberichte der k. böhm. Gesellsch. der Wissenschaft», т. VIII, стр. 34—35 (14-го февраля 1853 г.) и «Mémoires de la société royale des antiquaires du Nord» 1845—49, Copenhague, 1852, стр. 853—57; также у Гануша «Zur slav. Runenfrage, S. 21. Характеръ письменъ кэблійской урны дѣйствительно совпадаетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ съ характеромъ Данцигской. Я прилагаю вмѣстѣ съ рисункомъ Байера послѣдней урны частичную пририсовку первой по Ганушу.

Надѣясь дать высокоуважаемому Археологическому Обществу случай къ плодотворнымъ изысканіямъ, я позволяю себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ

передать ему въ качествѣ скромнаго дара прилагаемыя при семъ пять фотографій.

Я весьма благодаренъ Обществу за разсылку моихъ вопросныхъ листовъ. Съ нетерпѣньемъ ожидаю я упомянутыхъ Вами записей Каравелова изъ Болгаріи; хорошо, если-бы онѣ могли быть сдѣланы на нѣмецкомъ, французскомъ, или польскомъ языкахъ, потому что болгарскаго языка я не знаю. Вѣроятно, Обществомъ получено еще нѣсколько другихъ отвѣтовъ и записей; нѣсколько интересныхъ сообщеній и между ними одно г. Грэбнера изъ Ардатова, Симбирской губ. получено мною непосредственно. Если-бы оказалось возможнымъ въ теченіе послѣдней недѣли большаго Славянскаго Съѣзда передать мои вопросы въ возможно большемъ количествѣ подходящимъ лицамъ какъ изъ Россіи, такъ и изъ другихъ славянскихъ странъ, и если-бы оказалось возможно побудить кого нибудь изъ южныхъ славянъ (сербовъ, хорватовъ) къ собиранію отвѣтовъ на ихъ родинѣ, то я съ своей стороны счелъ-бы своимъ долгомъ присоединить еще бо̀льшую благодарность къ той величайшей, которой я Вамъ уже обязанъ; но я смѣю Васъ увѣрить, что и пріобрѣтеніе для науки получилось бы немаловажное.

Если-бъ я могъ обратиться къ Вамъ еще съ нѣсколькими спеціальными просьбами, не рискуя показаться слишкомъ нескромнымъ и навязчивымъ, то я высказалъ бы слѣдующія свои желанія:

1) Не найдете-ли Вы возможнымъ достать мнѣ самую статью протоіерея Сабинина въ Журн Мин. Нар. Просв., въ которой есть мѣсто о зерновой бородѣ Волоса?

2) Славянская литература мнѣ совершенно недоступна и всего меньше русская, у Васъ же во всякомъ случаѣ подъ руками всѣ появившіеся сборники (напр. Сахарова и др.) и отдѣльныя статьи объ обычаяхъ и сказаніяхъ въ Великой, Малой, Юго-западной Россіи и Галиціи. Не могу-ли я просить Васъ или Аргеологическое Общество объ одолженіи — отмѣтить въ этихъ сборникахъ и статьяхъ все, касающееся миѳологіи, обычаевъ, сказаній, народныхъ пѣсенъ и повѣрій, связанныхъ съ земледѣліемъ, и поручить переписать для меня относящіяся сюда мѣста, конечно, если все это можетъ быть подыскапо легко и безъ особыхъ затрудненій. Особенно я хотѣлъ бы получить списокъ тѣхъ мѣстъ изъ былинъ (у Кирѣевскаго и друг.), напр. въ былинѣ о Чурилѣ, въ которыхъ говорится о Бабѣ-ягѣ, и я весьма былъ бы обрадованъ, если бы Вы соблаговолили къ этому присоединить все, что Вамъ помимо того извѣстно объ этомъ миѳическомъ существѣ. Издержки по перепискѣ, въ случаѣ если-бы Вы взяли на себя трудъ выбора, я не замедлю уплатить тотчасъ-же по полученіи посылки.

Чѣмъ болѣе я углубляюсь въ Вашъ послѣдній трудъ, что впрочемъ подвигается съ большою медленностью, тѣмъ болѣе я изумляюсь размѣрамъ Вашихъ изученій. Я позволю себѣ въ самомъ непродолжительномъ времени послать въ одинъ изъ нашихъ наиболѣе распространенныхъ журналовъ извлеченіе изъ нѣкоторыхъ главъ Вашей

книги, чтобы обратить живѣйшее вниманіе нѣмецкой публики на это превосходное произведеніе. Чтобы не замедлить еще болѣе отсылку фотографій, я не стану сейчасъ входить въ подробности. Примите еще разъ увѣренія въ моей живѣйшей признательности и моемъ искреннемъ и высокомъ уваженіи, съ которымъ я остаюсь

Вашъ преданнѣйшій

Вильгельмъ Маннгардтъ.

Матеріалы для словаря условнаго языка.

(„Масовскій" языкъ одоевскихъ торговцевъ).

Уже давно отдѣльными изслѣдователями народнаго быта было обращено вниманіе на то, что нѣкоторымъ профессіямъ свойственъ особый языкъ, выработанный въ средѣ лицъ данной профессіи и имъ только понятный. Такъ, имѣютъ свой языкъ мелкіе торговцы, офени, шаповалы, сплавщики плотовъ и пр. Матеріала по этому вопросу накопилось уже немало, и изъ него могъ бы составиться порядочный словарь, изданіе котораго было бы весьма желательно.

Подобное изданіе, несомнѣнно, лежитъ на обязанности II-го отдѣленія Академіи Наукъ, и такой словарикъ явился бы необходимымъ дополненіемъ къ издаваемому Академіею Словарю живого русскаго языка. Въ настоящее время эта задача нетрудная, потому что уже сдѣлана главная и очень цѣнная подготовительная работа: составлена подробная библіографія условныхъ языковъ *П. К. Симони*, напечатанная въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія Русск. языка и Словесности Имп. Ак. Наукъ» за 1896 г., кн. 2, стр. 427—434. Это довольно полный обзоръ литературы предмета, исключая лишь немногіе пропуски; такъ, составителемъ, кажется, не внесены въ указатель данныя по этому вопросу изъ нашего журнала и изъ «Живой Старины» (сообщенія Е. Р. Романова о бѣлорусскомъ «лемезнѣ», т. е. условномъ жаргонѣ). Оставляя въ сторонѣ пока не-русскіе матеріалы (какъ-то напр. о воровскомъ жаргонѣ въ «Wisle» 1891 г, № 1, о языкѣ «флисацкомъ» въ сочиненіи гр. Конст. Тышкевича «Wilija i jej brzegi» и др.), мы сообщаемъ здѣсь новый матеріалъ, почерпнутый изъ одного маленькаго русскаго провинціальнаго изданія, желая этимъ вызвать нашихъ сотрудниковъ и другихъ изслѣдователей на сообщеніе матеріаловъ по этому вопросу.

Въ концѣ прошлаго года вышла въ Тулѣ книжечка въ 100 стр. *И. Краснопѣвцева*: «Очерки города Одоева». Первая часть ея—историческая (преимущественно очерки мѣстныхъ церквей), вторая — этнографическая, содержащая краткіе очерки мѣстнаго быта, обрядовъ, обычаевъ, народной медицины и пр. Между прочимъ здѣсь авторъ говоритъ и о языкѣ одоевцевъ. Ограничиваясь о языкѣ вообще лишь

бѣглыми замѣчаніями, онъ нѣсколько подробнѣе останавливается на условномъ языкѣ мѣстнаго торговаго класса (стр. 61—66). Этотъ языкъ носитъ названіе *масовскаго*, отъ слова *мась* — я. Авторъ ставитъ вопросъ: «выработанъ-ли этотъ языкъ въ старину обществомъ торговцевъ, съ цѣлью прикрыть подчасъ не особо правильныя и честныя предпріятія, или же позаимствованъ былъ въ древности отъ первоначальныхъ обитателей Тульской губ. — «вятичей», татаръ и литовцевъ, и черезъ смѣсь этихъ языковъ образовалъ свой особенный, самобытный разговорный языкъ?» Прежде чѣмъ задаваться такими вопросами, необходимо было бы сравнить «масовскій» языкъ съ другими подобными и тогда уже искать тѣхъ или другихъ выводовъ.

При томъ, чтобы судить о языкѣ, надо знать какъ можно болѣе полно его лексическій составъ. Къ сожалѣнію, авторъ не потрудился составить словарикъ хотя бы болѣе употребительныхъ словъ «масовскаго» языка. Изъ отдѣльныхъ словъ имъ отмѣчены только слѣдующія: копейка—трифилка, гривенникъ—верешникъ, полтинникъ — ламешникъ, рубль — хрущевикъ, лошадь — потрать, корова — трубеха, баранъ—борматъ, овца—борматуха, собака—балзякъ, топоръ—скира (малор. сокира?), телѣга — катеха (авторъ пишетъ катѣха; отъ катить-ся?). Кромѣ того, приведены названія именъ числительныхъ количественныхъ: 1—калдынъ, 2—бакры, 3—стрема, 4—бутыре(и?), 5—ельпенъ(ь?), 6—ельпень съ калднымъ, 7—ельпень бакры, 8—ельпень стрема, 9—ельпень бутыри, 10—сверсить, 11—сверсить калдынъ и т. д. 15—сверсить ельпень, 16—сверсить ельпень съ калднымъ, 17—сверсить ельпень съ бакры, 18—сверсить ельпень стрема, 19—сверсить ельпень бутыри. 20—бакры сверсить, 30—стрема сверсить и т. д. соединяются единицы, десятки, сотни (стовань) и тысячи для полученія сложныхъ числительныхъ.

Гораздо большій интересъ представляетъ сообщеніе г. Краснопѣвцева въ отношеніи фразеологіи «масовскаго» языка. Оказывается, что «самые рьяные изъ торговцевъ г. Одоева настолько втянулись въ свой торговый языкъ, что не только разговариваютъ на немъ между собою, но даже и ведутъ между собою переписку не иначе, какъ на масовскомъ языкѣ». Мало того, «нѣкоторые изъ особенно выдающихся знатоковъ этого языка занимаются даже и поэзіею наономъ».

Авторъ приводитъ образцы разговоровъ, переписки и отрывокъ пѣсни на масовскомъ жаргонѣ. Всѣ эти образцы мы и воспроизводимъ здѣсь въ видѣ матеріала.

Разговоръ 1-й.

Спрушъ, поклимъ съ масомъ терманъ кѣрить.	Товарищъ, пойдемъ со мною чай пить.
— Поклимъ!	— Пойдемъ!
Масъ стяхну терманъ.	Я возьму чаю.
— А масъ тарна стяхнетъ.	— А я вина возьму.

Масы накѣришься [1]) тарнушки и прикзимъ [2]) ли на юръ лешпать?

— Спрушъ, широмъ кулико кѣрить.

Ни сопа, соклитъ.

— Масъ уклилъ изъ юра, бакса не ухлитъ.

А о масовскомъ ухлютъ; масъ уклилъ и откулался до сверси (?) часованскихъ.

— Масъ приклитъ на юръ, а бакса масовскаго чукать стрянетъ.

А масъ поклю на юръ, перекулуюсь чрезъ чубринъ, и бакса не ухлитъ, какъ масъ приклитъ на юръ.

— Спрушъ, сары ель за тарно отбирить? У маса ель за терманъ отбирить верешникъ съ бакрами трифилками.

Спрушъ, кулико тарна то покѣрили?

— Спрушъ,широмъ не кли,масовскіе кулаются, масовъ ухлютъ, стрѣ масы кирьянѣ(ы?), приклятъ къ масамъ, „биряй тарня(а?)!" чалдять стрянуть(ъ?), я (а?) у масовъ за бѣту тарно отбирить саръ нетаръ.

Ни сопа,широмъ клить, чукнуть терменьщику и приклить(ъ?) къ масамъ; масы сострются и отбиримъ сары, а то за масомъ остранется ласенько.

— Приклилъ терменьщикъ, скулался съ масами; съ масовъ приклилось саръ съ тремъ (выше: стрема) хрущевъ съ бакры (выше:съ бакрами) верешниками и бакры трифилокъ.

Масъ отбиритъ бакры хрущевъ съ ламехою.

— А масъ отбирить(ъ?) за калдинъ терманъ и поклимъ на юръ.

Климъ!

Мы напьемся вина и придемъ ли домой спать?

Товарищъ, даромъ много пить.

Ничего, сойдетъ.

Я ушелъ изъ дому, отецъ не знаетъ.

А обо мнѣ знаютъ; я ушелъ и отпросился до 10 часовъ.

Я приду домой, а отецъ меня бить станетъ.

А я пойду домой, перелѣзу черезъ заборъ, и отецъ не узнаетъ, какъ я приду домой.

Товарищъ, деньги есть за вино отдать? У меня есть за чай отдать гривенникъ съ двумя копѣйками.

Товарищъ много ли вина(-то?) выпили?

Товарищъ, даромъ не ходи, наши находятся, насъ узнаютъ, что мы пьяны, придутъ къ намъ, „давай вина!" говорить станутъ, а у насъ за это вино отдать денегъ нѣтъ.

Ну [3]), даромъ ходить, стукнуть буфетчику и придетъ къ намъ; мы сочтемся и отдадимъ деньги, а то за мною останется маленько.

Пришелъ буфетчикъ, счелся съ нами; съ насъ пришлось денегъ три рубля съ двумя гривенниками и двѣ копѣйки.

Я отдамъ два рубля съ полтиною.

А я отдамъ за одинъ чай и пойдемъ домой.

Идемъ!

Разговоръ 2-й.

Масъ выклилъ бутромъ у бутыре часованскихъ на торгованскій и стяхнулъ зетки на ласыя сары.

— Кулико стяхнулъ-то?

Ни сопа, масовскому прикулается ельпнадцать (срв. выше) хрущевъ.

Я вышелъ утромъ въ четыре часа на торгъ и купилъ ржи за дешевыя деньги.

— Много купилъ-то?

Ничего, мнѣ придется пятнадцать рублей.

---

1) Вѣроятно опечатка, вм. накѣримся. *Ред.*

2) Приклимъ? *Ред.*

3) Выше переведено: ни сопа—ничего. *Ред.*

—А масъ встрялъ въ эльпень часованскихъ, пахашка масу тюрюхнула терменъ кѣрить, а масъ съ муру стрялъ кѣрить терменъ и зетку прокѣрилъ.

Спрушъ, тарна выкѣришь?

— Не хило.

Кулико стяхивать?

— На стрема верешникъ стяхивай, клево будетъ.

Поклимъ къ терменьщику.

— Климъ!

А я всталъ въ 5 часовъ, жена мнѣ сказала чай пить, я сдуру сталъ пить чай и рожь пропилъ.

Товарищъ, вина выпьешь?

Не худо.

Сколько брать?

На три гривенника бери, хорошо будетъ.

Пойдемъ къ буфетчику.

Идемъ!

Письмо.

Ноябрянанскаго, сверси часованскаго, 1871 года.

Клевому кубяку!

Масовскому прикулываетъ стемягу, прикли масу на юръ у бутыри часовански терманъ кѣрить. Масъ на юру калдинъ, макеы нетаръ на юрѣ. а масовской поклить(ъ?) за сбраномъ; сбранъ приклить(ъ?) къ масу на юръ и кубякъ приклишь. Масы у неструшки стрянемъ раззукывать. Кубякъ, прозукай эту стемагу[1]) и масовскимъ назукай же стемагу. Не бѣряй эту[2]) стемагу шихтамъ.

Острялся масъ насокомъ, пракуланъ(лъ?) спрушенка съ стемагой къ кубяку. Кубякъ, прикли же, маса не обначь!

Ноября, 10 часовъ, 1871 года.

Доброму другу.

Тебѣ посылаю бумагу (письмо), приходи ко мнѣ домой въ 4 часа чай пить. Я дома одинъ, матери нѣтъ дома, а я пойду за братомъ; братъ придетъ ко мнѣ домой и (ты), другъ, придешь. Мы въ карты станемъ играть. Другъ, прочти эту бумагу и намъ напиши тоже бумагу. Не давай эту бумагу сестрамъ.

Остался я одинъ, послалъ мальчика съ бумагой къ тебѣ. Другъ, приходи же, меня не обмани!

Отрывокъ пѣсни.

Масъ накѣрился тарнюшки
И поклинъ(лъ?) на юръ лѣпшать,
Масъ заклилъ къ алдной шахтенкѣ[3])
Ласенечько почалдать,
Шихта масу тюрюхала:
„Кли на юръ лѣпшать".

Я напился вина
И пошелъ домой спать.
Зашелъ къ одной дѣвушкѣ
Немного поговорить;
Дѣвушка мнѣ сказала:
„Иди домой спать".

Изъ этихъ образцовъ можно получить нѣкоторое понятіе и объ образованіи формъ въ масовскомъ языкѣ. Нѣкоторая непослѣдовательность, отмѣченная нами вопросами объясняется или разнообразіемъ формъ или, можетъ быть, неточностью записи. Удареніе, къ сожалѣнію, нигдѣ не выставлено авторомъ, но оно, очевидно, приближается къ русскому.

Было бы очень желательно болѣе обстоятельное изученіе этого жаргона и другихъ подобныхъ ему. Редакція «Этнографическаго Обозрѣнія» съ благодарностью приметъ всякаго рода сообщенія по этому интересному вопросу. *Н. Я.*

[1]) Выше вѣроятно ошибочно: стемягу. *Ред.*
[2]) Выше: за *это* вино—за *бѣту* тарно. *Ред.*
[3]) Можетъ быть опечатка: шихтенкѣ; сестра—шихта (срв. выше). *Ред.*

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

1. *Книги ученыя и справочныя изданія.*

Проф. Колеръ. Право какъ элементъ культуры. *(Перев. А. Э. Вормса. Изд. ред. „Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни“ № 4.* М. 1896. 16°; стр. 53). Небольшая, но чрезвычайно интересная и содержательная статья пр. Колера представляетъ вступительную лекцію къ курсу сравнительнаго правовѣдѣнія, читанному имъ въ 1885 году. Пр. Колеръ является, какъ извѣстно, представителемъ эволюціоннаго метода въ правѣ: «идея универсальнаго процесса и развитія какъ общей всепроникающей связи частныхъ явленій въ правѣ» — проповѣдуется имъ настойчиво во всѣхъ его многочисленныхъ работахъ; право не можетъ быть изучаемо изолированно, оно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ культурой, и изученіе его должно итти параллельно съ общимъ изученіемъ движенія человѣческаго развитія. «У каждой эпохи — свое особое право, и каждое право соотвѣтствуетъ особому культурному строю — подобно тому, какъ у каждой эпохи есть свое имущество и свой хозяйственный строй», пишетъ пр. Колеръ; отсюда становится ясной точка зрѣнія автора: изученіе права слѣдуетъ начинать съ низшихъ культурныхъ ступеней; исторія права у цивилизованныхъ расъ можетъ быть понята только по изученію ея у расъ нецивилизованныхъ.

Въ указанной статьѣ авторъ даетъ краткій, но очень яркій очеркъ развитія семьи и брака, обязательственнаго и уголовнаго права у низшихъ въ культурномъ отношеніи народностей, и этотъ очеркъ «первобытнаго» права долженъ содѣйствовать уясненію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ развилось право культурныхъ народностей.

Двѣнадцать лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ времени, когда названная статья была написана авторомъ, объясняютъ въ достаточной степени, почему нѣкоторыя положенія пр. Колера не могутъ быть признаны вполнѣ вѣрными: мы имѣемъ въ виду его очеркъ исторіи развитія семьи и брака. За послѣдніе годы новѣйшіе труды по указанному вопросу заставили видоизмѣнить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выводы, казавшіеся недавно еще совершенно безспорными. За то очерки развитія обязательственнаго и уголовнаго права пр. Колера

представятъ для русскихъ читателей тѣмъ большій интересъ, что недостатокъ русской этнографической и историко-юридической литературы особенно ощутителенъ именно въ этой области: между тѣмъ широкій взглядъ, который читатель встрѣтитъ въ работѣ г. Колера, опредѣленіе имъ основныхъ элементовъ развитія нормъ въ этихъ областяхъ народнаго правовоззрѣнія, окажетъ существенную помощь лицу, приступающему къ изученію обычнаго обязательственнаго и уголовнаго права, будь то въ средѣ инородцевъ или русскихъ крестьянъ. Они убѣдятъ его, что, пользуясь словами автора, «право не есть нѣчто неподвижное», что «напротивъ, исторія права представляетъ картину безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ, непрерывнаго теченія идей», что «переходныя ступени, погружающіяся въ бездну времени, содѣйствуютъ достиженію великихъ цѣлей», однимъ словомъ, что «то, что погибло, продолжаетъ жить въ высшихъ, болѣе совершенныхъ формахъ, смѣнившихъ его». Усвоеніе основныхъ идей пр. Колера дастъ изслѣдователю возможность подойти сознательно къ изученію кажущихся на первый взглядъ грубыми нормъ первобытнаго права, открыть ихъ внутренній смыслъ и оцѣнить ихъ научное значеніе. Съ этой точки зрѣнія нельзя не принести благодарности г. Вормсу, взявшему на себя трудъ перевести названную статью, и редакціи «Вопросовъ etc», за стремленіе познакомить русскую публику съ широкими взглядами на первобытное право такого авторитетнаго ученаго, какимъ является пр. Колеръ. **Н. Х.**

Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. V. *Курганныя древности и клады домонгольскаго періода.* (Спб. 1897; 4°, стр. 163 съ 225 рис. въ текстѣ). Пятый выпускъ извѣстнаго труда гр. Толстаго и Н. П. Кондакова отличается, какъ и предшествующіе, изяществомъ изданія, многочисленными удачно подобранными рисунками и рѣдкой доступностью по цѣнѣ. Настоящій выпускъ посвященъ одному изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ русской археологіи, именно опредѣленію происхожденія и развитія элементовъ искусства, представленнаго многочисленными предметами, добытыми изслѣдованіемъ могильниковъ преимущественно средней полосы Россіи, и изученіемъ предметовъ кладовъ, найденныхъ тамъ же. Если для исторіи культуры области, занимаемой нашей родиной, чрезвычайно важнымъ оказывается содержащееся въ предшествующихъ выпускахъ «Русскихъ древностей» изученіе древностей классическихъ, находимыхъ на югѣ Россіи, предметовъ быта и обстановки скифо-сарматской эпохи и времени переселенія народовъ, если изученіе христіанскихъ памятниковъ Крыма, Кавказа и Кіева дастъ возможность между прочимъ выяснить мѣстные элементы и постороннее вліяніе въ церковномъ зодчествѣ: то тѣмъ большій интересъ представляетъ изученіе бытовой обстановки древняго населенія нашей родины: оно даетъ возможность опредѣлить

культурный запасъ, съ которымъ разныя народности древней Россіи выступаютъ въ исторіи, выяснить вліяніе сосѣдей на древне-русскій и инородческій бытъ, отмѣтить вліяніе русскихъ древнихъ культурныхъ центровъ на переработку внесенныхъ извнѣ элементовъ и на передачу ихъ въ свою очередь другимъ, менѣе культурнымъ народностямъ. Недостатокъ письменныхъ памятниковъ за древній періодъ жизни Россіи, невозможность детально освѣтить путемъ ихъ бытовую обстановку населенія домонгольскаго періода вынуждаетъ отвести археологіи наиболѣе выдающееся мѣсто въ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Многочисленныя раскопки могильныхъ памятниковъ въ разныхъ частяхъ Россіи привели къ накопленію значительнаго матеріала, до настоящаго времени еще не бывшихъ въ своей совокупности предметомъ разработки съ общей, научной точки зрѣнія. Какъ ни темны еще многіе вопросы русской археологіи, какъ ни отрывочны могутъ казаться раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ, результаты ихъ все же настолько обильны, что они давно уже напрашивались на выводы и обобщенія. Попытку объединить и научно освѣтить этотъ матеріалъ и составляетъ задачу работы гр. Толстого и г. Кондакова.

Для этнографовъ естественно наибольшій интересъ представляетъ не чисто археологическая сторона названной работы, а методъ и историко-культурные выводы, которые мы встрѣчаемъ въ ней. Нѣкоторые пробѣлы и неточности при описаніи найденныхъ предметовъ (напр. рис. 49, лампочки изъ гнѣздовскаго могильника), не могутъ быть поставлены въ вину авторамъ; матеріалъ, надъ которымъ имъ приходилось оперировать, настолько общиренъ и настолько разбросанъ, что подобныя ошибки почти неизбѣжны. Рѣшеніе авторами нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся предметовъ древности, можетъ подать поводъ къ сомнѣніямъ и спорамъ; такъ, напр., вопросъ объ опредѣленіи времени происхожденія шапки Мономаховой, часть которой авторы относятъ къ XI—XII в., едва ли можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Совершенно невѣроятнымъ представляется намъ объясненіе происхожденія извѣстнаго мотива въ такъ наз. чудскихъ древностяхъ: именно птицы, какъ бы возносящей человѣка — изъ мотива изображенія вознесенія Александра на небо птицею (представленный въ доказательство этого положенія рисунокъ взятъ изъ росписи плафона Палатинской капеллы въ Палермо).

Авторы, начертивъ картину древняго быта населенія Россіи во внѣисторическую эпоху его жизни, переходятъ сначала къ характеристикѣ предметовъ изъ инвентаря различныхъ могильниковъ, а затѣмъ къ описанію кладовъ предметовъ, относящихся къ эпохѣ до монгольскаго завоеванія. Эта послѣдняя часть представляетъ наиболѣе подробную сводку данныхъ о кладахъ.

Авторы изслѣдуютъ только стиль и технику предметовъ обильно представленныхъ могильнымъ инвентаремъ. Съ замѣчательной эрудиціей они стараются опредѣлить художественные образцы, послужившие

для воспроизведенія предметовъ быта и украшенія на почвѣ Россіи. Они даютъ блестящій очеркъ техническихъ различій, въ особенности насколько это касается филиграни, между византійскими и русскими издѣліями: стиль, господствующій въ предметахъ курганной культуры они объясняютъ вліяніемъ Византіи и Востока въ широкомъ смыслѣ этого слова. Для изученія стиля предметовъ украшенія до-монгольской эпохи Россіи трудъ гр. Толстого и г. Кондакова безусловно даетъ много новаго и интереснаго матеріала. широкихъ сопоставленій, съ которыми, быть можетъ, не всегда возможно соглашаться, но уже оттого важныхъ, что они поднимаютъ доселѣ еще мало разработанный въ совокупности инвентарь могильниковъ средней полосы Россіи. Методъ, принятый авторами, неизбѣжно однако приводитъ ихъ къ односторонности, вслѣдствіе чего трудъ ихъ даетъ значительно меньше того, чего былъ-бы въ правѣ ожидать читатель отъ работы лицъ, пользующихся такой заслуженной извѣстностью въ дѣлѣ изученія русскихъ древностей.

Періодъ, обнимаемый изслѣдованіемъ весьма великъ: отъ VIII—XIII вв. Въ теченіе этихъ столѣтій происходило передвиженіе разноплеменныхъ народностей, населявшихъ Россію, возникали новые культурные и торговые центры какъ въ ней, такъ и въ государствахъ, съ которыми велись оживленныя торговыя сношенія; измѣнялись и самые торговые пути. Національныя особенности представителей разныхъ племенныхъ группъ, географическое положеніе ихъ относительно торговыхъ путей, особенности вкуса и пр. должны были отражаться на выборѣ предметовъ для ввоза равно и на мѣстномъ производствѣ. Вслѣдствіе этого, хотя при современномъ состояніи русской археологіи и немыслимо еще классифицировать всѣ открытые могильники по національностямъ,—представляется возможнымъ отмѣтить географически и хронологически нѣсколько культурныхъ типовъ выраженныхъ ясно въ особенностяхъ какъ погребальнаго ритуала, такъ и могильнаго инвентаря. Авторы однако почти совершенно обходятъ этотъ вопросъ: они изучаютъ почти исключительно только *стиль* предметовъ, не обращая вниманія на обстановку, въ которой они найдены, т. е. упускаютъ изъ вида именно то, что могло-бы дать свѣдѣнія о культурномъ уровнѣ населенія и освѣтить и сами предметы искусства; эти послѣдніе вслѣдствіе этого являются въ изложеніи авторовъ какъ-бы совершенно изолированными, не связанными съ бытомъ племени, населявшаго ту или иную область средней Россіи. Для опредѣленія стиля наиболѣе полезнымъ оказываются предметы роскоши: на нихъ-то и сосредоточиваютъ почти все свое вниманіе авторы. Они имѣютъ дѣло преимущественно съ objets de luxe, которые и въ отдаленный курганный періодъ были достояніемъ только немногихъ, богатыхъ лицъ. Какъ жилъ, чѣмъ украшалъ себя бѣдный слой населенія—какъ-будто не интересуетъ авторовъ. Между тѣмъ для уясненія вопроса объ элементахъ, которые вліяли на произведенія искусства древней Россіи, по-

жалуй наибольшій интересъ представляютъ именно могилы массы менѣе обезпеченнаго населенія, чѣмъ тогдашнихъ богачей. Въ могилахъ послѣднихъ могли быть положены случайные предметы, занесенные торговлей или инымъ путемъ, которые не повліяли на творчество народа. Прослѣживая связь хотя-бы сосудовъ, найденныхъ на почвѣ Россіи, съ восточными, авторы совершенно не касаются тѣхъ обыденныхъ сосудовъ, которыми пользовалась народная масса и которые въ многочисленныхъ и разнообразныхъ образцахъ находятся въ могилахъ и въ городищахъ; между тѣмъ они представляютъ различные типы и по техникѣ и по орнаментаціи. Въ нихъ сказывался въ извѣстномъ направленіи художественный вкусъ народности, и элементамъ, которые мы видимъ на простыхъ глиняныхъ черепкахъ, безусловно слѣдуетъ приписать большее вліяніе на развитіе художественнаго творчества населенія, чѣмъ рѣдкому дорого-стоющему сосуду, присланному изъ Херсонеса, Византіи или Сиріи. Какому-бы серьезному изученію ни были подвергнуты предметы роскоши древняго населенія Россіи, какъ-бы ни велика была эрудиція авторовъ при рѣшеніи вопроса о техникѣ этихъ предметовъ, они не въ состояніи уяснить культурный запасъ, съ которомъ выступаетъ разноплеменное населеніе нашей родины при первыхъ лучахъ исторіи. Мало того, даже въ предѣлахъ изученія болѣе или менѣе богатыхъ украшеній авторы не отмѣчаютъ ни хронологическихъ, ни культурныхъ типовъ. Между тѣмъ предметы могильниковъ, какъ Люцинскій, Лядинскій или Курманскій, рѣзко отличаются по своимъ типамъ отъ предметовъ т. н. курганной культуры, которая въ свою очередь можетъ быть подведена подъ нѣсколько группъ. Археологическія данныя позволяютъ намѣтить и хронологическія даты разныхъ типовъ и предвидѣть рѣшеніе вопроса о національности могильниковъ. Вопросы: почему культурные элементы быстро измѣняются въ теченіе сравнительно краткаго періода, отдѣляющаго могильники безъ насыпей отъ кургановъ, почему и откуда появляются новые элементы въ украшеніяхъ, почему въ одной области предметы представляютъ рѣзкую разницу отъ другой, смежной и пр.— или совершенно не освѣщаются авторами, или затрогиваются ими лишь мимоходомъ. Такимъ образомъ вопросы о различіи культуры, видоизмѣненіяхъ ея и вліяніи сосѣдей въ теченіе полтысячелѣтія жизни Россіи остаются почти совершенно не разъясненными. Указанная односторонность метода составляетъ недостатокъ, и притомъ весьма существенный, интересной работы гр. Толстого и Н. П. Кондакова.

Въ культурно-историческомъ отношеніи 5-й выпускъ труда авторовъ представляетъ значительный интересъ, поскольку рѣчь можетъ итти о сравнительно узкой области, которую они отмежевали въ качествѣ объекта своего изученія. Они оттѣняютъ важное значеніе для развитія искусства разсматриваемаго ими періода Херсонеса, бывшаго средоточіемъ торговли и мѣстнаго производства: сюда стекались разнообразнѣйшіе товары различныхъ мѣстностей Востока, здѣсь-же

существовалъ и крупный центръ мѣстнаго производства. Херсонесъ служилъ для древней Россіи передаточнымъ пунктомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ культурными центрами юга и востока. Но вносимая торговлей культура не представляла въ русскихъ областяхъ лишь заноснаго элемента. Теперь легко доказать, пишутъ авторы, что самыя утонченныя художественныя производства существовали въ Кіевѣ (какъ напр. перегородчатая эмаль по золоту), что ими занимались русскіе мастера, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, что мастера эти распространили свои производства въ Рязань, Суздаль, а слѣдовательно находка византійскаго стиля вовсе не представляетъ собою, какъ думали еще очень недавно, греческаго заноса, но напротивъ памятникъ мѣстной работы... Далѣе весьма интересенъ выводъ авторовъ, что въ предметахъ искусства Россія почти не испытывала на себѣ вліянія Скандинавіи: скорѣе наоборотъ—восточное производство черезъ посредство Россіи оказывало до извѣстной степени воздѣйствіе на скандинавское искусство: «одновременное появленіе въ Скандинавіи и зап. Россіи предметовъ съ тождественными художественными формами, пишутъ авторы, слѣдуетъ приписать, вопервыхъ, арабскому привозу, а во вторыхъ, существованію въ приднѣпровской области обширныхъ мастерскихъ».

Вѣрный въ основѣ своей взглядъ на значеніе востока для исторіи древняго искусства Россіи, быть можетъ, проведенъ авторами слишкомъ ригорично: напр. едва-ли въ т. н. коптскихъ тканяхъ можно видѣть источникъ нѣкоторыхъ особенностей мордовскаго костюма. Этотъ и подобные вопросы требуютъ еще разъясненія, но важно уже и то, что они подняты авторами. Едва-ли возможно также признать, что скандинавскія издѣлія совершенно не оказывали вліянія на русское производство, но, благодаря труду авторовъ, это вліяніе должно считаться меньшимъ, чѣмъ предполагалось раньше.

Несмотря на отмѣченные недостатки, 5-й вып. «Русскихъ древностей» представляетъ значительный вкладъ въ русскую науку, а многочисленные рисунки дѣлаютъ его необходимымъ пособіемъ для изученія произведеній искусства древняго населенія Россіи домонгольскаго періода.

Н. Х.

Матеріалы по археологіи Кавказа. Выпускъ V. *Изд. Имп. Московскаго Археологическаго Общества. Подъ редакціей графини П. С. Уваровой.* Москва 1896. Настоящій выпускъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа», собранныхъ экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства, посвященъ изслѣдованію *М. В. Никольскаго* „Клинообразныя надписи Закавказья". Въ предѣлахъ Россіи клинообразныя надписи впервые были открыты въ 1862 году эчміадзинскимъ монахомъ (нынѣ архіепископомъ) Месропомъ Сумбатьянцемъ около селенія Тападиби, на мѣстѣ предполагаемой армянской столицы Армавира. Въ 1892 г. Московское Археологическое Общество поручило

г. Никольскому подвергнуть научному изслѣдованію матеріалъ по клинообразнымъ надписямъ, обнародованнымъ архіеп. Месропомъ въ армянскомъ журналѣ «Араратъ». Результатомъ этой обработки явился трудъ г. Никольскаго „Клинообразныя надписи ванскихъ царей въ предѣлахъ Россіи", убѣдившій Археологическое Общество, насколько скудны и несовершенны свѣдѣнія о клинообразныхъ памятникахъ южнаго Закавказья. Это обстоятельство послужило однимъ изъ побужденій для Общества снарядить въ 1893 г. спеціальную экспедицію въ лицѣ М. В. Никольскаго и А. А. Ивановскаго для изслѣдованія клинообразныхъ надписей Эриванской и Елизаветпольской губерній и Карсской области. Экспедиціи удалось произвести изслѣдованіе мѣстности, гдѣ находятся клинообразные памятники, открыть четыре надписи, наукѣ до того времени неизвѣстныя, съ многихъ снять впервые удовлетворительные эстампажи. Вновь пріобрѣтенный матеріалъ, вмѣстѣ съ изданными уже надписями съ поправками и дополненіями въ текстѣ, съ его транскрипціей и переводомъ, собраны нынѣ г. Никольскимъ въ одинъ „Corpus inscriptionum" въ интересахъ полноты и цѣльности изданія. Всѣхъ надписей въ сборникѣ 24, которыя сопровождаются фотографическими снимками и примѣчаніями издателя. Вопросъ объ языкѣ надписей остается пока открытымъ да и въ самомъ дешифрированіи ихъ не установлена точность, такъ какъ чтеніе ихъ не встрѣчаетъ контроля въ текстахъ на другомъ уже извѣстномъ языкѣ. Наукѣ не удалось отождествить языкъ этихъ такъ называемыхъ ванскихъ надписей ни съ какою изъ извѣстныхъ лингвистическихъ группъ, ни разъяснить вопроса объ этнографіи ванскаго народа. Въ самыхъ названіяхъ страны заключается много неяснаго, такъ какъ по ассирійской терминологіи страна эта называется Urartu (Араратъ), а на ихъ собственныхъ памятникахъ Biaina (Ванъ). Помимо интереса со стороны языка и содержанія, надписи эти служатъ показателями проникновенія ассиро-вавилонской культуры на сѣверъ за восемь вѣковъ до Р. Х. Памятники эти впервые открыли и истолковали забытую страницу объ упорной борьбѣ ванскихъ царей съ великой ассирійской монархіей на югѣ и о завоевательныхъ ихъ успѣхахъ на сѣверѣ—въ долинѣ рѣки Аракса и областяхъ Малаго Кавказа.

А. Хах—овъ.

С. Рыбаковъ. О поэтическомъ творчествѣ уральскихъ мусульманъ. Отт. изъ „Живой Старины" вып. III и IV 1894. С. П.Б. 1895 г. **Его же „Курай", башкирскій музыкальный инструментъ.** *Съ приложеніемъ шести мелодій.* Оттискъ изъ „Русской-музыкальной газеты" 1896 г. (январь) С.П.Б. 1896.

На поэтическое творчество и музыку нашихъ инородцевъ до сихъ поръ обращалось мало вниманія со стороны изслѣдователей, а между тѣмъ при ближайшемъ изслѣдованіи этихъ инородцевъ оказывается, что между ними есть лица съ музыкальными способностями. Подтвержде

ніемъ этому могутъ служить вышеуказанныя изслѣдованія г. Рыбакова, который спеціально занимается изученіемъ настоящаго вопроса среди уральскихъ мусульманъ (татаръ, башкиръ и тептярей). Автору какъ спеціалисту музыки, удалось переложить на ноты нѣкоторыя башкирскія и татарскія пѣсни. Занимаясь этнографическимъ изученіемъ этихъ народностей, авторъ включилъ въ программу своихъ изслѣдованій и такіе вопросы: образцы книжнаго мусульманскаго творчества, народныя лирическія пѣсни (болѣе 100 пѣсенъ записано) и мелодіи къ нимъ. Кромѣ того имъ собраны образцы инструментальной музыки у инородцевъ, нѣсколько сказаній и легендъ, образцы пословицъ, поговорокъ, причитаній, заговоровъ, ворожбы и т. д.[1]).

По изслѣдованіямъ г. Рыбакова оказывается, что мелодіи пѣсенъ татаръ, башкиръ и тептярей отличаются между собою. Такъ, напримѣръ, среди башкиръ въ большомъ количествѣ распространены и татарскія пѣсни, но онѣ часто поются на башкирскія мелодіи. Въ башкирскихъ пѣсняхъ обнаруживается больше поэтичности и внѣшней мелодичности; у нихъ болѣе фантазіи и творчества; башкирамъ присущи поэтическое и музыкальное творчество; между ними нерѣдко встрѣчаются пѣсенники, соединяющіе въ себѣ и даръ поэтовъ и даръ композиторовъ. Относительно богатства фантазіи башкиръ мнѣніе подтверждается еще тѣмъ, что по поводу почти каждой инструментальной мелодіи они сообщаютъ какое нибудь сказаніе или легенду.

Тептярскія пѣсни въ отличіе отъ татарскихъ также имѣютъ каждая свою мелодію. Пѣсни среди тептярей и башкиръ живутъ не болѣе человѣческаго вѣка, замѣняясь съ новымъ поколѣніемъ новымъ пѣсеннымъ цикломъ; такимъ образомъ каждое поколѣніе несетъ свои пѣсни. Въ виду этого крайне было бы желательно прослѣдить болѣе подробно такое явленіе и выяснить, какими пѣснями смѣняются старыя.

Во второй брошюрѣ авторъ говоритъ объ одномъ весьма распространенномъ башкирскомъ музыкальномъ инструментѣ, такъ называемомъ *курай* — родъ свирѣли. Нужно замѣтить, что музыка у башкиръ дѣлится на два разряда: на музыку вокальную и инструментальную. Послѣдняя, можетъ быть, говоритъ авторъ, даже болѣе обширна, чѣмъ первая. Предпославъ нѣсколько словъ объ этомъ инструментѣ, о которомъ ранѣе говорилось (почему то приводится отзывъ одного только Соммье), авторъ довольно подробно описываетъ какъ самое устройство курая (приводится хорошо исполненный рисунокъ), такъ равно и пріемы тѣхъ артистовъ, которые на немъ играютъ. Не каждый можетъ на немъ играть, не смотря на простоту его конструкціи, а есть своего рода спеціалисты. Есть даже женщины, которыя на немъ играютъ. Такой музыкантъ пользуется извѣстностью среди своихъ и часто приглашается на разнаго рода празднества. Играть можно на кураѣ какъ плясовыя пѣсни, такъ и протяжныя. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на обозначенныя работы г. Ры-

[1]) Интересный трудъ г. Рыбакова издаетъ И. Академія Наукъ. *Ред.*



бакова какъ со стороны этнографовъ, такъ и любителей музыки. Написаны онѣ хорошимъ литературнымъ языкомъ. **Д. Ни—й.**

Н. Ѳ. Катановъ. Преданія тобольскихъ татаръ о Кучумѣ и Ермакѣ. Тобольскъ, 1896 г.

Имя Ермака мы встрѣчаемъ не только въ исторической литературѣ, но и въ пѣсняхъ русскаго народа. Но не было свѣдѣній о немъ среди пѣсней и сказаній у тобольскихъ татаръ, бывшихъ подъ властью Кучума и покоренныхъ затѣмъ Ермакомъ. Восполняя этотъ пробѣлъ, авторъ перевелъ на русскій языкъ тѣ пѣсни и разсказы о Кучумѣ и Ермакѣ, которыя были записаны В. В. Радловымъ въ татарскомъ оригиналѣ въ 1865 -1867 годахъ. Раздѣляя мнѣніе, что народныя сказанія безусловно необходимы для историческихъ выводовъ и справокъ, авторъ передаетъ въ близкомъ подлиннику переводѣ пѣсни и сказанія о Кучумѣ и Ермакѣ, желая показать, насколько сохранилась память объ этихъ герояхъ у татаръ Западной Сибири. О Кучумѣ или Кучюмѣ приведены три разсказа — первые два изъ нихъ немного отличаются между собою. Что касается сказаній объ Ермакѣ, то, по разсказамъ, Ермакъ былъ мирный поселенецъ, поселившійся на р. Тоболѣ и занимался ловлей стерлядей, изъ которыхъ большія дарились хану. Затѣмъ говорится объ исчезновеніи Ермака, и только спустя 3 года онъ приплылъ на кораблѣ, съ котораго происходила битва между народомъ Ермака и татарами. Ермакъ, по сказаніямъ татаръ, умеръ отъ стрѣлы, пущенной стрѣлкомъ хана. Но народъ Ермака все-таки побѣдилъ народъ Кучума. **Н.**

С. Е. Поповянцъ. Медико-топографическій очеркъ Ольтинскаго округа Карсской области. *(«Медиц. Сборникъ», изд. Кавказскаго Медиц. Общества. 1896 г. № 53).*

Авторъ описываетъ одинъ изъ глухихъ угловъ, находящихся въ Карсской области, населенной разноплеменнымъ народомъ, представляющимъ большой интересъ не только въ медицинскомъ отношеніи, но и этнографическомъ. Автору пришлось прослужить самому въ этой мѣстности четыре года. Въ названный очеркъ вошли слѣд. главы: 1) топографія мѣстности, 2) ея гидрографія, 3) климатъ 4) флора, 5) фауна, 6) этнографія, 7) минеральныя богатства, историческіе памятники и 8) медицинская часть, въ которой изложены свѣдѣнія о санитарномъ состояніи и санитарномъ надзорѣ въ округѣ, а также свѣдѣнія о болѣзняхъ въ немъ. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія имѣются по этнографіи населенія и медицинской части, хотя не лишены интереса и остальныя главы. Населеніе Ольтинскаго края доходитъ до 23,437 душъ; изъ нихъ наибольшее количество приходится на турокъ (14,094), затѣмъ—туркменъ, курдовъ и армянъ. Изъ всѣхъ народностей только курды и цыгане являются кочующими, остальные же осѣдлые. При описаніи каждой группы населенія авторъ говоритъ о

нѣкоторыхъ обрядахъ, обычаяхъ, общественныхъ увеселеніяхъ, семейной жизни, одеждѣ, пищѣ и т. д. Очень мало свѣдѣній объ армянахъ и курдахъ. Не безъинтересны свѣдѣнія о жилищахъ населенія, которыя весьма вредны въ гигіеническомъ отношеніи (землянки), и пищѣ. Санитарныя условія населенія плохи, что отражается и на заболѣваемости населенія. За 7 лѣтъ (1887—1893 г.) обращалось за медицинскою помощью 6224 челов. Первое мѣсто занимаютъ болѣзни: перемежная лихорадка (27,5%), затѣмъ болѣзни глазъ (8,41%); третье мѣсто — болѣзни дыхательныхъ органовъ (7,43%). Сифилисъ далъ 1,67% больныхъ; о немъ авторъ даетъ болѣе подробныя свѣдѣнія, и оказывается, что сифилисъ существовалъ здѣсь еще до прихода русскихъ. Замѣчено, что населеніе охотно обращается къ медицинской помощи.

Не смотря на краткость нѣкоторыхъ свѣдѣній, работа представляетъ интересъ и можетъ служить важнымъ матеріаломъ для послѣдующихъ изслѣдованій. **Д. Никольскій**.

В. Вышпольскій. Медико-топографическіе очерки Иссыкъ-Кульскаго уѣзда, Семирѣченской области, *съ описаніемъ преобладающихъ болѣзней, въ зависимости отъ почвы, климата и бытовыхъ условій среди населенія уѣзда*. («Военно-медицин. Журналъ» 1895 г. кн. IX).

Наши окраины, достаточно сравнительно изученныя съ естественно-исторической и этнографической стороны, совсѣмъ почти не затронуты съ медико-топографической и санитарной. Поэтому, появленіе каждой работы, относящейся до характеристики мѣстности съ медико-санитарной точки зрѣнія, заслуживаетъ вниманія. Вышеуказанная работа, именно и относится къ такимъ. Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ даетъ характеристику уѣзда съ географическо-климатической точки зрѣнія, описывая почву, Иссыкъ-Кульское озеро, ключи (между послѣдними есть и минеральные), метеорологическія наблюденія, растенія и вліяніе климата на движеніе заболѣваемости въ населеніи какъ гражданскомъ (съ 1870—1871 г.) такъ и военномъ (съ 1884—1894 г.). Въ долинѣ Иссыкъ-Кульской въ осѣдломъ населеніи господствуютъ лѣтомъ поносы и болѣзни органовъ пищеваренія, «составляющія настоящій бичъ». Вообще эти данныя автора весьма интересны, въ особенности по отношенію къ мѣстному населенію. Въ *третьей* главѣ описываются населенныя мѣста, дома, кладбища (очень краткія свѣдѣнія); въ *четвертой*—народонаселеніе уѣзда, количество, составъ его (кара-киргизы) и образъ жизни (пища, одежда, жилища, болѣзни и т. д.); въ *пятой* - рождаемость и смертность среди кочевниковъ (безъ цыфровыхъ данныхъ), роды, уходъ за ребенкомъ, общія черты характера кара-киргизовъ. Затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о заболѣваемости хотя и краткія, среди сарто-калмыковъ, дунганъ, сартъ, татаръ и русскихъ; попутно съ этими свѣдѣніями авторомъ даются нѣкоторыя этнографическія данныя, главнымъ образомъ относящіяся къ описанію домашней обстановки и т. д.

Отдавая должное указанной работѣ, мы должны замѣтить, что въ ней не затронутъ вопросъ о вліяніи пришлаго населенія на туземцевъ и наоборотъ. Въ ряду причинъ, способствующихъ заболѣванію военнаго сословія, авторъ отводитъ главное почти мѣсто климату и почвѣ и меньше всего бытовымъ условіямъ.

Д. Н—й.

И. Минкевичъ. Обрѣзаніе у древнихъ Колховъ и другихъ различныхъ народовъ. *(Медиц. Сборн. Императорскаго Кавказскаго Медиц. Общества, № 59, 1896 г).*

Докторъ Минкевичъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ врачей, которымъ не чужды вопросы этнографіи и особенно инородческаго населенія. Авторъ далъ уже не мало работъ въ этомъ направленіи относительно населенія Кавказа. Разсматриваемые имъ вопросы по этнографіи связываются съ медицинскими и санитарными, что еще болѣе придаетъ значенія этимъ работамъ. Авторъ, какъ видно, придаетъ большое значеніе изученію народной медицины, познакомившись съ которою, «мы можемъ, такъ сказать, уразумѣть внутреннюю жизнь народа, его взгляды, убѣжденія». Въ народной медицинѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, отражаются религіозные взгляды, народное міровоззрѣніе. Въ названной работѣ авторъ разсматриваетъ вопросъ объ обрѣзаніи, употреблявшемся въ глубокой древности на Кавказѣ у однихъ Колховъ. Вначалѣ предпосылаются сравнительныя историческія свѣдѣнія объ обрѣзаніи вообще у различныхъ народовъ (библейскихъ евреевъ, египтянъ у жителей Африки, Австраліи и т. д.), о значеніи обрѣзанія, обрядовъ, совершаемыхъ при этомъ и т. д., и въ заключеніе говорится, что на начало развитія и распространеніе обрѣзанія чрезвычайно сильно вліяли расовыя условія и извѣстныя степени культурнаго развитія племенъ. У древнихъ народовъ, какъ дикихъ, варварскихъ, подражаніе сильно вліяло на развитіе этого обычая.

Вопросу объ обрѣзаніи у древнихъ Колховъ авторомъ удѣлено немного мѣста—всего около четырехъ страничекъ (изъ 28) съ историческими о нихъ свѣдѣніями. По аналогіи авторъ допускаетъ существованіе обрѣзанія у Колховъ не только у мужчинъ, но даже и женщинъ, хотя у послѣднихъ оно могло быть, но могло и не быть.

Д. Н—й.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Биржевыя Вѣдомости. 1896. — **6.** Краткій очеркъ быта „боэровъ“. — **8, 9.** *Ив. Славинскій.* Ахалкалакскіе духоборы. — **12.** *Б. Л.* Корреспонденція изъ М. Глубокое. Виленск. губ. (Эксплоатація невѣжества и бѣдности крестьянъ съ помощью заманиванія ихъ на переселеніе въ Сибирь). — **14.** Подношенія дальняго Востока. Описаніе костюмовъ и конскаго убора, поднесенныхъ Государю Императору депутаціей нерчинскихъ тунгусовъ. — **20.** Краткій очеркъ исторіи дѣятельности Импер. Русск. Геогр. Общ. — **23.** Краткое изложеніе статьи г. Тезякова о вотякахъ Больше-Гондырской волости Пермск. г. („Новое Слово“). — **29.** Судебная хроника. Сопротивленіе властямъ, вызванное толкованіемъ манифеста. — **34.** Корреспонд. изъ Стародуба Черниг. губ. („Орлов. Вѣст.“). Корреспонд. изъ Балашов. у. Факты, свидѣтельствующіе объ отвращеніи крестьянъ къ тѣлесному наказанію. — **36** О Кузѣ-богѣ у мордвы. (Изъ „Новаго Времени“). Историческая справка о сектѣ знахаря Кузьмы Пеляндина. — **36.** Присяга въ судѣ не на свою душу, а на душу утюга. (Изъ „Варшавск. Дневн.“). — **36.** Обычай приглашать въ домъ невѣсты „лежня“. („Орлов. Вѣст.“) — **41.** Человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ. Замѣтка о докладѣ г. Лунина въ засѣданіи отдѣл. этногр. Имп. Русск. Геогр. Общ. — Русское поселеніе въ Малой Азіи. Замѣтка о докладѣ въ отд. этногр. И. Р. Г. О. (Поселеніе русскихъ раскольниковъ въ глубинѣ М. Аз.). — **43.** Секта „неплательщиковъ“. Возникла въ Красноуфимск. у., Пермск. г., на почвѣ недовольства заводскихъ крестьянъ положеніемъ, явившимся вслѣдствіе реформы 19 февр. Крестьяне отказались принять условія реформы, отказались нести повинности и подати. Духовенство, ставъ на сторонѣ правительства, вооружило противъ себя наиболѣе фанатичныхъ крестьянъ; отсюда религіозное броженіе: отказу отъ уплаты податей и исполненія государственныхъ повинностей подысканы религіозныя основанія. Сущность ученія секты: теперь—время антихриста; гражданскія власти—установленіе антихриста; церковь заодно съ ними; поэтому не надо слушать властей ни гражданскихъ, ни церковныхъ; не надо платить за землю—земля „Божія“; нужно уклоняться отъ воинской повинности, такъ какъ истинные воины только тѣ, что борятся съ не принадлежащими къ сектѣ и пр. Спасеніе возможно только „въ духѣ“; церковь съ ея внѣшней, обрядовой стороной угодна была Богу только до 7-й тысячи. Общественное богослуженіе у сектантовъ въ видѣ домашнихъ собраній съ чтеніемъ библіи и твореній нѣкоторыхъ отцовъ церкви; сектанты держатся особнякомъ, вина не пьютъ. („Пермск. Епарх. Вѣд.“). — **44.** Корреспонденція изъ Сумского у. Отказъ новобранца отъ военной службы и присяги (изъ „Недѣли“). — **44.** *Далинъ.* Неужели никто? Приводится письмо крестьянина о томъ, какъ мѣстная интеллигенція относилась къ его стремленію къ саморазвитію. Любопытны высказываемыя имъ мнѣнія **45.** Докладъ В. Г. Короленко. Замѣтка о докладѣ Короленко, читанномъ въ засѣданіи Антропологич. Общ. — **50.** Корреспонд. изъ г. Сосницы о возрастающемъ довѣріи крестьянъ къ врачамъ. — **57.** Корресп. изъ Фатежа Курск. г. Слухи о томъ, что наступятъ невѣроятные морозы. Тутъ

же выдержка изъ Екатеринослав. Губ. Вѣд. о такомъ же слухѣ въ с. Каменскомъ Екатериносл. у.—**60**. Краткій очеркъ исторіи шахматной игры.—**63**. Мнѣнія разныхъ извѣстныхъ лицъ о возможности человѣческаго жертвоприношенія у вотяковъ (Изъ „Петерб. Газ.")—Отношеніе крестьянъ къ книгамъ, проводящимъ критическій взглядъ на народныя суевѣрія. („Орл. Вѣст.") —**79**. Замѣтка о докладѣ объ обстановкѣ вотскихъ жертвоприношеній, читанномъ въ засѣданіи Отд. Этн. И. Р. Г. О—**84**. Взглядъ грамотнаго, развитого крестьянина на тѣлесное наказаніе и причины неуспѣшности развитія грамотности (изъ „Русск. Богат.").—**104**. *Малороссъ*. „Осначи". (Сплавщики лѣса). Корресп. изъ Черниговъ. г. Изъ Могилевск. у., Подольск. г. Эксплоатація ворами религіознаго повѣрья евреевъ о явленіи духа Ильи Пророка во время Пасхи.—**106**. Игральные столики въ деревнѣ (народная рулетка): (Изъ „Ворон. Тел.").—Отношеніе простого деревенскаго люда къ серебрянымъ деньгамъ (Изъ „Харьк. Вѣд.").—**106**. Фактъ, характеризующій отношеніе къ неграмъ со стороны бѣлыхъ американцевъ.—**109**. Убійца шаха. О сектѣ бабидовъ.—**114**. *Далинъ*. Съ согласія и благословенія „преподобнаго старца Михаила". Убійство на религіозномъ основаніи.—**118**. О сектѣ бабидовъ. —**124**. Замѣтка о докладѣ проф. Позднѣева въ Антропологич. Общ. о буддизмѣ.—**125**. Опять кончина міра. Слухи о кончинѣ міра, распускаемые сектантами въ Гапсальск. у., Эстл. губ. (изъ „Валгуса").—**153**. Судебная хроника. Кавказскіе нравы. Убійство во время борьбы при свадебныхъ торжествахъ.—**153**. Легковѣріе крестьянъ: слухи о царскихъ подаркахъ. (Изъ „Орл. Вѣст.").—**157**. **162**. Судебная хроника. Мултановское дѣло —**158**. Страшное дѣло. Убійство на почвѣ повѣрья, что свѣчи, изготовленныя изъ человѣческаго сальника, гарантируютъ вора отъ поимки. (Изъ „Харьк. Губ. Вѣд."). „Благодатный посланникъ". Эксплоатація почитанія о. Іоанна Кроншт.— **159** *Далинъ*. „По другому рецепту". Описаніе быта нѣмецкихъ колонистовъ Поволжья.—**161**. **162**. **164**. *Далинъ*. Саратовская „заграница" или „Иванъ, да не тотъ". Описаніе быта нѣмецкихъ колонистовъ Поволжья.—**163**. Корреспонд. изъ Курска. Повѣрье о появленіи чернаго креста на спинѣ поджигателя.— Корресп. изъ Ростова Яросл. Повѣрье о громовой стрѣлѣ и цѣлебномъ свойствѣ воды, скаченной съ нея.—**167**. *Далинъ*. Женщина въ Саратовской „заграницѣ". Положеніе женщины въ нѣмецкихъ колоніяхъ Поволжья.—**175**. **176**. *Е. О. Дубровина*. Мусульманская тризна въ Баку. Описаніе тризны по халифѣ мусульманъ шіитовъ Шахъ-Хусейнѣ.—**181**. **182**. **183**. *П. Новрусскій*. Замѣтки по инородческому вопросу. (О положеніи миссіонерскаго дѣла среди чувашей Буинск. у.).—**181** Допотопная мѣра (о хлѣбныхъ мѣрахъ у малороссовъ). Изъ „Харьк. Вѣд.".—**181**. Замѣтка о персидскомъ театрѣ (изъ „Fortnightly Review").—**182**. Случай религіозной маніи нѣсколькихъ женщинъ подъ вліяніемъ одной. (Изъ „Виленск. Вѣст.").—**183**. Борьба съ суевѣріемъ. (Суевѣрное мнѣніе о томъ, что грѣхъ тушить пожары, происшедшіе отъ удара молніи. —**186**. *И. Ин—цевъ*. Медицинская помощь въ нижегородскомъ земствѣ. — Санитарное положеніе уѣзда. (Описаніе внѣшняго быта нижегородск. (крестьян.).—**187**. *L'ago*. Изъ-за имущественныхъ земельныхъ раздѣловъ. Указанія на положеніе женщины въ крестьянск. семьѣ. — Казусное событіе. (Вѣра въ нечистую силу. „Заклятый молебенъ").—**188**. Безпорядки въ станицахъ Хоперскаго окр. (Причина ихъ—толки о томъ, что у казаковъ отберутъ лѣсъ въ казну.).—**190**. Корреспонд. изъ Крапивен. у., Тульск. г. Эксплоатація вѣрованія въ явленныя иконы.—**195**. Изъ Таганрога. Оригинальный способъ мести. Повѣрье о томъ, что если у порога дома разбить кувшинъ съ водою, которою былъ омытъ мертвецъ, то съ живущими въ этомъ домѣ случится бѣда.—**197**. Народный театръ въ Самарск. г. (Изъ „Русск. Вѣд.").—***204***. „Кабацкая культура". Замѣтка о свадебныхъ развлеченіяхъ въ тѣхъ деревняхъ Астраханск. г., куда проникла городская культура.—**212**. Мамадышъ. Бунтъ татаръ по поводу опыта народной переписи. (Изъ „Гражданина").—**214**. **215**. **216**. **218**. **220**. **222**. **223**. **224**. **225**. **226**. **227**. **229**. Археологич. съѣздъ въ Ригѣ. - **229**. *П. Критскій*. Латыши и ихъ этнографическая выставка въ г. Ригѣ.—**234**. Японскія пословицы.—**241**. Раскольники въ Россіи (статистика раскола). — Изъ Ревеля. Новыя секты. (Изъ

„Олевика“). — **242**. Обычай печь блины въ Вознесенье. (Изъ „Церковн. Вѣстн.“). — **243**. „Еленушкина секта“ въ Псковск. г. (Въ ученье ея входитъ ожиданіе скораго наступленія конца свѣта, антихристъ—о. Іоаннъ Кроншт.). (Изъ „Нов. Вр.“).—Корреспонд. изъ Царицына. Распространеніе слуховъ о явленіи антихриста, пришествіи пр. Иліи (Іоаннъ Кроншт.) и Еноха (о. Николай). Деревенскій театръ (Изъ „Вѣстника Финансовъ“).—**245**. *А. Осиповъ*. Чѣмъ турки живы. Очеркъ духовной культуры турокъ.—*Н. П. Левитскій* Самоѣдъ на нижегородской выставкѣ. (Впечатлѣнія автора отъ разговора съ самоѣдомъ, бывшимъ на выставкѣ). — **246**. *А. Осиповъ*. Общественное хозяйство въ Константинополѣ. Очеркъ внѣшняго быта турокъ. — **250**. Взаимное вліяніе русскихъ и киргизовъ. Выдержка изъ статьи г. Степного „Дорожныя письма изъ Тургайской области“, помѣщ. въ „Волжско-Камск. Краѣ“.—Замѣтка о нѣмецкихъ колоніяхъ на Кавказѣ. (Изъ „Тифлисск. Листка“).—Изъ Самары. Артель женщинъ—черворабочихъ.— **253**. Объ отношеніи крестьянъ къ книгѣ. (Замѣтка изъ „Вятск. Края“). — **256**. *Независимый*. „Игуны“. Происхожденіе прозвища безработныхъ.—**259**. **264**. Лишніе люди. О положеніи переселенцевъ. — **269**. *Независимый*. Феноменальный случай. Вѣра въ бѣсноватыхъ. — **273**. Замѣтка о происхожденіи „камаринскаго мужика“. (Изъ „Орл. Вѣст.“).—Судебная хроника. Сопротивленіе власти. (Слухи о крещеніи магометанъ).—**274**. *Казиженкъ*. Дагестанскіе порядки.—**276**. Объ экспедиціи г. Шимкевича въ районъ Буреи, Зеи, Амгуни. (Изъ „Русск. Вѣд.“). — **285**. Судебная хроника. Дѣло духоборовъ.—Объ отношеніи народа къ книгѣ. Замѣтка по статьѣ г. Рогаля-Левицкой—„Изъ жизни одной воскресной школы“, помѣщенн. въ „Образованіи“.—**287**. О дѣятельности англичанъ въ Индіи. Изложеніе статьи г. Краснова, помѣщен. въ „Книжкахъ Недѣли“. — **290**. Расправа съ конокрадомъ.—**293**. *Б.* Чортъ въ провинціи. Факты, свидѣтельствующіе о вѣрѣ въ нечистую силу и колдовство. (Изъ „Сарат Дневн.“, „Казанск. Тел.“ и одной нѣм. газ.). — **300**. Въ Антропологич. Обществѣ. Замѣтка о докладахъ: д-ра Никольскаго—объ итогахъ трехлѣтняго существованія и дѣятельности общества и г. Залѣсскаго—о сибирскомъ народцѣ карагасовъ —Переселенцы. Переселенцы изъ Виленск. г. поѣхали въ Туркестанъ черезъ Петербургъ и Москву, такъ какъ думали, что чѣмъ дальше разстояніе, тѣмъ дешевле билетъ.—**304**. *Независимый*. Къ кисельнымъ берегамъ. (Стремленіе крестьянъ къ переселенію; слухи о томъ, что въ Сибири даютъ много земли и сбрасываютъ недоимки; о билетахъ за „Царскимъ орломъ“, замѣняющихъ паспорта).—**307**. Исторія появленія евреевъ въ предѣлахъ Абиссиніи и современное ихъ положеніе. (Изъ „Нов. Вр.“).—**309**. Крестьяне и землемѣръ. Сопротивленіе властямъ, возникшее на почвѣ недовѣрія къ землемѣру. (Изъ „Смоленск. Вѣстн.“).— Изложеніе содержанія статьи П. Леруа-Болье о „Власти денегъ“, помѣщен. въ журн. „Восходъ“.—**310**. Судебная хроника. Зарайскіе сектанты.—Русскія поселенія на китайской границѣ. Изложеніе доклада г. Шмурло въ засѣданіи Имп. Р. Г. Общ.—**317**. Перерожденіе или вырожденіе. Корреспонд. изъ Геническа. Наблюденія надъ селомъ, переживающимъ превращеніе въ городъ.—Изложеніе доклада г-жи Тарновской „О женской преступности“, сдѣланнаго на IV конгрессѣ криминальной антропологіи.—**319**. Изложеніе доклада г. Левенстима „Суевѣріе въ его отношеніи къ уголовному праву“, сдѣланнаго въ засѣданіи уголовнаго отдѣленія Юридич. Общ.—**320**. Изложеніе статьи г. Агаѳонова о Швейцаріи. („Міръ Бож.“).—**324**. Судебная хроника. Дѣло объ убійствѣ мальчика для суевѣрныхъ цѣлей. Повѣрье о томъ, что если убить человѣка, вынуть изъ него жиръ, сдѣлать двѣ свѣчки, зажечь ихъ и итти съ ними, то „и звѣри не возьмутъ и люди будутъ спать“.—**329**. Заявленіе гласнаго изъ крестьянъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. —**346**. **359**. *Н. Александровъ*. Геніальныя дѣти. Замѣтка о японской художественной выставкѣ.—**348**. „Арбузный праздникъ“. Корреспонд. изъ Владивостока. (Краткая замѣтка о большомъ годовомъ праздникѣ китайцевъ носящемъ названіе „арбузнаго“). — Самоубійство въ состояніи религіознаго изступленія. (Изъ „Русск. Вѣд.“).

Варшавскія Губ. Вѣд. 1897. 19—26. *Мошковъ*. „Старообрядцы Варшавской губ. и ихъ пѣсни“ (текстъ съ нотами,—прод. слѣд.).

Волжскій Вѣстникъ. 1897.—23. *Пономаревъ, П.* Къ вопросу о женскомъ образованіи въ Казани въ началѣ XIX вѣка.—**24.** Къ переселенческому вопросу.—**57.** *Борисовъ, В.* Изъ исторіи памятника покоренія Казани.—*С. П. Д.* Бытъ, нравы и религія минусинскихъ инородцевъ. Изложеніе реферата Н. Ѳ. Катанова.—Къ характеристикѣ современной русской деревни.—**88.** *Оріонъ.* Изъ исторіи народнаго образованія въ Россіи.—**94.** Страстная недѣля въ Мадридѣ.

Камско-Волжскій Край. 1897.—350. Изложеніе доклада о іезидахъ, поклонникахъ діавола, читаннаго г. Романовымъ въ Географическомъ Обществѣ.—**351.** *Матвѣевъ, С.* Игры и забавы татарской молодежи Уфимской губ.—**352.** Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, 27 февраля, 1897 г. Доклады: Н. Ѳ. Катанова—„Отчетъ объ этнографической экскурсіи въ Минусинскій округъ", и свящ. Н. А. Архангельскаго—„Городище на Свѣтломъ озерѣ въ Ядринскомъ уѣздѣ".—**354.** *Загоскинъ, Н.* Казанскіе академическіе піиты и витіи начала текущаго столѣтія. (Окончаніе). — **359, 386.** *И. С.* Изъ наблюденій надъ жизнью Сибири. (Продолженіе). — **365.** Замѣтка о „мишаряхъ", татарской народности.—**373.** Пытка въ Бухарѣ.—**376.** Праздникъ Благовѣщенія на Руси.—**381** *И. С.* Книга Генри Друмонда: Прогрессъ и эволюція человѣка.

Костромскія Губ. Вѣд. 1897.—17. *Бекаревичъ, Н. М.* Докладъ, читанный въ Костромской архивной коммиссіи о древностяхъ Костромской губерніи.—**18.** *Рябининъ, М. Д.* О двухъ пѣсняхъ, находящихся въ старинномъ нотномъ рукописномъ сборникѣ, принадлежащемъ М. Д. Рябинину. (Первая, по мнѣнію автора, изображаетъ казни Іоанна IV подъ видомъ брачнаго поѣзда, вторая обрисовываетъ недружелюбныя отношенія зятя къ тещѣ).—**19—21, 26, 27.** *Милоновидовъ, И.* Слѣды миѳологіи древнихъ обитателей Костромского края.

Костромскія Епарх. Вѣд. 1897.—67. О пѣніи въ православныхъ церквахъ греческаго Востока. (Продолженіе).

Курляндскія Губ. Вѣд. 1897. 28. Истор. очеркъ Фридрихштадтской церкви.—**30.** Некрологъ и перечень трудовъ историка права Прибалтійскаго края Ф. А. Бунге.

Курскія Губ. Вѣд. 1897.—57. Объ изданіи полнаго собранія русскихъ народныхъ сказокъ. — **57—62.** *Терновскій, С.* Замѣтки о народномъ образованіи.—**62.** Изъ религіозной жизни раскольниковъ-поморцевъ. (Корреспонденція изъ с. Камышнаго, Суджанскаго у., Курской губ.). — **63—68.** *Танковъ. А.* Необходимость и возможность учрежденія въ Курскѣ архивной коммиссіи — **64—67.** *Багалѣй, Д. И.* Акты Курскаго края, извлеченные изъ фамильнаго архива графа М. М. Толстого.

Lodzer Zeitung.—1897.—59, 61. Привислинскій край триста лѣтъ тому назадъ.—**64.** Движеніе населенія Европейской Россіи за 1892 годъ.—**65.** Права женщинъ у малайцевъ.—**75.** Къ вопросу о народномъ образованіи.—**76.** О находкѣ сочиненій Папія, епископа Гіераполиса. (Изъ Петерб. Вѣд.).—**85.** Выставка древностей, принадлежащихъ городу Варшавѣ.

Нижегородскія Губ. Вѣд. 1897.—16. *Л—въ, Н.* Образцы стихотвореній, писанныхъ семинаристами въ началѣ текущаго столѣтія.—**15.** Страстная недѣля въ старой Москвѣ. Историческая справка о св. плащаницѣ.

Пензенскія Губ. Вѣд. 1897. — 79. Суевѣрное употребленіе освященной вербы.

Подольскія Губ. Вѣд. 1897. 26. Самыя маленькія государства (Kilde къ Зап. отъ Гебридскихъ о-вовъ и Houst въ департ. Нижнихъ Пиренеевъ; краткія свѣдѣнія взяты изъ Rundschau f. Geographie und Statistik).

Рязанскія Епарх. Вѣд. 1897.—5, 6. Матеріалы для біографіи преосвящ. Симона Лаговы. (Продолженіе). Духовные дѣятели Рязанскаго края. (Продолженіе).—**6, 7.** Кіевскій митрополитъ Петръ Могила.

Сибирь. 1896. 1. *Д. А. Клеменцъ:* Докладъ въ Зап.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. о результатахъ экспедиціи въ Монголію. (Геологическія свѣдѣнія, археологическія: 17 тюркскихъ надписей, и этнографическія: буддійскія вѣрованія

сѣверныхъ монголовъ). 6. Киргизы и переселенцы: докладъ г. Рыбакова въ Этногр. отдѣленіи Географ. Общ. 9. *Г. Ц. Б.* У Забайкальскихъ бурятъ: Новый годъ („Цаганъ-ганъ" и „цаганъ-сара" — названія новаго года и перваго мѣсяца у бурятъ и монголовъ. Происхожденіе этихъ названій. Встрѣча и самый день Новаго года. Игры: „шигай-чигураху"—ловля ложижекъ и „бильчасикъ-нипуху"— пріятныя кольца. Лунный календарь). 14. *В. О.* Въ странѣ тундръ и лиственицъ (Баронъ Гергардъ Майдель: Путешествіе по сѣверо-восточной части Якутской области въ 1868—70 годахъ).—20. *М. К.* Къ вопросу о землеустройствѣ сельскаго населенія Сибири. 25. *Вл. Студницкій.* Преступность въ Сибири. (Самосуды. Дѣла о побояхъ, причиняющихъ смерть, по отношенію къ мужчинамъ и главнымъ образомъ къ женщинамъ въ большихъ крестьянскихъ семьяхъ. Положеніе женщины въ большихъ крестьянскихъ семьяхъ). 28. Рец. на кн. Кауфмана: „Крестьянская община въ Сибири". 29. *В. Бронисласскій.* Существуетъ ли сибирская народность? (Мнѣнія Астырева, Щапова, Ядринцева и др. объ особомъ характерѣ сибиряковъ). Критика этихъ мнѣній въ связи съ исторіей колонизаціи Сибири). 34. Въ Казанскихъ ученыхъ обществахъ—замѣтка о докладѣ Катанова: поѣздка къ койбанамъ, бельтирамъ, сагайдамъ и качинцамъ (бытъ, русское вліяніе на языкъ и религію). 35. Шаманство у минусинскихъ инородцевъ—докладъ Катанова (обрядовая сторона).

Таганрогскій Вѣстникъ. 1897. — 36. Библіографическая замѣтка объ „Очеркахъ Сибири" С. Елпатьевскаго.

Южанинъ. 1897.—66. Замѣтка о предполагаемомъ И. Русскимъ Географическимъ Обществомъ изданіи народныхъ сказокъ.—76. Находка античной бронзовой статуэтки въ Одесскомъ уѣздѣ.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Александровъ, А. Матеріалы и нѣкоторыя изслѣдованія по исторіи Черногоріи. Казань 1897.

Вагешотъ. Научные законы развитія народовъ въ связи съ наслѣдственностью и естественнымъ подборомъ. Перев. съ франц Изд. К. Г—вой и А. О—ва. Харьковъ. 1896.

Водуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Кашубскій языкъ, Кашубскій народъ и Кашубскій вопросъ. Статья 1-я (изъ „Журнала Мин. Нар. Просв." 1897, апр.--май). Спб. 1897.

Бонвало, Габр. Невѣдомая Азія, Путешествіе въ Тибетъ. Перев. съ франц. Л. А. Богдановича. Изд. ред. журнала „Средне-Азіатскій Вѣстникъ". Ташкентъ. 1897.

Востокъ Европейской Россіи. Казань. 1897.

Даттанъ, А. В. Историческій очеркъ развитія Приамурской торговли. Москва. 1897.

Долганевъ, Е. Современная Абиссинія. Очерки быта, культуры общественной и религіозной жизни эѳіопскаго народа. Спб. 1897.

Дубровинъ, Н. Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, и присоединеніе ея къ Россіи. 2-е изд. Спб. 1897.

Іонинъ, А. А. Новыя данныя къ исторіи Восточной Сибири XVII вѣка. Иркутскъ. 1895.

Корженевскій, Вор. По Востоку. Путевые очерки и картины, въ 3 частяхъ, съ 117 иллюстраціями. Москва. 1897.

Коршъ, Ѳ. Е. О русскомъ народномъ стихосложеніи. I. Былины. Приложеніе: 1. Ударенія въ языкѣ русской народной поэзіи. Существительныя съ подвижнымъ удареніемъ. Женскій родъ. Вып. 1. (Изъ Извѣстій 2-го отдѣленія И. Академіи Наукъ). Спб. 1897.

Краткій историческій очеркъ Алтайскаго округа (1747—1797 г.г.). Спб. 1897.

Красновъ, А. Н Какъ живутъ китайцы. Изд. Харьковск. Общества распр. въ народѣ грамотности. Харьковъ. 1895.

Лашковъ, Ѳ. Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія. Сборникъ документовъ. Симферополь 1897.

Левенстимъ. А. А. Суевѣріе въ его отношеніяхъ къ уголовному праву. (Изъ „Журн. Мин. Юстиціи", 1897, янв.—февр.) Спб. 1897.

Мензбиръ, М. А. Историческій очеркъ воззрѣній на природу. („Вопросы науки, искусства, литературы и жизни", № 2). Изд. кн. магаз. Гросманъ и Кнебель. Москва. 1897.

Мечъ, Серг. Австралія и Тасманія. 2-е испр. изд. Москва. 1896.

Милаковскій, М. Г. Очеркъ Бѣлостока въ историческомъ, этнографическомъ и бытовомъ отношеніяхъ съ приложеніями. Изд. кн. маг. „Обществ. Польза" въ Бѣлостокѣ. Кіевъ. 1897.

Миллеръ, Всеволодъ. Очерки русской народной словесности. Былины



I.—XVI. (Историко-культурная библіотека. Изд. тов. И. Д. Сытина). Москва. 1897. 8⁰, XIV+464 стр.

Мисюревъ, А. А., протоіер. Краткій историко-статистическій очеркъ Томской епархіи. Томскъ. 1897.

Молитвы передъ обѣдомъ и послѣ обѣда за цѣлый годъ по обряду караимовъ и **обряды**: обрѣзанія, бракосочетанія и погребенія у Караимовъ. Перевелъ съ древне-еврейскаго языка *И. Б. Н. Фирковичъ*. Т. I и II. Царицынъ. 1896.

Молодыхъ, И. А. и Кулаковъ, П. Е. Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губерніи. Составл. подъ ред. II. П. Семенова. („Труды Восточно-Сиб. Отдѣла И. Русс. Геогр. Общества по участію Отдѣла на Всероссійской Выставкѣ въ 1896"). Спб. 1896, 242 стр.

Наршахи-Мухаммадъ. Исторія Бухары. Перев. съ персидск. Н Лыкошинъ, подъ ред. В. В. Бартольда. Ташкентъ. 1897.

Насыровъ, А. К. Образцы народной литературы казанскихъ татаръ. (Изъ XIII т, „Извѣстій Общ. Археол., Исторіи и Этногр. при Казанск. университ."). Казань. 1896.

Некрасовъ, Н. А. Замѣтки о языкѣ. „Повѣсти временныхъ лѣтъ" по Лаврентьевскому списку лѣтописи. Спб. 1897. (Изъ Извѣстій 2-го отдѣленія И. Академіи Наукъ т. I и II). Спб. 1896—97.

Никифоровскій, Н. Я. Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собр. въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1897.

Обряды, Бѣлорусскіе свадебные, и пѣсни сравнительно съ великорусскими. Составилъ *А. З—чъ*. Спб. 1897.

Пальмовъ, Мих. Идолопоклонство у древнихъ евреевъ. Спб. 1897.

Папковъ, А. Древне-русскій приходъ. Краткій очеркъ церковно-приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII в. и въ западной Россіи до XVII в. Сергіевъ Посадъ. 1897.

Плоссъ, Г., д-ръ. Женщина въ естествознаніи и народовѣдѣніи. Переводъ съ 5-го нѣм. изд., улучшеннаго и переработ. д-ромъ М. Бартельсомъ, д-ра Комаровскаго. Т. I. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1897.

Пономаревъ, П., свящ. Описаніе церквей и приходовъ Кунгурскаго уѣзда Пермской губ. Кунгуръ. 1897.

Реутскій, Н. В. Луцкое православное Крестовоздвиженское братство и его историческія заслуги. Историческій опытъ. Луцкъ. 1897.

Саввантовъ, Пав. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. Спб. 1896.

Свіягинъ, Н.С. По русской и китайской Манчжуріи отъ Хабаровска до Нингуты. Впечатлѣнія и наблюденія. Спб. 1897.

Слезскинскій, А. Мурманъ. Изд. Комитета для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера. Съ 82 рис. Спб. 1897.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Современная малорусская этнографія. (Изъ „Кіевской Старины"). 1897.

Тимошенко, И. Е. Литературные первоисточники и прототипы 300 русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897.

Филимоновъ, Е. С. Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. *Вып. I.* Формы волостнаго землевладѣнія въ сѣв.-зап. Барабѣ. *Вып. II.* Краткій историч. очеркъ Малорусскаго землевладѣнія и замѣтка о Византійскомъ землевладѣніи X—XIII стол. Пермь. 1895.

Фортунатовъ, Ф. Ѳ. Критическій разборъ сочиненія проф. Варш. унив. *Г. К. Ульянова*: „Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ". Ч. I и II. Варшава 1891—95. (Изъ Отчета о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1895). Спб. 1897.

Шимановскій, В. Звуковыя и формальныя особенности народныхъ го-

воровъ Холмской Руси. Обзоръ, съ приложеніемъ образцовъ народныхъ говоровъ. Варшава. 1897.

Щербатова, О. А., кн. Въ странѣ вулкановъ. Путевыя замѣтки на Явѣ 1893 г., съ географическимъ, историч. и политич. обзоромъ Малайскаго архипелага. Съ 10 фототип., 100 рис. и картой. Спб. 1897.

Giedrojc, Fr. Ekspertyza lekarska w dawnych sądach Polskich do końca XVIII stulecia. Przyczynek do dziejów medycyny w Polsce. (Odbitka z „Kroniki Lekarskiej). Warszawa. 1896.

Keussler, Fr. von. Der Ausgang der ersten Russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII Jahrhundert. Mit 1 kolorierten Karte. St.-Petersburg. 1897.

Splieth, Wilh. Ueber vorgeschichtliche Alterthümer Schleswig-Holsteins. Kiel u. Leipzig. 1896. 8⁰ 61 pp.

Weinberg, Jul. Powstanie i rozwój rodu ludzkiego. Warszawa 1897.

ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.

I. *Русскія народныя пѣсни.*

Въ послѣднее время русская народная пѣсня, бывшая долгое время въ загонѣ и пренебреженіи, снова начинаетъ привлекать вниманіе общества, ученыхъ изслѣдователей и спеціалистовъ музыкантовъ. Въ отношеніи музыкальномъ то, что сдѣлано было въ прежнее время для русской пѣсни, оказывается слишкомъ недостаточнымъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе двухъ причинъ: неправильныхъ записей пѣсенныхъ напѣвовъ, особенно многоголосныхъ, и произвольной гармонизаціи пѣсенъ подъ вліяніемъ современной западной музыки. Необходимость новыхъ болѣе точныхъ записей вызвала въ Петербургѣ образованіе при И. Р. Географическомъ Обществѣ пѣсенной комиссіи, въ Москвѣ же возникла мысль записыванія народныхъ пѣсенъ, особенно хоровыхъ, при помощи фонографа (см. „Этногр. Обозр." кн. XXXII и «Русскія Вѣдомости», № 131 1897 г.). Для практическаго осуществленія этой мысли, необходимо было прежде всего собрать свѣдѣнія о томъ, *гдѣ еще сохранились хорошія старинныя хоровыя пѣсни*? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, обращенный отъ Этнографическаго Отдѣла путемъ печати, было получено нѣсколько отвѣтовъ изъ разныхъ мѣстностей. Печатая ниже существенное изъ этихъ отвѣтовъ, мы возобновляемъ нашу просьбу о доставленіи подобныхъ свѣдѣній изъ другихъ мѣстностей. Дѣло записыванія пѣсенъ фонографически, успѣшно начатое этимъ лѣтомъ г-жею Е. Э. Линевой, желательно продолжить въ будущее время, и сообщаемыя намъ свѣдѣнія могутъ помочь нѣсколько оріентироваться, чтобы не тратить напрасно времени и средствъ на ненужные переѣзды. Эти же свѣдѣнія могутъ пригодиться и другимъ лицамъ, интересующимся этимъ дѣломъ.

1) «М. Г.!... Спѣшу подѣлиться съ Вами кой-какими свѣдѣніями по части пѣсенъ. Я выросъ въ Зап. Сибири и затѣмъ порядочно поколесилъ по Россіи, жилъ 4 года и въ Малороссіи, въ Черниговской губ. По моему скромному мнѣнію, всего музыкальнѣе въ Россіи *казаки*, наслѣдовавшіе массу старинныхъ пѣсенъ отъ удалыхъ разбойниковъ. Въ Западную же Сибирь пѣсни приходили со всей Россіи съ переселенцами и ссыльными. Тамъ, у Сибирскихъ казаковъ, вы услышите много прекрасныхъ старинныхъ пѣсенъ, забытыхъ уже на мѣстѣ ихъ созданія. Поѣзжайте въ казачьи станицы на Алтаѣ, и вы соберете богатую жатву... Я не музыкантъ, но слухъ и музыкальную память имѣю и отлично помню еще много пѣсенъ, слышанныхъ въ Сибири... Самая лучшая пѣсня—„Село Павлово". Слова въ высшей степени просты, напѣвъ же богатѣйшій. Воспѣвается с. Павлово на р. Волгѣ, между рѣчекъ Бѣляночки и Щигляночки. Ведетъ пѣсню запѣвало, а хоръ подхватываетъ. Гармонизація богатѣйшая, мотивъ широкій... Затѣмъ хороши плясовыя: 1) „Гуляла чечетка, гуляла лебедка на боярскомъ дворѣ", 2) „Чарочки по столику похаживаютъ, пьяницы на вдовушку поглядываютъ", 3) старинная: „Ходитъ царь вкругъ Нова-города", 4) протяжная: „Отчего ты, красна дѣвица, пригорюнясь, у воротъ стоишь?" 5) „По Дону гуляетъ казакъ молодой, дѣвчина слезы ронитъ надъ быстрой рѣкой". Многія извѣстныя въ

Россіи пѣсни поются сибирскими казаками иначе, и по моему—лучше. Интересная подробность: казаки—мужчины поютъ превосходно, женщины же отвратительно визжатъ; казенные сибиряки-крестьяне поютъ плохо.

Маршрутъ слѣдующій: до Омска по желѣзной дорогѣ, оттуда до Семипалатинска на пароходѣ, дальше до Усть-Каменогорска (212 в.) на лошадяхъ вдоль Иртыша; дорога отличная, везутъ по-сибирски (до 20 вер. въ часъ), и вы проѣдете черезъ массу казачьихъ поселеній. Отъ Усть-Каменогорска до поселка Ульбинскаго (25 в.) по почтовой дорогѣ. Прогоны тамъ $1^1/_2$ к. съ лошади и версты. Ульбинскъ самъ по себѣ стоитъ, чтобы побывать тамъ,—прелестнѣйшее горное мѣстечко, въ роскошной долинѣ рѣки Ульбиной...".

Алексѣй Владиміровичъ Полторацкій.

Полоцкъ, Кадетскій корпусъ,
14 мая 1897 г.

2) „М. Г.!... Считаю долгомъ обратить вниманіе на выдающіяся по своей старинѣ и напѣвамъ пѣсни, существующія въ селеніяхъ Козловскаго уѣзда (Тамб. губ.), въ волостяхъ: Челновской, Стеженской и Ново-Дегтянской, расположенныхъ по р. Челновой, въ 50 вер. отъ г. Козлова, съ одной стороны, въ 18 вер. отъ станціи Сосновка Богоявленско-Сосновской вѣтви Рязанско-Уральской жел. дороги, и съ другой въ 15—20 вер. отъ ст. Покровское-Сабурово той же дороги".

Предсѣд. Уѣзлн. Зем. Управы [1]).

Козловъ,
17 мая, 1897 г.

3) „Здѣшнее село на берегу Оки; при немъ имѣются одни только необъятные луга. На покосъ, около Петрова дня и Казанской, собирается сюда много бабъ и дѣвокъ,—какъ здѣсь говорятъ,—съ горъ, т.-е. изъ полевыхъ деревень, и каждый вечеръ онѣ такъ поютъ, что рѣшительно нельзя оторваться, ихъ слушавши. Почти все село собирается ихъ слушать до поздней ночи. И пѣвицы и слушатели, конечно, усталые, но поютъ божественно. Здѣшнія же пѣсни очень скверныя, карикатурные романсы".

Марія Евграфовна Михайловская.

с. Верхне-Бѣлоомутъ, Ряз. губ., Зар. у.
16 мая, 97 г.

4)....„Близко знакомый съ народнымъ бытомъ верховьевъ Сѣверо-Двинскаго басейна, я имѣю честь указать Вамъ на такую мѣстность, гдѣ еще можно услышать хорошіе народные хоры,—это побережье Малой Сѣверной Двины въ предѣлахъ Устюжскаго уѣзда, Вологодской губ., волости: Шемогодская, Приводинская и Удимская. Нѣкоторыя данныя о народномъ творчествѣ и пѣсняхъ этой мѣстности находятся въ моей статьѣ: „Черты современнаго быта и поэтическаго творчества Вологодскаго крестьянства", помѣщенной въ „Вологодскомъ Сборникѣ", изд. въ пользу голодающихъ (СПБ. 1892), и въ книжкѣ И. Я. Львова: "Новое время—новыя пѣсни" (Устюгъ. 1891) [2])....

Александръ Александровичъ Тарутинъ.

Великій Устюгъ,
27 мая 1897 г.

---

[1]) Подпись неразборчива.

[2]) Авторъ предлагаетъ свои услуги, если понадобится какая-нибудь помощь на мѣстѣ (онъ бываетъ на Двинѣ въ іюнѣ и іюлѣ); кромѣ того, указываетъ на мѣстнаго жителя вышеназваннаго Ив. Яковл. Львова (въ Устюгѣ). *Ред.*



II. *Кукольный театръ.*

М. Г.! Всестороннее изученіе народности подвигается въ Россіи быстрыми шагами; но до сихъ поръ изслѣдователи наименѣе удѣляли вниманія народному театру. Лишь въ послѣднее время наблюдается нѣкоторое оживленіе интереса къ этому виду народнаго творчества. Что до театра маріонетокъ въ Россіи, то единственными въ своемъ родѣ являются работы г. Алферова („Петрушка и его предки") и моя („Кукольный театръ на Руси". Историческій очеркъ). Предпринимая работу по изслѣдованію развитія народнаго кукольнаго театра и нуждаясь въ русскихъ и другихъ матеріалахъ по интересующему меня вопросу, покорнѣйше прошу Васъ, М. Г., не отказать въ сообщеніи отвѣтовъ на нижеслѣдующіе пункты:

I. Существуетъ ли въ той мѣстности, гдѣ Вы живете, постоянно или временно кукольный театръ: а) религіозный (вертепъ, батлейка, шопка) или б) свѣтскій („Петрушка" или что-нибудь въ этомъ родѣ). (Мѣстность обозначить точно).

II. Каково отношеніе а) мѣстныхъ жителей и б) главнымъ образомъ—полиціи къ показывателямъ кукольнаго театра? Если существуютъ какія-либо циркулярныя или мѣстныя распоряженія полиціи, запрещающія кукольныя представленія, прошу не отказать въ сообщеніи ихъ (въ точныхъ копіяхъ).

III. Кто обыкновенно занимается устройствомъ и показываніемъ куколъ? а) Національность, вѣроисповѣданіе, возрастъ, имена и фамиліи показывателей и музыканта (если таковой сопровождаетъ кукольника и участвуетъ въ представленіи); б) отъ кого усвоили это искусство показыватели кукольной комедіи и почему избрали это занятіе? Вознагражденіе, получаемое ими?

IV. Каково устройство кукольнаго театра? сцены и куколъ? (если возможно—прошу сообщить планъ, рисунокъ или хотя набросокъ).

V. На какомъ языкѣ происходятъ представленія? Содержаніе ихъ? Прошу *записать текстъ* представляемой куклами пьесы; а если представленіе ведется по печатной книжкѣ (рѣдко), то сообщить точное заглавіе этой книжки (списать титульный листъ ея). Записывать устный текстъ слѣдуетъ съ соблюденіемъ особенностей произношенія показывателя, не стѣсняясь современной принятой орѳографіей. Такъ какъ существуетъ два рода пьесъ:—однѣ удобныя для смѣшанной публики, другія неудобныя,—то прошу обратить особенное вниманіе на послѣднія: эти пьесы кукольники остерегаются показывать кому попало, или когда заподозритъ присутствіе полицейскаго надзора. Особенно тщательно прошу отмѣтить имена дѣйствующихъ въ пьесахъ лицъ.

VI. Существуетъ ли въ Вашей мѣстности панорама (раёкъ)? Сообщите устройство его (планъ, рисунокъ, списокъ картинъ), а также текстъ. Нѣтъ ли текста на самыхъ картинахъ? Гдѣ послѣднія пріобрѣтаются и часто ли мѣняются? У кого учатся раёшники?

Владим. Никол. Перетцъ,
(привать-доцентъ С. П. Б—скаго университета).

Отвѣты просимъ адресовать въ Москву, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія", въ Политехническій музей, или въ Петербургъ г. Перетцу (Екатерингофскій проспектъ, д. 59, кв. 19).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Къ исторіи современной русской этнографіи.

Въ кн. XVII „Этнографическаго Обозрѣнія“ (стр. 232—233) указывалось на желательность *собиранія матеріаловъ для исторіи современной русской этнографіи* путемъ доставленія въ редакцію „Этногр. Обозрѣнія“ автобіографическихъ очерковъ (съ приложеніемъ фотографій) отъ самихъ лицъ, занимающихся этнографіей, т.-е. какъ лицъ напечатавшихъ уже что-нибудь въ этой области, такъ и тѣхъ, кто занимается собираніемъ матеріаловъ по народному быту. На призывъ редакціи откликнулись пока только слѣдующія лица, приславъ довольно обстоятельныхъ автобіографій съ приложеніемъ списка своихъ работъ: 1) *Н. Я. Никифоровскій*—изъ Витебска, 2) *А. В. Баловъ*—изъ Пошехонья, 3) *П. А. Шиловъ*—изъ Тобольска.

Повторяемъ нашу просьбу, обращенную ко всѣмъ русскимъ этнографамъ, особенно же къ тѣмъ, дѣятельность которыхъ мало обрисована или вовсе не затронута въ сочиненіи А. Н. Пыпина „Исторія русской этнографіи“. *Ред.*

Волынскій этнографическій музей.

Въ г. Городкѣ, Ровенскаго уѣзда, въ имѣніи бар. Ѳ. Р. Штейнгеля, по иниціативѣ владѣльца имѣнія, въ концѣ прошлаго года, положено основаніе областному музею Волынской губерніи. Музей устраивается по широкой программѣ. При музеѣ устраивается библіотека, посвященная спеціально Волынской губерніи. Помимо книгъ, газетныхъ и журнальныхъ статей, въ нее войдутъ всѣ печатные и рукописные документы, такъ или иначе касающіеся Волынской губерніи. Для пополненія коллекцій музея предполагается устраивать поѣздки по краю. Нѣсколько такихъ экскурсій уже было предпринято, другія намѣчены. Несмотря на то, что музей существуетъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, уже имѣются интересные предметы почти въ каждомъ изъ его отдѣловъ, такъ какъ учрежденіе музея встрѣтило полное сочувствіе со стороны мѣстныхъ землевладѣльцевъ и помѣщиковъ. Въ этнографическомъ отдѣлѣ имѣется уже цѣлая коллекція предметовъ въ нѣсколько сотъ экземпляровъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь „вертепъ“, найденный въ м. Славутѣ. „Вертепъ“ найденъ съ полной обстановкой и съ текстомъ, напоминающимъ собою одну изъ мистерій Симеона Полоцкаго. „Вертепъ“, хранящійся въ музеѣ бар. Ѳ. Р. Штейнгеля, имѣетъ видъ двухэтажнаго домика съ мезониномъ. Всѣхъ фигуръ въ этомъ вертепѣ 17—два ангела, Ааронъ, Давидъ, Иродъ, три царя, два солдата, пономарь, женщина съ ребенкомъ, смерть, чортъ, еврей, мужикъ съ цѣпомъ, цыганъ, ведущій барана, панъ и пани. Костюмы и физіономіи этихъ фигуръ представляютъ собою много интереснаго для этнографа.

(«Новости Дня», № 5024).

Некрологъ.

† 2 февраля скончался въ своемъ хуторѣ Мотроновкѣ, въ Черниговской губ. *Пантелеимонъ Александровичъ Кулишъ*, извѣстный представитель украинской литературы историкъ и этнографъ. Помимо своихъ печатныхъ трудовъ покойный оставилъ послѣ себя много рукописей, сохраняемыхъ и приводимыхъ въ порядокъ вдовою покойнаго, извѣстною также въ малорусской литературѣ подъ псевдонимомъ Ганны Барвинокъ. Некрологи П. А. Кулиша и воспоминанія о немъ помѣщены въ журналахъ «Кіевская старина», „Историческій вѣстникъ“ и др.

† 31 іюля скончался въ Москвѣ на 80 году жизни заслуженный профессоръ Московскаго университета ординарный академикъ *Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ*, извѣстный изслѣдователь русской старины въ области письменности, искусствъ, народной поэзіи и языка. Въ слѣдующей книжкѣ будетъ помѣщена болѣе обстоятельная статья, посвященная обзору ученой дѣятельности и заслугъ покойнаго.